

ФОЛЬКЛОР И АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

URBAN FOLKLORE
& ANTHROPOLOGY

№ 1–2
Т. VI 2024

ТЕМА НОМЕРА:
НАРРАТИВЫ
ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕГО

РЕДАКТОР–СОСТАВИТЕЛЬ НОМЕРА — НИКИТА ПЕТРОВ

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКВА
2024

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY

№ 1–2
V. 6 2024

SPECIAL ISSUE: NARRATIVES OF THE PAST AND PRESENT

EDITOR FOR THE ISSUE: NIKITA V. PETROV

Редакция

- С. Ю. Неклюдов — главный редактор, профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, научный руководитель Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- Д. А. Радченко — заместитель главного редактора, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, заместитель руководителя Центра городской антропологии **КБ Стрелка**, Москва, Россия
- Е. Ф. Левочская — научный редактор, кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, старший научный сотрудник Лаборатории комплексных исторических исследований **ИОН РАНХиГС**, Москва, Россия
- В. А. Комарова — корректор, сотрудник **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, Москва, Россия
- Д. А. Трынкина — редактор английских текстов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии **РАН**, Москва, Россия
- Я. И. Павлиди — координатор, младший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, Москва, Россия
- В. Ф. Лурье — художественный редактор, ведущий специалист издательского отдела **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, Москва, Россия

Редакционная коллегия

- М. Д. Алексеевский — кандидат филологических наук, руководитель Центра городской антропологии **КБ Стрелка**, Москва, Россия
- А. С. Архипова* — кандидат филологических наук, приглашенный исследователь Лаборатории социальной антропологии, Высшая школа социальных наук, Париж, Франция
- М. В. Ахметова — кандидат филологических наук, заместитель главного редактора журнала «**Шаги/Steps**», старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, Москва, Россия
- К. А. Богданов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы **РАН** (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург, Россия
- И. Броди — PhD, президент Ассоциации фольклористов Канады, главный редактор журнала «Современная легенда», доцент, Университет Кейп-Бретона, Сидней, Канада
- С. Грэхэм — PhD, доцент, Школа славянских и восточноевропейских исследований (SSEES), Лондон, Великобритания
- Н. В. Петров — кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- Д. Руайе-Уилоуби — PhD, президент Международного общества по изучению современной легенды, профессор, заведующий кафедрой современных и классических языков, литературы и культур, Университет Кентукки, Лексингтон, США
- Э. Такер — PhD, почетный профессор, Бингемтонский университет, Вестал, США
- И. В. Утехин — кандидат исторических наук, профессор Европейского университета, Санкт-Петербург, Россия
- О. Б. Христофорова — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, директор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- П. Янечек — PhD, заместитель заведующего кафедрой этнологии, факультет искусств, Карлов университет в Праге, Чехия

* АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА АРХИПОВА ОБЪЯВЛЕНА ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ

ISSN: 2658-3895 (print)

Urban Folklore & Anthropology. V. 6. № 1–2. 2024

EDITORIAL STAFF

GENERAL EDITOR — PROF SERGEI NEKLYUDOV (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)
DEPUTY GENERAL EDITOR — DR DARIA RADCHENKO (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, STRELKA KB, MOSCOW, RUSSIA)
ACADEMIC EDITOR — DR YELENA LEVOCHSKAYA (RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF THE HUMANITIES, RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)
ART EDITOR — VADIM LURIE (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)
PROOFREADER — VERA KOMAROVA (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)
ENGLISH TEXT EDITOR — DR DARIA TRYNKINA (INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY (RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES), MOSCOW, RUSSIA)
EDITORIAL COORDINATOR — YANA PAVLIDI (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)

EDITORIAL BOARD

DR MIKHAIL ALEKSEEVSKY (STRELKA KB, MOSCOW, RUSSIA)
DR ALEXANDRA ARKHIPOVA (LABORATOIRE D'ANTHROPOLOGIE SOCIALE, ÉCOLE DES HAUTES ÉTUDES EN SCIENCES SOCIALES, PARIS, FRANCE)
DR MARIA AKHMETOVA (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)
PROF KONSTANTIN BOGDANOV (INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, SAINT PETERSBURG, RUSSIA)
DR IAN BRODIE (CAPE BRETON UNIVERSITY, SYDNEY, CANADA)
DR SETH GRAHAM (UNIVERSITY COLLEGE OF LONDON, LONDON, UNITED KINGDOM)
DR PETR JANEČEK (CHARLES UNIVERSITY, PRAGUE, CZECH REPUBLIC)
PROF OLGA KHRISTOFOROVA (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)
DR NIKITA PETROV (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)
PROF JEANMARIE ROUHIER-WILLOUGHBY (UNIVERSITY OF KENTUCKY, LEXINGTON, UNITED STATES OF AMERICA)
PROF ELIZABETH TUCKER (BINGHAMTON UNIVERSITY, VESTAL, UNITED STATES OF AMERICA)
PROF ILYA UTEKHIN (EUROPEAN UNIVERSITY AT SAINT PETERSBURG, SAINT PETERSBURG, RUSSIA)

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Раздел «Детали города» располагается на разных страницах журнала. На нескольких разворотах представлены фотографии разных слоев исторической памяти города, сохранившихся в разной степени, но важных для горожан. Автор фотографий и подписей — Вадим Лурье.

The “Urban Details” section can be found on various pages of the journal. Photos of layers of the town’s historical memory, in varying states of preservation but equally important to the townspeople, are presented on several two-page openings. All photos and captions by Vadim Lurie.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРРАТИВЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

- 7** *Никита Петров.* Не только историческая память:
споры о прошлом, настоящем и будущем

ПАМЯТЬ ГОРОДА: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 14** *Анна Кирзюк.* Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте
в конкуренции жертв
- 39** *Кирилл Королев.* «Право на город»: Кронштадт глазами горожан
- 58** *Василий Воробьев, Наталья Петрова.* Печоры: точки пересечения

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- 80** *Марина Устинова.* «Такой остров»: образ Татарской слободы в Томске
у ее местных жителей

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 96** *Ольга Воробьева.* Городская идентичность и историческая память:
сравнительное исследование прикладных кейсов
малых городов Ленинградской области

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- 160** *Вадим Лурье.* Семейные архивы жителей Луганщины

РЕЦЕНЗИИ

- 188** *Дмитрий Громов.* Почему работает то, что не должно работать.
Рец. на: Мохов, С. (2020). Археология русской смерти. Этнография
похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки
социальных исследований «Хамовники»; Common place

C O N T E N T S

NARRATIVES OF THE PAST AND PRESENT

- 7** *Nikita Petrov.* **N**ot just historical memory:
Debates about the past, present, and future

MEMORY OF THE CITY: CURRENT RESEARCH

- 14** *Anna Kirzyuk.* **Z**miyovskaya balka (Rostov-on-Don):
Memory of the Holocaust and competition of victims
- 39** *Cyril Korolev.* **A** right to the city": Kronstadt and its inhabitants
- 58** *Vasily Vorobyov, Natalia Petrova.* **P**echory: Intersection Points

FIELD MATERIALS

- 80** *Marina Ustinova.* **"I**t's like an island": the image of Tatarskaya Sloboda
among the locals

APPLIED RESEARCH

- 96** *Olga Vorobyeva.* **L**ocal identity and historical memory:
comparative research of applied cases in small towns of Leningrad region

VISUAL ANTHROPOLOGY

- 160** *Vadim Lurie.* **F**amily archives of the residents of the Luhansk Region

REVIEWS

- 188** *Dmitry Gromov.* **W**hy works what shouldn't work. A review of: Mokhov, S.
(2020). The Archaeology of Russian death. Ethnography of funeral business
in modern Russia. Moscow: Foundation for support of social research
"Khamovniki"; Common place.

Не только историческая память: споры о прошлом, настоящем и будущем

Никита Викторович Петров ^{[1], [2]}

✉ nik.vik.petrov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2467-9535

^[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

^[2] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Петров, Н. В. (2024). Не только историческая память: споры о прошлом, настоящем и будущем. *Фольклор и антропология города*, VI(1-2), 7-12. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-7-12.

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY V. 6. N. 1-2. 2024

Not just historical memory: Debates about the past, present, and future

Nikita V. Petrov ^{[1], [2]}

✉ nik.vik.petrov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2467-9535

^[1] Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow, Russia

^[2] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

To cite this article:

Petrov, N. (2024). Not just historical memory: Debates about the past, present, and future. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1-2), 7-12. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-7-12.

Статьи этого выпуска продолжают линию журнала «Фольклор и антропология города» о памяти в городе. Авторы работ, опубликованных в предыдущих номерах — 2019 года (Т. II, № 1-2) и 2021 (Т. IV, № 1-2), — осмыслили коммеморативные практики города, показывали, как осуществляется пересборка прошлого, анализировали данные архива, собранного в 2018–2021 годы в рамках проекта «Народная история России» (pastandnow.ru).

В этом номере города́, прошлое и историческая память осмысливаются через теорию ассамбляжей Мануэля Деланда (сборки разнородных элементов и агентов пространства); утраченное прошлое анализируется через жанры говорения, выделенные Нэнси Рис; релевантной оказывается концепция коммуникативной памяти Алейды Ассман, которая рассматривает конъюнктуру современной памяти жертв и др. Включаясь в дискуссию о том, как собирать данные о городском пространстве, авторы журнала рассуждают о полезности walk-along (методологии, о которой детально писала Маргарет Кузенбах); отме-

чают важность анализа не только содержания ментальных карт пространства (Кевин Линч), но и последовательности их рисования; рассуждают о возможности имплементации результатов прикладных исследований в научный дискурс.

В центре внимания не только города и районы, но и целые регионы: Ростов-на-Дону, островной Кронштадт, приграничные Печоры, Ивангород и Светогорск, город-сателлит в Гатчинском районе Санкт-Петербурга Коммунар, города Свирско-Ладожского бассейна (Новая Ладога, Волхов, Сясьстрой и Подпорожье), Татарская слобода в Томске, Донбасс.

В работе «Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте в конкуренции жертв» Анна Кирзюк рассуждает о конфликтах вокруг памятного места в Ростове-на-Дону, где администрация активно сопротивляется попыткам местных акторов памяти обозначить Змиёвскую балку как место памяти о самом массовом уничтожении евреев немцами на территории РСФСР (11–12 августа 1942 года в Змиёвской балке под Ростовом было расстреляно от 27 до 30 тысяч человек). Почему так происходит? Анна считает, что попытки обозначить мемориал на Змиёвской балке как место памяти о Холокосте воспринимаются чиновниками и многими рядовыми гражданами как посягательство на статус «мирных советских граждан» в качестве главных жертв войны. Местные чиновники в выступлениях избегают произносить слова «евреи» и «Холокост», не присутствуют на «еврейской» части траурного митинга, отказываются устанавливать плиты с именами погибших евреев непосредственно на мемориале и предлагают активистам разместить их не в публичном пространстве, а в здании гораздо менее посещаемого музея рядом с мемориалом и в синагоге. Отмечу, что в этой статье и на другом материале автор отчетливо показывает то, о чем писал Джеймс Вертш в работе о советском («изгнание иноземного захватчика») и эстонском («утраченная независимость») нарративных шаблонах и конфликтах памяти после переноса памятника советскому солдату в Таллине [Wertsch 2008]. Разница памятей о прошлом у активистов и местной администрации (когда эти памяти организованы в публичные нарративы и действия) становятся более заметны, когда дело касается мемориальных объектов, размещенных в общественно доступном пространстве. Исследование Анны Кирзюк позволяет оценить представление о концепции Холокоста. Эта концепция в Ростове-на-Дону и в современной России плохо вписывается в российский нарратив о жертвах Второй мировой и угрожает символическому статусу, который дает СССР и России роль главного героя и главной жертвы Второй мировой войны. Кроме того, автор делает предположение, что в ответ на каждое последующее обвинение в агрессии Россия будет утверждаться в статусе жертвы, что, в свою очередь, будет отдалять признание классической концепции Холокоста в нашей стране. Материалом для этого исследования послужили глубинные и экспресс-интервью (всего в опросах участвовало 138 локальных экспертов), собранные у жителей Ростова-на-Дону группой, работавшей в проекте «Еврейские

коммеморативные практики и современный культ Победы» в декабре 2020 и в мае 2021 года.

Кирилл Королев на материалах 20 глубинных интервью, собранных весной 2021 года в «закрытом и таинственном», «строгом и парадном», «военно-морском» Кронштадте, говорит о притязании жителей на сохранение особой коллективной идентичности и выделяет четыре реперные точки, вокруг которых происходят дискуссии о праве на город. (1) Кронштадт входит в Санкт-Петербург или это отдельный город? (Спойлер: Петербург гораздо более «штатский», но административно Кронштадт — часть мегаполиса). (2) Город Кронштадт и остров Котлин — единое целое или нет? (Подсказка: город заканчивается там, куда можно «дойти по суше»). (3) Где заканчивается город и начинаются «дикие и неухоженные» выселки? (Подсказка: выселки называются Простоквашино, потому что там «просто квасили» простые работяги). (4) Городу нужны туристы или нет? (Спойлер: для парадного Кронштадта — может быть, а для «семейного и личного» — нет). Смогут ли горожане отстоять свое право на город? Сохранится ли социальное пространство исторического Кронштадта или будет трансформировано в результате застройки и в связи с туристическим развитием города? Будем следить за изменениями, отталкиваясь от наблюдений, изложенных в статье «“Право на город”: Кронштадт глазами горожан». Интервью о городе собирала группа Кирилла Королева, их можно послушать и почитать на портале «Кронштадт: банк памяти города» (<http://patriacenter.ru/kronstadt-memorybank/>).

Наталья Петрова и Василий Воробьев в статье «Печоры: точки пересечения» анализируют интервью, собранные в рамках проекта «Народная история России» (pastandnow.ru) осенью 2020 года на пограничье России и Эстонии — в Печорах. Крайне любопытным представляется замеченная авторами деталь: их восприятие города столкнулось с ностальгическими дискурсами постоянных посетителей и работников местной библиотеки, которые в интервью уводили собирателей в «краеведческое прошлое», рассказывая в отшлифованных «нарративах-пластинках» факты об истории города. На это повлияли ковидные ограничения на собрания в общественных местах, когда жители города с осторожностью относились к контактам с приезжими исследователями из Москвы, а представители и посетители библиотеки откликнулись на призыв «собрать воспоминания о городе». Печоры представлены в статье как (1) пограничная и приграничная территория, где граница оказывается, с одной стороны, дружественной, с другой — опасной (дорога в Европу и потенциально враждебные пограничники); (2) место, где отчетливо различаются пространства для своих и для чужих (печорская районная библиотека vs Псково-Печорский монастырь); (3) город культуры коренных жителей этих мест — сету, эстонской архитектуры, местных печерян и приехавших в середине XX века жить в город «советских»¹. В связи с событиями 2022–2024 годов в России и Европе,

¹ Похожие тексты, собранные в рамках того же проекта (интервью с жителями Калининградской

которые привели к дегуманизации образа иностранцев, интересно будет посмотреть, как восприятие границы изменится в сравнении с 2020 годом: редактируема ли память жителей Печор о соседях и границах в связи с государственной политикой памяти? Здесь уместно вспомнить не потерявшую актуальность статью 1963 года, где авторы говорят о функции устных (в работе — генеалогических) нарративов, заключающихся не в фиксации и передаче исторически подлинной последовательности событий, а в констатации актуальной структуры общества [Goody, Watt 1963]. Посмотреть фрагменты интервью из Печор, используемые в статье, можно на сайте pastandnow.ru, указав в фильтре «выберите место» название «Печоры».

Марина Устинова, анализируя интервью и ментальные карты жителей Татарской слободы Томска, говорит, что основным источником конструирования вернакулярного образа этого места являются не только ассоциации и воспоминания обитателей слободы, но и связанные с ее пространством повседневные практики. В работе «"Такой остров": образ Татарской слободы в Томске у ее местных жителей» исследовательница использует данные 2019 года (17 полуструктурированных интервью на следующие темы: вернакулярные образы, границы, символы слободы, воспоминания и ассоциации, связанные с ее территорией, способы взаимодействия с пространством; ментальные карты). Татарская слобода представлена в статье в нескольких образах.

(1) «Маленькая деревня внутри большого города». Рассказчики описывали ее как старинное, деревянное, дореволюционное пространство, а дома представляли как «живые организмы».

(2) Опасный район в советское время и «бандитский остров» в 1990-е. «Авторитетные хулиганы» и «татарская мафия», по воспоминаниям жителей, облюбовали этот район города.

(3) Мусульманский район, где расположены городские мечети, которые оказываются символами слободы.

(4) Район за истоком реки, что отражено в вернакулярных названиях слободы — «Заисток», «Заисточье».

(5) Район «путевой»: в ментальных картах жители упорядочивают и связывают в геометрическую сеть улицы и переулки района.

В исследовании Марины детально показано, как не только содержание ментальных карт, но и последовательность их составления могут помочь исследователю разобраться в репрезентации пространственного образа района (см. более подробно о применении этой методики [Глазков 2013]).

Ольга Воробьева пишет о прикладных исследованиях в малых городах Ленинградской области, обсуждая проблемы городской идентичности и исторической памяти с опорой на визуальный анализ среды, наблюдение, блиц-интервью с прохожими, глубинные интервью с администрацией, экспертами и жителями (как стационарные, так и ин-

области) анализировала Дарья Радченко [Радченко 2021; Радченко 2023], и было бы интересно сравнить, как работают приграничные и пограничные нарративы Советска и Печор.

тервью-прогулки). Из-за локдауна (март–май 2020 года) большую часть информации приходилось собирать при помощи открытых вопросов количественного опроса и качественных данных, полученных из онлайн фокус-групп и проектировочных сессий (они были проведены в рамках стратегии вовлечения жителей в разработку архитектурного эскиза на конкурсе проектов благоустройства городской среды «Малые города и исторические поселения»). В центре внимания исследовательницы 7 малых городов Ленинградской области: приграничные города (Ивангород и Светогорск), город-сателлит Санкт-Петербурга Коммунар Гатчинского района, города Свирско-Ладожского бассейна (Новая Ладога, Волхов, Сясьстрой и Подпорожье). Наиболее распространенными и важными для жителей этих городов оказываются (1) сюжеты о Великой Отечественной войне; (2) рассказы об индустриальной славе раннего Советского Союза; (3) ламентации об «утраченном рае» советского периода и пришедшей ему на смену «разрухе»; (4) рефлексии жителей о городском статусе своего населенного пункта. Ольга приходит к выводу, что сохранность исторических сюжетов в этих городах связана, во-первых, с попаданием нарратива в «ядро городской идентичности» и, во-вторых, с представленностью его в объектах и топонимах. Историческая память коррелирует с давностью проживания семей в данном городе: чем позже произошел последний массовый приток новых жителей, тем меньше распространенность и разнообразие исторических сюжетов. Ольга делает важное замечание: сохранность исторической памяти имеет обратную корреляцию с демографическим благополучием города — и говорит о том, что прирост населения в городах-сателлитах за счет миграции сильнее «вымывает» локальные сюжеты. В то же время исторические сюжеты более распространены в тех городах, где заметная часть семей живет не первое поколение, иммиграция из других регионов низкая, и в результате наблюдается убыль населения.

Вадим Лурье в работе «Семейные архивы жителей Луганщины» обращается к изучению повседневности через любительские фотографии жителей Донбасса. За два года (2018–2019) и три экспедиции автор оцифровал 50 домашних архивов (14 948 файлов). Верхняя хронологическая граница фотографий — середина 1990-х годов; помимо фотографий Вадим оцифровал документы, вырезки из газет, детские рисунки, письма и т. д. Оцифрованные файлы он загрузил в специализированную базу данных Daminion, назначил файлам ключевые слова (по темам визуального ряда или по метаописанию документа), что позволяет исследователям делать комбинированные запросы к архивам (например: «фото детей в ателье», «школьные фото», «свадьба», «служба в армии», «советский праздник», «похоронное фото» и т. п.). Как пишет сам Вадим, донбасский архив «позволяет проследить как глобальную историю большой страны — с войнами, индустриализацией и т. д., так и личную — историю конкретной семьи, и локальную — историю территории, которая всегда была местом пересечения наций, культур и государств — своеобразным фронтиром». Работа с

подобным образом организованной базой данных поднимает ряд проблем: в частности, насколько при таком подходе, когда профессиональный антрополог/историк объективизирует данные, назначая им теги, сохраняются интенции самих владельцев архивов частной памяти (см. об этой проблеме [Петров 2021])?

В заключение номера — традиционный раздел с рецензиями, в этом выпуске публикуется рецензия на книгу Сергея Мохова (Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», Common place, 2020). Рецензент Дмитрий Громов пишет не только о содержании книги, но и о концептуальных метафорах («инфраструктура», «поломки»/«сбои», «ремонт»), которые использует автор книги. Совокупность организационных, материальных и нормативно-правовых ресурсов, обеспечивающих процесс похорон или других способов утилизации мертвых тел, называется инфраструктурой. Недостатки инфраструктуры (территориальная удаленность узлов технологической цепочки, слабость материальной базы, юридическая неразбериха, конфликты интересов бизнес-акторов) ведут к сбоям ее работы. Возникновение «поломок» приводит к действиям, компенсирующим их, или к «ремонту» (инфраструктурные проблемы заставляют российские похоронные агентства прибегать к форме действий, основанных на неформальных и личных связях).

Литература

- Глазков, К. П. (2013). Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика. *Социология власти*, 2013(3), 39–56.
- Петров, Н. В. (2021). Цифровые архивы частной памяти. *Шаги / Steps*, 7(1), 29–56. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56.
- Радченко, Д. А. (2021). С видом на Евросоюз: Практики пограничья в Советске. *Фольклор и антропология города*, IV(1–2), 14–39. DOI: 10.22394/2658-3895-2021-4-1-14-39.
- Радченко, Д. А. (2023). Вещи на границе территорий памяти: между Тильзитом и Советском. *Этнографическое обозрение*, 2023(6), 26–43. DOI: 10.31857/S0869541523060039
- Goody, J., Watt, I. (1963). The consequences of literacy. *Comparative Studies in Society and History*, 5(3), 304–345.
- Wertsch, J. V. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research*, 75(1), 133–156.

References

- Glazkov, K. (2013). Mental maps: ways of analysis, error and spatial metrics. *Sociology of Power*, 2013(3), 39–56. (In Russian).
- Goody, J., Watt, I. (1963). The consequences of literacy. *Comparative Studies in Society and History*, 5(3), 304–345.
- Petrov, N. (2021). Digital archives of private memory. *Shagi / Steps*, 7(1), 29–56. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56. (In Russian).
- Radchenko, D. (2023). Objects on the Memory Borders: Between Tilsit and Sovetsk. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023(6), 26–43. DOI: 10.31857/S0869541523060039. (In Russian).
- Radchenko, D. (2021). A view on the EU: border practices in Sovetsk. *Urban Folklore & anthropology*, IV(1–2), 14–39. DOI: 10.22394/2658-3895-2021-4-1-14-39 (In Russian).
- Wertsch, J. V. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research*, 75(1), 133–156.

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Кронштадт, 2006 г.

ПАМЯТЬ ГОРОДА: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте в конкуренции жертв

Анна Андреевна Кирзюк ^[1]

✉ kirzук@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8853-0003

^[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Кирзюк, А. А. (2024). Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте в конкуренции жертв. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 14–38. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-14-38.

Статья посвящена конфликтам памяти вокруг Змиёвской балки в Ростове-на-Дону, который во время оккупации стал местом самого массового уничтожения евреев на территории РСФСР. Администрация города сопротивляется попыткам обозначить Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте. Причины этого сопротивления лежат в советской политике памяти и современной исторической политике. Советский нарратив о войне, где евреи не выделялись в отдельную категорию жертв или представлялись жертвой менее значительной, чем славяне, до сих пор влияет на исторические представления граждан. Многие не знают, что у нацистов была особая политика по отношению к евреям, и убеждены, что оккупанты уничтожали всех советских граждан на равных основаниях. Влияние советского нарратива поддерживается современной политикой памяти. Хотя Россия, в отличие от СССР, не отрицает и не замалчивает Холокост, идея исключительности советской, русской или славянской жертвы важна для нее так же, как она была важна для СССР. Статус народа, который понес самые большие жертвы во Второй мировой войне — это тот символический капитал, который многие россияне привыкли считать своим. Поэтому классическая концепция Холокоста — как события, уникального не только для истории Второй мировой войны, но и для мировой истории — с трудом вписывается в современный российский нарратив о войне. Попытки обозначить мемориал на Змиёвской балке как место памяти о Холокосте воспринимаются многими чиновниками и рядовыми гражданами как посягательство на статус главной жертвы войны.

Ключевые слова: Змиёвская балка, Ростов-на-Дону, память о Холокосте, политика памяти, нарратив о Второй мировой войне, конкуренция жертв

Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина

Zmiyovskaya balka (Rostov-on-Don): Memory of the Holocaust and competition of victims

Anna A. Kirzyuk ^[1]

✉ kirzyuk@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8853-0003

^[1] Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow, Russia

To cite this article:

Kirziuk, A. (2024). Zmiyovskaya balka (Rostov-on-Don): Memory of the Holocaust and competition of victims. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1-2), 14-38. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-14-38.

The paper focuses on the memory conflicts surrounding Zmiyovskaya balka in Rostov-on-Don, which became the site of the most mass extermination of Jews on the territory of the RSFSR during the Nazi occupation. The local authorities resist attempts to designate Zmiyovskaya balka as a Holocaust memorial site. The reasons for this resistance lie in Soviet memory politics and contemporary historical policy. The Soviet narrative of the war, where Jews were not singled out as a separate category of victims or were portrayed as victims of lesser significance than Slavs, still influences the historical perceptions of citizens. Many are still unaware that the Nazis had a special policy towards Jews and are convinced that the invaders were exterminating all Soviet citizens on equal grounds. This influence of the Soviet narrative is fueled by modern memory politics. Although Russia, unlike the USSR, has long recognized the Holocaust, the idea of the exclusivity of the Soviet, Russian, or Slavic sacrifice in the WWII is as important to modern Russia as it was to the USSR. The status of the people that suffered the greatest losses in WWII is the symbolic capital that many Russians are used to consider their own. Therefore, the classical concept of the Holocaust, as an event unique not only in the history of WWII, but also in world history, hardly fits into the modern Russian narrative of the war. Attempts to designate the memorial on Zmiyovskaya balka as a Holocaust memorial are perceived by many officials and ordinary citizens as an attack on the status of the main victim of the war.

Keywords: Zmiyovskaya balka, Rostov-on-Don, Holocaust memory, memory politics, narrative about the WWII, competition of victims

The research was conducted with the support of the grant program of the Research Center of the Private Cultural Institution “Jewish Museum and Tolerance Center” (Moscow) with the financial support of A. I. Klyachin

ВВЕДЕНИЕ

Во время нацистской оккупации Ростов-на-Дону стал местом самого массового уничтожения евреев на территории РСФСР. 11–12 августа 1942 года в Змиёвской балке под Ростовом (сейчас место находится в черте города) было расстреляно, по разным оценкам, от 27 до 30 тысяч человек.

Историки сходятся во мнении, что точное число погибших на Змиёвской балке сейчас установить невозможно, однако оценки соотношения еврейских и нееврейских жертв довольно сильно разнятся, хотя и опираются, как замечает Ирина Реброва, на одни и те же документы, главным образом, на протоколы ЧГК¹ [Rebrova 2020: 134]. Цифры зависят от позиции говорящего в конфликте, о котором пойдет речь в этой статье, а именно от того, считает ли он Змиёвскую балку местом памяти о Холокосте или местом гибели «мирных советских граждан». Среди специалистов по истории Холокоста утвердилась точка зрения, согласно которой помимо евреев там расстреливали людей других национальностей, но евреи составляли подавляющее большинство [Мовшович 2011]. Некоторые представители ростовской еврейской общины считают, что на Змиёвской балке покоятся только евреи, а пленные красноармейцы были убиты в другом месте или перезахоронены после освобождения города. Ростовские чиновники и историки, далекие от темы Холокоста, считают, что помимо евреев там покоятся тысячи других жертв².

Советская политика памяти исключала практически любые публичные упоминания того факта, что нацисты целенаправленно уничтожали еврейское население на оккупированных территориях. На мемориалах, которые возводились на местах массовых расстрелов в 1960–1970-е годы, национальность жертв, как правило, не упоминалась: памятники посвящались анонимным «жертвам фашизма» или «мирным советским гражданам» [Zeltser 2019]. Так произошло и в Ростове-на-Дону. В 1975 году на Змиёвской балке открылся большой мемориальный комплекс «Жертвам фашизма», включающий в себя скульптурную группу, вечный огонь, смотровую площадку и траурный зал (сегодня в его помещении располагается музей).

В 1990-е годы политика замалчивания Холокоста, а также негласный запрет на публичное поминовение его жертв, казалось, ушли в прошлое. В 2004 году на Змиёвской балке была установлена доска с надписью: «Здесь 11–12 августа 1942 года нацистами были унич-

¹ «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Комиссия работала на бывших оккупированных территориях сразу после их освобождения.

² А. А. – м., ок. 1957 г. р., сотрудник музея на Змиёвской балке (разговор без записи); В. А. – м., 1951 г. р., историк. Такой же разброс в мнениях по поводу соотношения численности еврейских и нееврейских жертв Змиёвской балки фиксировался в 2011 году среди рядовых горожан [Винклер 2012: 139–140].

тожены более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста». Перед реконструкцией мемориального комплекса ее сняли, а в 2011 году, после завершения реконструкции, появилась новая доска, где говорилось уже об уничтожении «мирных советских граждан» без упоминания их национальности. Это вызвало возмущение активистов памяти о Холокосте и представителей еврейской общины, один из которых подал на ростовское управление культуры в суд. Прошло несколько публичных судебных заседаний и круглых столов, которые освещались в СМИ. В конфликт включились общероссийские еврейские организации, но также и несколько ростовских национальных объединений. В частности, общественная организация «Русский образ» обвинила ростовскую еврейскую общину и Российский еврейский конгресс в разжигании межнациональной розни и написала заявление в прокуратуру [Чевеля 2013: 279–280]. Между тем историко-культурная экспертиза, заказанная в рамках суда, определила, что Змиёвская балка является местом Холокоста, потому что в оккупированном Ростове «немецким командованием была создана и работала четко организованная структура, направленная на тотальное уничтожение еврейского населения» [Там же: 276]. В результате на мемориале была установлена доска с компромиссной надписью, которая сообщала, что среди убитых в августе 1942 были представители «многих национальностей», но при этом Змиёвская балка является «крупнейшим на территории России местом массового уничтожения фашистскими захватчиками евреев».

Таким образом, конфликт 2011–2012 годов развернулся вокруг вопроса, является ли Змиёвская балка местом Холокоста или местом убийства «мирных советских граждан» [Rebrova 2020: 128–137]. Хотя историко-культурная экспертиза на суде определила, что Холокост в Ростове-на-Дону был, ростовские чиновники — равно как многие общественные организации и рядовые жители города — не готовы к тому, чтобы Змиёвская балка была обозначена как место Холокоста. Обе версии нашли отражение в финальном тексте мемориальной доски. Однако компромисс, достигнутый по поводу надписи на доске, не означает, что конфликт на тему «о каких именно жертвах должен напоминать мемориал» завершен. Он, как мы увидим дальше, продолжается, только в других, менее заметных для широкой публики формах.

Ростовский конфликт вокруг Змиёвской балки вписан в сложную историю памяти о Холокосте в СССР и в постсоветской России. Чтобы разобраться в его причинах, мы должны проследить, какими значениями наделялась Змиёвская балка в советский период, а также выяснить, какое место она занимает в коллективной памяти современных ростовчан. Об этом пойдет речь в первой части статьи. Во второй части мы рассмотрим, как официальное «нежелание помнить» о Холокосте в СССР было связано с советским нарративом о Второй мировой войне, и почему публичная память о Холокосте с трудом вписывается в современный российский нарратив.

Исследование основано на интервью с жителями Ростова-на-Дону — активистами памяти о войне и Холокосте, представителями еврейской общины, музейными работниками, историками, чиновниками и рядовыми горожанами. Интервью записывались во время двух экспедиций в Ростов-на-Дону (в декабре 2020 и мае 2021 года) мною и моими коллегами по проекту «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы»³; глубинные интервью были записаны с 65 информантами⁴, и у 73 жителей были взяты экспресс-интервью.

«Войны памяти» вокруг Змиёвской балки: ПРОДОЛЖЕНИЕ

Через несколько лет после разбирательства вокруг мемориальной доски начался новый, продолжающийся по сей день конфликт, связанный все с тем же вопросом: о каких именно жертвах должен напоминать мемориал на Змиёвской балке? В 2017 году местные активисты памяти о Холокосте при помощи исследователей из Яд Вашем⁵ установили 4264 имени евреев, расстрелянных на Змиёвской балке⁶, и предложили установить плиты с этими именами на мемориале. Однако чиновники из ростовского управления культуры отклонили это предложение, мотивируя отказ тем, что имена нуждаются в дополнительной проверке. Хотя мнение о необходимости перепроверки имен поддерживается несколькими ростовскими историками, настоящая причина отказа заключается, очевидно, в том, что размещение плит на мемориальном комплексе маркирует Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте. Имен нееврейских жертв нет: никто никогда не занимался их поиском. Поэтому в случае установки плит с еврейскими именами сторонники идеи «здесь лежат представители разных национальностей» не смогут предъявить никакого «контрзнака» в доказательство своей правоты. Показательно, что, отказываясь установить плиты на мемориале, чиновники предлагали активистам разместить еврейские имена в нескольких менее публичных местах — в частности, в здании небольшого и довольно бедного музея при мемориале, который часто закрыт и посещается гораздо меньшим количеством людей, чем сам мемориал. Также чиновники предлагали представителям еврейской общины «поминать [жертв-евреев] у себя в синагоге»⁷. Иными

³ Коллектив проекта: А. Архипова*, С. Белянин, М. Гаврилова, Е. Закревская, И. Козлова, Б. Пейгин. (*А. С. Архипова признана иностранным агентом).

⁴ Самый молодой из них был 1988 г. р., самый старший — 1935 г. р.

⁵ Мемориальный комплекс истории Холокоста в Иерусалиме. Важная часть исследовательской работы Яд Вашем — пополнение базы имен жертв Катастрофы.

⁶ Список имен доступен здесь [<https://www.holocaust.su/list-of-victims>] (дата обращения 12.08.2021).

⁷ ВР — м., 1946 г. р.

словами, чиновники не были против установки «непроверенных» имен там, где эти имена не маркировали бы Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте.

Борьба за обозначение Змиёвской балки как места Холокоста или гибели «советских граждан» также находит выражение в организации публичных коммеморативных акций. В 2012 и 2017 годах (на 70-ю и 75-ю годовщину массовых расстрелов) в Ростове-на-Дону прошли Марши живых. Первый Марш состоялся в самый разгар скандала вокруг мемориальной доски и, возможно, был им спровоцирован.

Марш живых — акция, посвященная памяти жертв Холокоста и проходящая в разных странах примерно по одному сценарию: потопки выживших надевают повязки с желтой звездой и коллективно приходят к местам массового уничтожения евреев (первый Марш состоялся в 1988 году на территории бывшего лагеря Аушвиц). Ростовская еврейская общины организовала такое шествие к Змиёвской балке, чтобы почтить память жертв Холокоста. Однако ростовские власти приняли деятельное участие в организации марша и попытались переформатировать его под стандартное мероприятие «про войну». Для участия в Марше живых были направлены юнармейцы, члены местного отделения «Единой России» с флажками и логотипами партии на одежде, группы «бюджетников», казаки и православный священник. Акция была организована таким образом, что выступление израильских музыкантов, представителей еврейских организаций и поминальная молитва раввина следовали после речей местных чиновников и православного священника⁸.

По словам наших собеседников, в своих выступлениях ростовские чиновники избегали произносить слова «евреи» и «Холокост»⁹. Одна участница заметила, что хотя чиновники находятся на маршах «всегда на переднем плане», они «даже камушек не могут положить»¹⁰. Произнеся официальные речи и возложив венки, чиновники с административной массовой уехали и не стали слушать вторую, еврейскую часть траурного митинга. При этом администрация старалась показать свою руководящую роль в организации шествия. В частности, сотрудники администрации громко отдавали распоряжения по поводу того, как именно собравшимся следует строиться и идти к мемориалу.

Выступая с позиции власти, чиновники и административная массовка, однако, не пытались присоединиться к еврейскому поминовению и поминать *вместе* с евреями — класть к Вечному огню не только венки, но и камни, слушать еврейскую часть траурного митинга, надевать повязки с желтыми звездами. Евреи, в свою очередь, вос-

⁸ Мы не имели возможности наблюдать ростовские Марши живых лично и об их устройстве можем судить со слов наших информантов-евреев и по фото- и видеоматериалам, выложенным в Сети. Подробных рассказов о Марше от участников-неевреев записать не удалось.

⁹ ЮД — м., 1949 г. р.; МК — м., 1974 г. р.

¹⁰ ВС — ж., 1951 г. р. Еврейская традиция предписывает класть на могилу камни, а не цветы.

принимали присутствие этой группы как неуместное, недоумевали и возмущались:

Было какое-то протокольное мероприятие, которое казалось жутко неуместным¹¹.

Они организовали какой-то здесь шабаш со священником, с Единой Россией, в майках, в футболках своих¹².

Был поп, представители казаков выступали, детей нагнали каких-то в парадной пионерской форме... Все это было так нелепо. Только после того, как они все отпели, оттанцевали, отговорили и ушли, началось еврейское мероприятие¹³.

Для еврейской общины действия администрации на Маршах живых содержит два меседжа. Такие жесты, как уход с еврейской части митинга, избегание слова «Холокост» в речах и неучастие в еврейских поминальных практиках, говорят: «Мы пришли сюда помянуть своих жертв, а ваши нас не очень интересуют». Руководство шествием и порядок выступлений на митинге считаются как жест символического присвоения мемориала: «здесь лежат и наши жертвы, и они — важнее ваших». И он вызывает наибольшее возмущение:

В начале, значит, музыка русская звучала, и священник что-то говорил, и все... А потом они ушли, и тогда евреи только подошли [к Вечному огню]. Я была возмущена. Конечно, там люди лежат, может быть, и русские, которые копали, красноармейцы. Но их пускай даже 100 человек, а евреев 27 тысяч! Хотели уменьшить, сказать, что там расстреливали [не только евреев]. Нет, неевреев расстреливали где-то в центре города, недалеко от тюрьмы, там их и похоронили. А тут лежат в основном все евреи <...> Почему они [первые подходят], когда должны мы? Это же наши тут лежат¹⁴.

Включаясь подобным образом в коммеморативную акцию, которая маркирует Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте, администрация города пыталась «перехватить сигнал» и обозначить мемориал как место памяти о «мирных советских гражданах». Как точно заметила одна участница Маршей: «Не хотят они, чтобы это было место захоронения евреев»¹⁵.

Итак, вопрос «о каких жертвах напоминает Змиёвская балка» лежит в основе всех перечисленных сюжетов. Все описанные выше действия ростовской администрации — и попытки избавиться от слова «Холокост» на мемориале, и отказ устанавливать там плиты с еврейскими именами, и попытки играть ведущую роль на Маршах живых — имеют один смысл: не допустить переозначивания Змиёвской балки как места памяти о Холокосте. Ростовский конфликт

¹¹ ГГ — м., 1997 г. р.

¹² ЛС — м., 1963 г. р.

¹³ БВ — м., 1952 г. р.

¹⁴ ВС — ж., 1934 г. р.

¹⁵ ВС — ж., 1951 г. р.

лежит в области символической политики, под которой исследователи понимают «деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [Малинова 2013: 115].

Позицию властей в конфликтах вокруг Змиёвской балки многие ростовские евреи объясняют антисемитизмом. На наш взгляд, в основании этих конфликтов лежит не антисемитизм (хотя нельзя исключать, что отдельные фигуранты имеют антисемитские взгляды), а явление другого порядка. Ростовские власти раздражаются при попытках обозначить Змиёвскую балку как место Холокоста не потому, что не любят евреев, а потому что не хотят делить с ними тот символический капитал, который привыкли считать своим. Чиновники, историки и общественные деятели, вовлеченные в эти конфликты на стороне ростовского управления культуры, могут считать себя потомками «мирных советских граждан», но не потомками жертв Холокоста. Попытки еврейской общины маркировать Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте часто воспринимаются не евреями — как чиновниками, так и рядовыми гражданами — как претензии другой группы на статус главной жертвы войны.

ЗМИЁВСКАЯ БАЛКА КАК МЕСТО ПАМЯТИ В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ И СЕГОДНЯ

В послевоенные годы еврейская община пыталась помянуть жертв на месте расстрела, но это было пресечено властями. Запрет на публичную коммеморацию стандартно объяснялся тем, что на Змиёвской балке похоронены люди разных национальностей [Чарный 2013]. После неоднократных запретов и угроз со стороны властей поминовение жертв ростовского Холокоста носило исключительно индивидуальный и семейный характер и, судя по воспоминаниям сегодняшних ростовчан, практиковалось немногими¹⁶.

В позднесоветские годы мемориал «Жертвам фашизма» был местом официальных и неофициальных практик, связанных с брежневским «культом Победы»: там проходил почетный прием в пионеры, туда с целью военно-патриотического воспитания возили школьников (разумеется, ничего не рассказывая про уничтожение евреев), а к Вечному огню приезжали возлагать цветы молодожены.

Наши собеседники-евреи в большинстве своем начали ездить на Змиёвскую балку в 1990-е годы, когда появившиеся еврейские организации создали инфраструктуру для коллективной коммеморации жертв Холокоста. Многие благодаря коллективным поездкам, организованным синагогой или еврейским семейным центром, побывали на мемориале в первый раз. Поскольку в

¹⁶ Следует иметь в виду, что прямых потомков тех, кто был убит на Змиёвской балке, сегодня в Ростове осталось немного; многие в 1990-е иммигрировали в Израиль.

официальном нарративе тема отсутствовала, узнать о ростовском Холокосте можно было только в семье, но во многих еврейских семьях на подобные темы в присутствии детей не говорили. Поэтому до 1990-х годов многие представители «поколения внуков» вообще не знали, что во время войны на Змиёвской балке уничтожались евреи. Одна наша собеседница рассказала, что, когда она выходила замуж в начале 1980-х годов, они с мужем, как и многие другие пары, поехали к Вечному огню на Змиёвской балке. Тогда она воспринимала мемориал как один из памятников «про войну», и только много лет спустя узнала, что Змиёвская балка — место ростовского Холокоста и что там был расстрелян ее прадед¹⁷.

После распада СССР исчез запрет на публичную коммеморацию жертв Холокоста. Сегодня ростовский «Хэсэд Шолом Бер» и семейный центр «Ацмаут» организуют регулярные поездки на Змиёвскую балку на годовщину расстрела и на Международный день памяти жертв Холокоста 27 января.

Вместе с тем сегодня — как и в советское время — мемориал «Жертвам фашизма» является местом проведения многочисленных ритуалов, связанных с памятью о войне, но не связанных с памятью о Холокосте. Официальные траурные митинги с возложением цветов проходят там в День неизвестного солдата (3 декабря), в День освобождения Ростова (14 февраля), на 23 февраля, 22 июня и на 9 Мая. Ритуалы общегражданского поминовения и коммеморация жертв Холокоста проводятся не только в разные даты, но и различаются по составу участников. В первых обычно участвуют военные, чиновники, представители военно-патриотических организаций (казаки, поисковые отряды, юнармейцы), а также группы, привлекаемые при помощи «административного ресурса» (студенты и школьники). Во вторых участвуют члены еврейской общины и активисты памяти о Холокосте нееврейского происхождения.

Сегодняшняя коммеморативная активность на Змиёвской балке показывает, что за этим местом в коллективной памяти ростовчан «закреплены» два значения: Холокост и война в целом. Анализ разных текстов — высказываний чиновников, дискуссий в соцсетях и СМИ, интервью с рядовыми горожанами и активистами памяти — показывает чуть более сложную картину.

Разбираясь в конфликте на тему «какие именно мирные граждане были убиты на Змиёвской балке», надо понимать, что некоторые ростовчане довольно смутно представляют себе, что происходило на этом месте в 1942 году, и даже связь мемориала с уничтожением именно гражданского населения (какой бы национальности оно ни было) не является всеобщим знанием.

Ростовские исследователи считают, что мемориал в Змиёвской балке «стал символом скорби по погибшим, а не величия и славы одержанной Победы, концепция которой стала доминировать в со-

¹⁷ РР — ж., 1964 г. р.

ветской мемориальной политике» [Кринко, Хлынина 2020]. Действительно, мемориал задумывался и строился как напоминание о гражданских жертвах. Один из создателей скульптурной группы говорит: «Мы, конечно, знали, что <...> там было загублено много и женщин, и детей. Так вот, центральная фигура женщины, она как бы защищает своего ребенка»¹⁸. В то же время в фильме, который демонстрируется посетителям музея при мемориале, говорится, что мужская фигура со связанными руками в скульптурной группе изображает пленного солдата, так как это мужчина молодой и «все еще опасный», ведь ему «неспроста связали руки». Военно-героическую трактовку мемориала предлагают несколько туристических сайтов, рассказывающих о достопримечательностях Ростова-на-Дону. Один из них после рассказа о ростовском Холокосте неожиданно сообщает, что женская фигура в скульптурной группе воплощает образ Родины-матери, «воодушевляющей советских людей в смертной схватке с гитлеровцами»¹⁹. Эту трактовку подкрепляет памятный знак, установленный на территории захоронения в октябре 2021 года и не связанный с убийствами гражданского населения — валун с табличкой «Аллея Славы и Воинской доблести ветеранов Великой Отечественной войны — символ героизма, величия духа, патриотизма и нестигаемой стойкости прокуроров Донского края»²⁰.

Подобные тексты свидетельствуют, что некоторые ростовчане воспринимают мемориал на Змиёвской балке как типичный военный мемориал, где женская фигура символизирует Родину-мать, а мужская — советского солдата. Об этом же говорят некоторые практики — например, поездки свадебных кортежей. Один интернет-ресурс включает Змиёвскую балку в список «10 свадебных мест Ростова-на-Дону».

С вопросом о том, посвящен ли мемориал «Жертвам фашизма» героической борьбе или массовому уничтожению безоружных людей, связано еще одно расхождение в трактовке Змиёвской балки. Победу в борьбе можно праздновать, но по убитым «мирным гражданам» можно только скорбеть. Поэтому в первом случае место пригодно для разнообразных профанных практик, а во втором — наделено особой сакральностью, и там уместна только скорбь.

Некоторые горожане определенно воспринимают мемориал «Жертвам фашизма» как место, отличное по своему статусу от типового военного мемориала. В 2013 году группа молодых людей исполнила танец Harlem Shake возле стелы «Освободителям Ростова»²¹ на Театральной площади, что вызвало возмущение общественности. Организатор танца заявил, что не будет приносить извинений, по-

¹⁸ <https://www.holocaust.su/history>

¹⁹ <https://tourism.rostov-gorod.ru/attractions/382/9409/>

²⁰ <https://novayagazeta.ru/articles/2022/01/25/doroga-k-ovragu>

²¹ Семидесятидвухметровая стела, увенчанная скульптурой богини Ники; установлена к сорокалетию освобождения Ростова на центральной площади города.

сколько он не танцевал на фоне мемориала на Змиёвской балке [Кринко, Хлынина 2020]. Когда в 2019 году ростовчане бурно обсуждали поступок девушки, которая устроила на мемориале легкомысленную фотосессию, один пользователь соцсетей предложил особо возмущенным подумать над тем, куда они водят детей на 9 Мая, «на парад победобесия или на Змиёвскую балку?». За обеими репликами просматривается одна и та же идея: Змиёвская балка — это пространство, наделенное особым статусом, предназначенное для высокой скорби.

Дискуссии по поводу допустимости профанных действий возле мемориалов происходят и в других городах. Противники нередко сравнивают городской мемориал с кладбищем, а досуговую активность возле него уподобляют играм на могилах [Радченко 2021: 244]. Кажется, что представление о наличии под тем или иным памятником останков в целом значительно влияет на позицию в этом споре. Периодически в ростовских сообществах в соцсетях и в местной прессе обсуждается, что зимой горожане катаются на Змиёвской балке на санках, а летом устраивают там пикники с шашлыками. Некоторые ростовчане не находят в этих практиках ничего предосудительного, в то время как других они глубоко возмущают или печалят. Наши собеседники-евреи, точно знающие, что мемориал «Жертвам фашизма» — не просто памятник «про войну», демонстрировали широкий спектр негативных эмоциональных реакций, когда речь в интервью заходила о катании по Змиёвской балке на санках — от резкого осуждения такой практики как «свинства» до сдавленного плача.

Мы уже знаем, что чиновники из ростовского управления культуры и местная еврейская община имеют разные мнения по вопросу о том, кого убивали на Змиёвской балке. Но что думают по этому поводу люди, не вовлеченные напрямую в конфликт?

Хотя суд по поводу мемориальной доски и переживался еврейской общиной довольно болезненно, он сыграл положительную роль в просвещении ростовчан по поводу расстрелов на Змиёвской балке. Историк Ирина Реброва в 2015–2016 годы проводила опросы в трех городах, где во время оккупации происходили массовые расстрелы еврейского населения — в Ростове-на-Дону, Краснодаре и Ставрополе. В результате выяснилось, что ростовчане гораздо чаще связывают Змиёвскую балку с Холокостом (73% респондентов), чем жители Краснодара и Ставрополя — те места массового уничтожения евреев, которые существуют в их городах, где громких конфликтов, подобных ростовскому, не было [Rebrova 2020: 142–143]. Однако несмотря на это, советский нарратив о «мирных гражданах» все еще в значительной мере определяет представления ростовчан о событиях времен оккупации, и это касается как отдельных чиновников, так и рядовых граждан.

Пример влияния советского нарратива представляет собой пост, появившийся 19 апреля 2021 года на странице ростовского отделения патриотического движения «Дороги славы — наша история»:

25 Апреля в Ростове-на-Дону состоится памятное возложение, посвящённое массовой казни жителей Ростова-на-Дону во время Второй мировой войны. Мероприятие состоится в 14.00 по Московскому времени на территории Мемориального Комплекса ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА «ЗМИЕВСКАЯ БАЛКА» <...> Змиевская балка - место, где земля пропитана кровью. Здесь нашли своё упокоение тысячи военнопленных, партийно-комсомольский состав Ростова, ополченцы, армяне, курды, ассирийцы, цыгане, евреи, которых фашисты считали неполноценными людьми^{22*}.

По словам нашей ростовской собеседницы, евреи изначально в этом посте вообще не упоминались и появились после возмущенных обращений со стороны представителей еврейской общины²³. Обратим внимание на порядок, в котором здесь перечисляются жертвы: сначала идут военнопленные, затем — коммунисты, а затем — различные группы гражданского населения, среди которых евреи упоминаются в последнюю очередь. Этот порядок отражает советскую «иерархию жертв»: большинство возводимых в советское время памятников было посвящено активным комбатантам (красноармейцам, партизанам и коммунистам-подпольщикам), а при перечислении гражданских жертв в официальных текстах евреи если вообще упоминались, то всегда стояли на последнем месте [Мицель 2007: 14–18].

Мы не знаем, был ли пост патриотического объединения «Дороги славы» намеренным и политически мотивированным замалчиванием Холокоста. Надо иметь в виду, что его текст отражает исторические представления некоторых рядовых горожан, никак не связанных с институтами политики памяти. 9 мая 2021 года наша группа интервьюировала людей, приходивших к мемориалу на Змиёвской балке возложить цветы к Вечному огню или иным образом почтить память погибших (всего 28 коротких интервью). У каждого респондента мы пытались выяснить, кто, по его мнению, был убит в этом месте, и о ком (или о чем) лично ему напоминает мемориал. Примерно половина опрошенных сказала, что большинство убитых на Змиёвской балке составляли евреи. Другие говорили о «мирных гражданах», причем один респондент для ответа на наш вопрос использовал узнаваемую советскую формулировку, словно взятую с типичного памятника брежневской эпохи: «здесь немецко-фашистские захватчики расстреляли мирных граждан, солдат и мирное население»²⁴. Несколько человек довольно резко высказались против определения Змиёвской балки как места уничтожения евреев:

Какая разница [какой национальности были жертвы], все люди, все во-
евали, все страдали, что за национализм вообще!²⁵

²² https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=468596844558889&id=100042257334106* (Здесь и далее звездочкой* отмечено упоминание социальных сетей, принадлежащих компании Meta, признанной в РФ экстремистской организацией).

²³ РР — ж., 1964 г. р.

²⁴ Ж., около 55 лет.

²⁵ Ж., 35 лет.

А [евреи] что, это не мирные жители, что ли? Для меня нет нации — еврей — не еврей, для меня это люди живые. И дети, и женщины. Какая разница, какая нация была убита?²⁶

Отдельные посетители мемориала говорили о событиях 1942 года в духе концепции «геноцида русского народа» (подробнее мы поговорим о ней чуть ниже):

Инф. 1: Девочки, но здесь же действительно и русские, и армяне, все, кого ловили, сюда везли.

Соб.: А зачем, с какой целью ловили?

Инф. 1: Истребить русский народ.

Инф. 2: Истребить евреев, армян. Армяне и евреи далеко не ушли на вид, но и русских могли.

Соб.: То есть они хотели все население истребить?

Инф. 1: Конечно, конечно. Поэтому, я думаю, они там особо не заглядывали в паспорта или в документы, что кто это, евреи или не евреи²⁷.

Итак, в восприятии мемориала на Змиёвской балке жителями города можно выделить несколько пар значений: одним она напоминает о советских солдатах и вооруженной борьбе, другим — об уничтожении безоружного гражданского населения; для кого-то это — типовой военный мемориал, где можно совершать разные профанные действия, для других — место скорби, огромная могила, где такие действия кощунственны; для одних это место памяти о жертвах Холокоста, для других — место памяти о «мирных советских гражданах».

Интересующий нас конфликт внутри последней пары значений разворачивается между двумя нарративами. Согласно первому (назовем его «советским»), на Змиёвской балке убивали гражданское население разных национальностей и активных борцов с нацистами, нацистская политика в отношении евреев не отличалась принципиально от политики в отношении других групп населения, и все жители оккупированных территорий в равной мере являются жертвами. Согласно второму (назовем его «нарративом о Холокосте»), на Змиёвской балке покоятся преимущественно евреи или только евреи, а политика в отношении евреев была особой: они были обречены на тотальное уничтожение, и потому стали главными жертвами оккупации.

²⁶ Ж., около 30 лет.

²⁷ Такие высказывания — относительно новое явление. Когда в 2011 году Кристина Винклер опрашивала ростовчан-неевреев по поводу событий на Змиёвской балке, некоторые респонденты, не отрицая массового уничтожения ростовских евреев, говорили, что нельзя забывать о страданиях русского населения [Винклер 2012: 140]. Однако никто из опрошенных не утверждал, что нацисты тащили на расстрел всех подряд, не заглядывая в паспорт.

ХОЛОКОСТ В СОВЕТСКОМ И СОВРЕМЕННОМ НАРРАТИВЕ О ВОЙНЕ

Источник советского нарратива о событиях на Змиёвской балке лежит в советской политике памяти, которая сформировала особый канон (не)говоря о Холокосте. Этот канон повлиял на исторические представления многих граждан современной России.

В советских учебниках истории о Катастрофе европейского еврейства не писали [Столов 1998]. Евреи или вообще не упоминались в качестве жертв нацизма, или при перечислении разных групп жертв упоминались *после* славян, например: «В газовых камерах и печах крематориев уничтожались миллионы людей. С особой жестокостью фашистские изверги истребляли славян и евреев» [цит. по: Столов 1998]. В рассказах о массовых расстрелах на советских оккупированных территориях был принят такой же порядок жертв, причем он соблюдался даже в текстах, не предназначенных для широкой публики, например, в секретных справках и докладных записках для высшего партийного руководства [Мицель 2007: 14–18]. Также советские авторы периодически писали об особой ненависти нацистов к славянам. В «Истории Великой Отечественной войны», выходявшей в 1950–1956 годы, читаем: «Проповедуя расовую ненависть к другим народам, особенно славянским, фашисты призывали к физическому уничтожению значительной их части» [цит. по: Арад 1990: 151].

Несмотря на включение в 2000-е годы темы Холокоста в разные образовательные стандарты в постсоветских учебниках доминирует советская традиция изображения событий Второй мировой войны, а учебники, в которых школьникам рассказывают об антисемитской идеологии гитлеровской Германии и о целенаправленной политике по уничтожению евреев, появляются крайне редко [Епифанова 2017; Крехалева 2017].

Отсутствие темы Холокоста в учебниках — равно как и в других текстах, формирующих представления людей об истории — может объяснить уверенность некоторых ростовчан в том, что во время оккупации нацисты гнали на расстрел всех подряд, «не заглядывая в паспорт». Точно так же принятый в советских текстах порядок упоминания жертв может объяснить, почему, перечисляя погибших на Змиёвской балке, PR-служба патриотической организации упоминает евреев в самом конце длинного списка. Однако остается вопрос: почему сформированные советским нарративом представления вступают в конфликт с мемориализацией и публичной коммеморацией жертв Холокоста? Как замечает Николай Копосов, современный нарратив о войне включает в себя широкий спектр «правд о войне», табуированных в советские годы — бессмысленные человеческие потери, некомпетентные решения руководства, заградотряды, репрессии против бывших пленных и т. д. [Копосов 2011: 164–165]. Правда о Холокосте тоже признана, причем на самом высоком уровне.

В Международный день памяти жертв Холокоста (27 января) проходят официальные коммеморативные мероприятия. Президент нередко лично принимает в них участие и говорит о недопустимости отрицания Холокоста^{28, 29}. В чем же тогда состоит проблема обозначения Змиёвской балки как места памяти о Холокосте? Почему ростовские чиновники тратят значительные усилия, чтобы этого не допустить?

Инерция советского нарратива о войне играет, как мы убедились, важную роль в ростовском конфликте вокруг Змиёвской балки. Поэтому чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, в чем состояла причина непризнания Холокоста в советское время.

Причины замалчивания Холокоста советскими властями неоднократно обсуждались в исследовательской литературе. Можно выделить два наиболее распространенных объяснения этого явления. Первое связывает замалчивание Холокоста с государственным и низовым антисемитизмом [Арад 1990; Khiterer 2017]. Второе состоит в том, что власть боялась признать Холокост, поскольку это способствовало бы росту национального самосознания советских евреев [Альтшулер 2009; Локшин 2014]. С этими объяснениями нельзя не согласиться, но они представляются недостаточными. Говоря о советском непризнании Холокоста, важно помнить о той роли, которую нарратив о войне играл в позднесоветской идеологии. Цви Гительман предполагает, что к 1960-м годам война стала главным легитимирующим мифом режима потому, что военный опыт (в отличие от революционного) был частью личной или семейной истории большинства граждан, а выделение особой роли евреев могло вызвать возмущение других национальностей и тем самым ослабить легитимирующую силу нарратива о войне [Gitelman 1997: 28]. Нам кажется важным дополнить это объяснение. Признание Холокоста угрожало не только легитимности военного мифа для разных групп внутри СССР, но и тому высокому символическому статусу, который давала стране роль главного героя и главной жертвы Второй мировой войны в мировом сообществе.

С окончания Второй мировой войны Советский Союз утверждал себя в роли главного победителя, страны, спасшей мир от фашизма [Канторович 2009]. После смерти Сталина советские идеологи начали писать и говорить не только о беспримерном героизме советского народа, но и об огромных жертвах, принесенных на алтарь победы. К концу периода застоя «жертвенная» составляющая в официаль-

²⁸ <https://rg.ru/2018/01/29/putin-prizval-presekat-popytki-otricaniia-holokosta.html>

²⁹ Антон Вайс-Вендт показывает, что российские официальные лица регулярно делают подобные заявления, начиная с 2005 года; по его мнению, цель таких высказываний – укрепить позиции России в ее «войнах памяти» с прибалтийскими государствами и Украиной, жители которых обвиняются в массовом коллаборационизме [Weiss-Wendt 2021]. Илья Альтман отмечает, что российские официальные лица при этом ничего не говорят о коллаборационизме на территориях РСФСР и Белоруссии, зато активно подчеркивают роль Красной армии в спасении евреев [Альтман 2021].

ном нарративе о войне заметно увеличилась по отношению к «победной» [Gill 2011: 199]. На защиту статуса главного героя и главной жертвы войны советская пропаганда тратила немало сил. К памятным датам в центральных газетах неизменно печатались статьи, авторы которых давали отпор западным «фальсификаторам истории», умаляющим роль СССР во Второй мировой войне. В качестве примеров фальсификаций приводились утверждения о том, что большую роль в победе сыграли поставки союзников по ленд-лизу; что на других фронтах Второй мировой войны тоже происходили важные сражения; что СССР победил не только благодаря массовому героизму советских людей и преимуществам социалистического строя, но и разным случайностям типа сильных морозов³⁰. Западные «фальсификаторы истории» упоминаются даже в специальном постановлении ЦК КПСС «О 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», авторы которого повторяют: «Наша страна стала главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и сыграла решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии» [Егоров, Боголюбов 1990: 503–504].

Настойчивая полемика с «фальсификаторами» показывает, что статус главного победителя и главной жертвы нацизма был для советского нарратива чрезвычайно значим. Это делало советскую пропаганду крайне чувствительной к любым высказываниям об особой роли (героической или жертвенной) других стран и народов во Второй мировой войне. Поэтому на высказывания об «окончательном решении еврейского вопроса» — особенно если эти высказывания имели международный резонанс — она реагировала в оборонительном режиме.

Ярким эпизодом такой оборонительной реакции стало освещение советскими СМИ процесса над Адольфом Эйхманом в 1961 году. Как показывает Нати Канторович, все усилия советской пропаганды в этот момент были направлены на то, чтобы не дать Израилю «лишить СССР статуса нации, которая заслонила мир от нацизма и больше всех от нацизма пострадала» [Канторович 2009: 228]. Сначала советские пропагандисты прибегали к различным уловкам, пытаясь изобразить Эйхмана не организатором «окончательного решения еврейского вопроса», а «универсальным» нацистским преступником — например, приписывая ему миллионы нееврейских жертв или заменяя в его высказываниях слово «евреи» на слово «люди». Затем советские авторы стали прямо обвинять Израиль в том, что, рассказывая о преступлениях нацистов против евреев, он оскорбляет память советских жертв. И наконец была предпринята первая попытка провести аналогию между уничтожением евреев и уничтожением славян. Та-

³⁰ См., например, Махалов, В. (1974, 9 мая). Истина торжествует наперекор фальсификациям. *Известия*.

кая агрессивно-оборонительная позиция была связана с осознанием того, что «еврейская составляющая процесса конкурирует с официальной советской концепцией истории» [Там же: 228].

Борьба за статус главной жертвы войны занимает важное место и в современной российской политике памяти. В 2019 году в России был запущен проект «Без срока давности», который ставит своей целью доказать факт геноцида советского народа во время нацистской оккупации. В рамках проекта была создана петиция, которая призывает «всех участников мирового сообщества <...> признать преступления нацистов против советских граждан геноцидом Советского народа»³¹.

Проект «Без срока давности» позиционирует себя как исследовательский и просветительский, однако по результатам поисковой и архивной работы Следственный комитет РФ заводит уголовные дела по статье 357 УК РФ «Геноцид»³². Эта практика вызывает недоумение как у историков, так и у юристов. Историки отмечают, что многие случаи массовых убийств гражданского населения, которые идеологи «Без срока давности» преподносят как открытия проекта, известны давно, а некоторые расследовались еще в 1943–1944 годы ЧГК и рассматривались на Нюрнбергском процессе³³. Эксперты по международному праву говорят, что для квалификации военных преступлений как геноцида необходимо доказать так называемое «геноцидальное намерение», что сделать довольно непросто³⁴. К тому же предполагаемые ответчики по возбуждаемым делам уже мертвы, и по российскому праву такие дела подлежат прекращению в связи со смертью обвиняемого³⁵. Очевидно, что возбуждение уголовных дел в данном случае имеет цель сугубо символическую — доказать, что Россия может претендовать на статус жертвы геноцида.

Существует распространенное мнение, что современная российская память о войне чрезвычайно «героецентрична», и что в ней нет места гражданским жертвам [см., например, Полян 2016: 192]. Однако это не так. Анализируя мероприятия и проекты, приуроченные к 75-летию Победы, Василиса Бешкинская и Алексей Миллер показывают, что сегодня Россия мобилизует разные ресурсы, чтобы подчеркнуть свой статус жертвы нацизма: это и проект «Без срока давности», и появление раздела о нацистских преступлениях на оккупированных советских территориях в экспозиции Музея Победы на Поклонной горе, и финансирование фильмов «Страсти по Зое» и «Нюрнберг» [Бешкинская, Миллер 2020]. Добавим к этому вы-

³¹ <https://tinyurl.com/39s7cppw>

³² Одно из них было возбуждено как раз в Ростовской области по результатам раскопок г. Миллерово [<https://rg.ru/2020/11/09/reg-ufo/ustanovlena-prichastnost-gruppy-gfp-721-k-genocidu-v-1942-godu-na-donu.html>].

³³ См. реплики историка Олега Будницкого здесь [<https://www.currenttime.tv/a/nazi-crimes-peobed-again/30655103.html>].

³⁴ <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/zachem-segodnya-o-genocide-v-sssr/>

³⁵ См. высказывание юриста Александра Евсеева здесь [<https://www.currenttime.tv/a/nazi-crimes-peobed-again/30655103.html>].

сказывания эксперта Российского военно-исторического общества, который сообщает публике, что «Гитлер планировал славянский Холокост»³⁶.

Поворот к «жертвенной» составляющей войны в российской исторической политике, зафиксированный исследователями в 2020 году, на самом деле начался раньше. В 2010-х годах вышло несколько популярных исторических работ, целью которых было доказать, что гражданское население СССР во время Второй мировой войны стало жертвой целенаправленного геноцида. По сути, авторы таких работ продолжают линию, намеченную еще советскими пропагандистами, утверждавшими, что больше всех других народов фашисты ненавидели славян. Авторы, разрабатывающие концепцию геноцида славян сегодня, не отрицают Холокост на советских территориях, и даже довольно подробно пишут о нем, но при этом утверждают, что евреи уничтожались на тех же основаниях, что и славяне [Дюков 2011; Яковлев 2017]. В аннотации к одной такой книге сказано: «они [нацисты] не собирались разбираться в “подвидах” населявших СССР “недочеловеков”: русский и еврей, белорус и украинец равно были обречены на уничтожение» [Дюков 2011: 4]. Автор другой пишет, что немцы на оккупированных советских территориях «убивали всех, кто попадался на пути» [Яковлев 2017: 296]. Не отрицая Холокост и не преуменьшая число его жертв, эти историки ясно дают понять читателю, что нацистский план уничтожения славян был гораздо более масштабным по своему замыслу, чем «окончательное решение еврейского вопроса». В частности, они приводят высказывания Гиммлера, который будто бы сообщал своим приближенным о планах уничтожить «30 миллионов славян», и Гитлера, который говорил о намерении тотального уничтожения советских граждан³⁷. Александр Дюков утверждает, что хотя ненависть Гитлера к евреям была «патологической», Советский Союз фюрер ненавидел больше [Дюков 2011: 170].

Стремление России утвердиться в статусе жертвы геноцида роднит ее с другими постсоциалистическими странами. За исключением ГДР, эти страны строят свою идентичность преимущественно на роли жертвы [Ассман 2016: 158]. Между тем притязания на статус жертвы (*competitive victimhood*) прямо связаны с замалчиванием или преуменьшением масштабов Холокоста: поскольку Холокост является предельным воплощением жертвы, другие группы, претендующие на этот статус, неизменно видят в евреях конкурентов [Rozett 2022: 2–3].

³⁶ <https://ria.ru/20200408/1569723713.html>

³⁷ Утверждения о планах Гиммлера уничтожить 30 миллионов славян и об особой ненависти Гитлера к славянам – общее место работ о геноциде советского народа. Между тем эти утверждения не подтверждены документально: первое основано на показаниях Эриха Бах-Зелевского в Нюрнберге, второе – на мемуарах Германа Раушнинга «Разговоры с Гитлером», который, по мнению многих, сильно преувеличивал свою близость к фюреру. Делали ли Гиммлер и Гитлер подобные заявления в реальности, остается неясным. Доказать это невозможно.

Уместно задаться вопросом: почему именно в последнее десятилетие притязания на статус жертвы стали играть такую заметную роль в российской исторической политике? Здесь следует обратить внимание на полемические выпады против неких лиц, которые «сносят памятники нашим воинам-освободителям и хотят приравнять их к нацистским палачам» [Дюков 2011: 4], сопровождающие рассуждения упомянутых выше историков о геноциде славян. Как и советские пропагандисты, современные авторы концепции геноцида славян сражаются с «фальсификаторами истории». Но угрозы, исходящие от современных «фальсификаторов», более серьезные. «Фальсификаторы» советских времен пытались преуменьшить роль СССР во Второй мировой войне. Современные заявляют, что наша страна участвовала во Второй мировой войне не только в роли героя, но и в роли агрессора: обвиняют Красную армию в насилии на оккупированных европейских территориях и в установлении оккупационных режимов, говорят об ответственности СССР за развязывание войны. Таким образом, современные борцы с «фальсификациями истории» должны отвести от СССР обвинения в агрессии. Именно поэтому они доказывают, что СССР на самом деле был жертвой.

Идеологи проекта «Без срока давности» также говорят о необходимости борьбы с «фальсификаторами истории», хотя это словосочетание в их рассуждениях отсутствует. В частности, потенциальных участников проекта призывают «сохранять историю для будущих поколений без ее искажения»³⁸. Ростовский участник «Без срока давности» объясняет актуальность проекта тем, что сейчас «существуют сомнения в целенаправленном уничтожении советского народа, прежде всего, в среде западных историков»³⁹. Некоторые российские историки полагают, что возбуждение уголовных дел о геноциде в рамках проекта стало реакцией российских властей на резолюцию Европарламента об ответственности советского руководства за развязывание Второй мировой войны [Бешкинская, Миллер 2020]⁴⁰. Связь между этой резолюцией и стремлением утвердиться в статусе жертвы геноцида просматривается и в высказываниях самих промоутеров идеи Холокоста славян или русского/советского народа:

Как известно, Европарламент принял резолюцию, которая ставит на одну полку Советский Союз и нацистскую Германию, якобы СССР виновен в агрессивной войне в той же степени, что и Третий рейх. Трибунал в Нюрнберге четко показал, кто развязал Вторую мировую войну, более того, представленные на нем документы говорят о том, что советский народ стал главной жертвой нацистской агрессии. Фактически

³⁸ <https://xn--2020-k4dg3e.xn--p1ai/events/bez-sroka-davnosti/>

³⁹ Монастырская, К. (2022). «Преступлениям нацистов срока давности или реабилитации нет!». Интервью с А. Кудряковым. Сборник информационно-аналитических материалов *Обзор НЦПТИ*, 1(28), 7–9. С. 8

⁴⁰ См. также <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/zachem-segodnya-o-genocide-v-sssr/>

советские граждане так же стали жертвами геноцида, как и еврейский народ⁴¹.

Таким образом, в основе проекта «Без срока давности» и трудов идейно близких ему историков лежит стремление отвести от России обвинения в агрессии, что происходит через утверждение ее в статусе жертвы геноцида. В каком-то смысле такая стратегия естественна, поскольку, как отмечает Алейда Ассман, «в привычной логике национальной идентичности роль преступника и роль жертвы взаимно исключают друг друга» [Ассман 2016: 159].

Попытки России отвести от себя обвинения в агрессии через утверждение статуса жертвы не уникальны. Николай Эпшле называет это явление «оборонительным комплексом жертвы» и рассматривает его на примере польской исторической политики [Эпшле 2020: 244–250]. Там в ответ на обвинения поляков в массовых убийствах евреев в 1941–1945 годы известный польский писатель предложил создать «музей Полокоста»: «Полокост — это не Холокост, но в этом случае речь также идет об угрозе существованию целого народа» [цит. по Эпшле 2020: 251].

После того, как мировое сообщество осудило Беларусь за подавление антиправительственных протестов и преследование диссидентов, белорусский президент Александр Лукашенко инициировал расследование преступлений нацистов во время оккупации и назвал их «холокостом белорусского народа». При этом Лукашенко с нескрываемой завистью высказался по поводу тех символических преимуществ, которые дает статус жертвы Холокоста: «Евреи смогли заставить мир вспомнить [Холокост], и весь мир преклоняется перед ними, боясь сказать им хоть одно неверное слово. Со своей стороны, мы, будучи терпимыми и добрыми, не хотели никого обижать и довели дело до того, что обидели нас»⁴². Белорусский президент прекрасно чувствует конъюнктуру современной исторической памяти, в центре которой находятся жертвы [Ассман 2016: 154–158], а такие понятия, как «Холокост» и «геноцид», являются «знаками повышенной политэкономической ценности» [Калинин 2021: 358]. За его рассуждениями виден простой расчет: статус жертвы Холокоста дает символический капитал, способный защитить от разных обвинений, и если мы докажем, что имеем на него право, то получим своего рода моральную неприкосновенность.

Имея в виду вышесказанное, мы можем предположить, что в ответ на каждое последующее обвинение в агрессии Россия будет утверждаться в статусе жертвы, что, в свою очередь, будет тормозить публичное принятие «классической» концепции Холокоста как абсолютно уникального события.

⁴¹ <https://ria.ru/20201120/myagkov-1585340627.html>

⁴² <https://www.jpost.com/diaspora/belarusian-president-whole-world-bows-to-jews-due-to-holocaust-673009>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ростовская история показывает: мемориал, который на протяжении десятилетий напоминал о войне и/или мирных советских гражданах, не может вдруг «заговорить» о жертвах Холокоста.

Советский нарратив до сих пор влияет на представления граждан о событиях военного времени. Некоторые ростовчане сегодня пишут и говорят о Змиёвской балке, используя устойчивые клише советского языка памяти о войне. Это влияние подпитывается современной политикой памяти, для которой идея исключительности советской, русской или славянской жертвы значима не меньше, а даже больше, чем она была значима для СССР. Ради обоснования статуса главной жертвы Второй мировой войны государство готово тратить немалые ресурсы — особенно в ситуации, когда этому статусу что-то угрожает (как правило, обвинения в агрессии). Однако месседж «мы — жертвы геноцида» обращен не только к внешней, но и к внутренней аудитории. Благодаря просветительской деятельности проекта «Без срока давности», научно-популярным книгам и передачам о геноциде русского народа некоторые россияне продолжают считать, что у нацистов не было никакой особой политики по отношению к евреям; применительно к Ростову — что нацисты свозили на Змиёвскую балку всех подряд, «не заглядывая в паспорт».

Нарратив о Холокосте представляет потенциальную угрозу для любой группы, претендующей на статус главной жертвы нацизма. Поэтому западноевропейская концепция Холокоста как события, уникального не только для истории Второй мировой войны, но и для мировой истории, с трудом вписывается в современный российский нарратив о войне. В советское время угроза, исходящая от нарратива о Холокосте, отражалась с помощью замалчивания национальности жертв и утверждений, что славяне пострадали не меньше или даже больше евреев. В современной Беларуси, доказывающей «холокост белорусского народа», используются эти же приемы — например, при обнаружении новых мест массового уничтожения евреев национальность жертв просто не указывается⁴³. Авторы современных российских текстов о геноциде советского/русского народа не замалчивают Холокост на оккупированных территориях и даже умудряются непротиворечиво вписать его в свою концепцию с помощью полуфольклорных историй об особой ненависти Гитлера к славянам или о намерении нацистов уничтожить 30 миллионов славян.

На уровне мемориализации такое сочетание советской концепции войны с западноевропейской концепцией Холокоста оказыва-

⁴³ См., например, отчет белорусской прокуратуры о расследовании массовых расстрелов в урочище Бронная гора в рамках уголовного дела о геноциде населения Беларуси. Хотя расстреливали на Бронной горе главным образом узников гетто, слово «евреи» в отчете отсутствует [https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/zashchita-sotsialnykh-prav-grazhdan/v-inykh-sferakh/urochishche-bronnaya-gora-v-berezovskom-rayone-prokuratura-brestskoy-oblasti-prodolzhayet-rabotupou/]

ется уже более проблематичным. Попробуем вообразить себе мемориальный объект, который располагался бы рядом с памятником жертвам Холокоста и иллюстрировал бы идею «а славян нацисты ненавидели еще больше». Представляется, что ее не смогли бы выразить даже плиты с (неизвестными на сегодняшний день) именами нееврейских жертв. Возможно, именно поэтому установка любых знаков, маркирующих Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте, наталкивается на сопротивление администрации и многих жителей города.

Литература

- Альтман, И. (2021). Память о Холокосте в современной России. *Декодер*, 21.05.2021. Режим доступа: <https://www.dekoder.org/ru/gnose/pamyat-o-holokoste-v-sovremennoy-rossii#fuss16>
- Альтшулер, М. (2009). Деятельность евреев по увековечению памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина. В *Яд Вашем: Исследования*, 171–192. М.: Мосты культуры.
- Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: НЛЮ.
- Арад, И. (1990). Катастрофа европейского еврейства в советской историографии. В И. Арад. (Авт.). *Холокауст: Катастрофа европейского еврейства. Сборник статей*, 137–163. Иерусалим: Яд Вашем.
- Бешкинская, В., Миллер, А. (2020). 75-летие Победы в российской политике памяти — предварительные итоги. *Россия в глобальной политике*, 5(сент.-окт.). Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/stradaniya-tyl-vojna/#_ftn1
- Винклер, К. (2012). Память о Холокосте в современной России. В *Холокост на территории СССР. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике, том 1*, 131–143. М.: Сэфер, НПЦ «Холокост».
- Дюков, А. (2011). *«Русский должен умереть!» От чего спасла нас Красная Армия*. М.: Эксмо.
- Егоров, А., Боголюбов, К. (Ред.). (1990). *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК*, 12. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- Епифанова, А. (2017). От запрета на память к попыткам мемориализации? Анализ представления темы Холокоста в российских учебниках истории, 1990–2016 гг. В И. Альтман (Ред.). *Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте*, вып. 14, 207–217. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК.
- Калинин, И. (2021). Историческая политика. В А. Завадский, В. Дубина (Ред.). *Все в прошлом. Теория и практика публичной истории*, 355–376. М.: Новое издательство.
- Канторович, Н. (2009). Реакция на процесс Эйхмана в Советском Союзе: Попытка предварительного анализа, 1960–1965 годы. В Д. Романовский, Д. Зильберкланг (Ред.). *Яд Вашем: исследования*, вып. 1, 193–232. Иерусалим: Яд Вашем.
- Копосов, Н. (2011). *Память строгого режима. Историка и политика в России*. М.: НЛЮ.
- Крехалева, Е. (2017). Отражение истории холокоста в учебниках по отечественной истории России, Украины и Беларуси как основа формирования толерантности. В И. Альтман (Ред.). *Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте*, вып. 14, 56–62. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК.
- Кринко, Е., Хлынина, Т. (2020). «Причем здесь мемориал?». 9 мая 2013 г. на Театральной площади в Ростове-на-Дону. В М. Габович (Ред.). *Памятник и праздник: этнография Дня Победы*, 152–178. СПб.: Нестор-История.
- Локшин, А. (2014). Помнить или забыть? Отношение к Холокосту советского режима и общества. В Т. Тарасова, Е. Носенко-Штейн (Ред.). *Помнить о прошлом ради будущего: еврейская идентичность и коллективная память*, 75–100. М.: ИВ РАН.

- Малинова, О. (2013). Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России. *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*, 1, 114–130.
- Махалов, В. (1974, 9 мая). Истина торжествует наперекор фальсификациям. *Известия*, 1974(4), 3.
- Мицель, М. (2007). Запрет на увековечение памяти как способ замалчивания Холокоста: практика КПУ в отношении Бабьего Яра. *Голокост і сучасність*, 1(2), 9–30.
- Мовшович, Е. (2011). Ростов-на-Дону. В И. Альтман (Ред.). *Холокост на территории СССР. Энциклопедия*. М.: РОСПЭН, НПЦ «Холокост».
- Полян, П. (2016). *Историомор, или Трепанация памяти: битвы за правду о ГУЛАГе, депортациях, войне и Холокосте*. М.: АСТ.
- Радченко, Д. (2019). Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника. *Фольклор и антропология города*, 11(1–2), 230–255.
- Столлов, В. (1998). Еврейская история в Российской школе. *Еврейская школа*, 1998(1). Режим доступа: <http://old.ort.spb.ru/nesh/stolov.htm#pr6>
- Чарный, С. (2013). Роль еврейских общин юга в сохранении и мемориализации памяти о Холокосте (на примере Ростова-на-Дону). В К. Феферман, И. Альтман, Л. Терушкин (Ред.). *История Холокоста на Северном Кавказе и судьбы еврейской интеллигенции во время Второй мировой войны. Материалы 7-й международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия»*. М.: НПЦ «Холокост».
- Чевеля, Я. (Авт.-сост.). (2013). *Змиевская балка: вопреки*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Эппле, Н. (2020). *Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах*. М.: НЛЮ.
- Яковлев, Е. (2017). *Война на уничтожение. Что готовил Третий Рейх для России*. СПб.: Питер.
- Gill, G. (2011). *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gitelman, Z. (1997). Politics and Historiography of the Holocaust in the Soviet Union. In Z. Gitelman (Ed.). *Bitter legacy: confronting the Holocaust in the USSR*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Khiterer, V. (2017). Memorialization of the Holocaust in Minsk and Kiev. In V. Khiterer, Gruber A. (Eds.). *Holocaust Resistance in Europe and America: New aspects and dilemmas*, 95–131. Cambridge Scholars Publishing.
- Rebrova, I. (2020). *Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus*. De Gruyter Oldenbourg.
- Rozett, R. (2022). Competitive Victimhood and Holocaust Distortion. *Israel Journal of Foreign Affairs*, 23 Apr. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/23739770.2022.2059740>
- Weiss-Wendt, A. (2021). Holocaust discourse in Putin's Russia as a foreign policy tool. In D. Hoffman (Ed.). *The memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*, 276–298. New-York: Routledge.
- Zeltser, A. (2019). *Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union*. Jerusalem: Yad Vashem.

References

- Altman, I. (2021). Memory of the Holocaust in contemporary Russia. *Decoder*, 21.05.2021. Retrieved from <https://www.dekoder.org/ru/gnose/pamyat-o-holokoste-v-sovremennoy-rossii#fuss16> (In Russian).
- Assman, A. (2016). *New discontent with memorial culture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Altshuller, M. (2009). Jewish activities to perpetuate the memory of the Holocaust in the Soviet Union during the Stalin era. In *Yad Vashem: Studies*, 171–192. Moscow: Mosty kul'tury. (In Russian).
- Arad, I. (1990). The Shoah in Soviet historiography. In I. Arad (Auth.). *The Holocaust: The Catastrophe of European Jewry. Collection of articles*, 137–163. Jerusalem: Yad Vashem. (In Russian).

- Beshkinskaya, V., Miller, A. (2020). The 75th anniversary of the Victory in the Russian memory politics. *Russia in the Global Politics*, 5(Sept.-Oct.) Retrieved from https://globalaffairs.ru/articles/stradaniya-tyl-vojna/#_ftn1 (In Russian).
- Charny, S. (2013). The role of Jewish communities in preserving and memorializing the memory of the Holocaust (on the example of Rostov-on-Don). In K. Feferman, I. Altman, L. Terushkin (Eds.). *History of the Holocaust in the North Caucasus and the fate of the Jewish intelligentsia during World War II. Materials of the 7th International Conference "Lessons of the Holocaust and Contemporary Russia"*. Moscow: NPC "Holokost". (In Russian).
- Chevelya, J. (Auth.-comp.). (2013). *Zmievskaia balka: Despite*. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russian).
- Dyukov, A. (2011). *"The Russian must die!" What the Red Army saved us from*. Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Egorov, A., Bogolyubov, K. (Ed.). (1990). *Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*, 12. Moscow: Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS. (In Russian).
- Epifanova, A. (2017). From a ban on memory to attempts at memorialization? Analysis of the presentation of the Holocaust theme in Russian history textbooks, 1990–2016. In I. Altman (Ed.). *We cannot be silent: Schoolchildren and students about the Holocaust*, vol. 14, 207–217. Moscow: Tsentr i Fond "Holokost". (In Russian).
- Eppl, N. (2020). *An uncomfortable past: the memory of state crimes in Russia and other countries*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Gill, G. (2011). *Symbols and legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge.
- Gitelman, Z. (1997). Politics and historiography of the Holocaust in the Soviet Union. In Z. Gitelman (Ed.). *Bitter legacy: Confronting the Holocaust in the USSR*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Kalinin, I. (2021). The historical policy. In A. Zavadskyi, V. Dubina (Eds.). *It's all in the past. The theory and practice of public history*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 355–376. (In Russian).
- Kantorovich, N. (2009). Reaction to the Eichmann Process in the Soviet Union: an attempt of a preliminary Analysis. In D. Romanovsky, D. Zilberklang (Ed.). *Yad Vashem: Studies*, vol. 1, 193–232. Jerusalem: Yad Vashem. (In Russian).
- Khiterer, V. (2017). Memorialization of the Holocaust in Minsk and Kiev. In V. Khiterer, Gruber A. (Eds.). *Holocaust Resistance in Europe and America: New Aspects and Dilemmas*, 95–131. Cambridge Scholars Publishing.
- Koposov, N. (2011). *High-security memory. History and politics in Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Krekhaleva, E. (2017). Reflection of the history of the Holocaust in textbooks on the national history of Russia, Ukraine and Belarus as the basis for the formation of tolerance. In I. Altman (Ed.). *We cannot be silent: Schoolchildren and students about the Holocaust*, vol. 14, 207–217. Moscow: Tsentr i Fond "Holokost". (In Russian).
- Krinko, E., Khlynina, T. (2020). "What the memorial got to do with it?" May 9, 2013 at Teatralnaya Square in Rostov-on-Don. In M. Gabovich (Ed.). *Monument and Holiday: Ethnography of the Victory Day*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).
- Lokshin, A. (2014). Remember or forget? The attitude of the Soviet regime and society towards the Holocaust. In T. Tarasova, E. Nosenko-Stein (Ed.). *Remembering the Past for the Future: Jewish Identity and Shared Memory*. Moscow: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Mahalov, V. (1974, 9 maya). Truth triumphs in spite of falsifications. *Izvestiya*, 1974(4), 3. (In Russian).
- Malinova, O. (2013). The problem of a politically "fit" past and the evolution of official symbolic politics in post-Soviet Russia. *Political Conceptology: A Journal of Metadisciplinary Studies*, 1, 114–130. (In Russian).
- Mitsel, M. (2007). The ban on the perpetuation of memory as a way to suppress the Holocaust: the practice of the Communist Party of Ukraine in relation to Babi Yar. *Holocaust and Modernity*, 1(2), 9–30. (In Russian).
- Movshovich, E. (2011). Rostov-on-Don. In I. Altman (Ed.) *Holocaust in the USSR. Encyclopedia*. Moscow: ROSPEN, NPC "Holocaust". (In Russian).

- Polyan, P. (2016). *Killing of history, or Trepanation of memory: battles for the truth about the Gulag, deportations, war and the Holocaust*. Moscow: AST. (In Russian).
- Radchenko, D. (2019). The women a-frying a crocodile: the right to interpret a monument. *Urban Folklore & Anthropology*, II(1–2), 230–255. (In Russian).
- Rebrova, I. (2020). *Re-constructing grassroots holocaust memory: The case of the North Caucasus*. De Gruyter Oldenbourg.
- Rozett, R. (2022). Competitive Victimhood and Holocaust Distortion. *Israel Journal of Foreign Affairs*, 23 Apr. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/23739770.2022.2059740>
- Stolov, V. (1998). Jewish history in the Russian school. *Jewish school*, 1. Retrieved from <http://old.ort.spb.ru/nesh/stolov.htm#pr6> (In Russian).
- Weiss-Wendt, A. (2021). Holocaust discourse in Putin's Russia as a foreign policy tool. In D. Hoffman (Ed.). *The memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge.
- Winkler, C. (2012). Remembrance of the Holocaust in contemporary Russia. In *Holocaust on the territory of the USSR. Materials of the XIX International Annual Conference on Jewish Studies*, vol. 1, 131–143. Moscow: Sefer, NPC "Holocaust". (In Russian).
- Yakovlev, E. (2017). *War of annihilation. What the Third Reich was preparing for Russia*. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
- Zeltser, A. (2019). *Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union*. Jerusalem: Yad Vashem.

«Право на город»: Кронштадт глазами горожан

Кирилл Михайлович Королев^[1]

✉ cyril.korolev@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8831-2970

^[1] АНО «Историко-культурный центр «Патрия», Санкт-Петербург, Россия

Королев, К. М. (2024). «Право на город»: Кронштадт глазами горожан. *Фольклор и антропология города*, VI(1-2), 39–57. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-39-57.

В статье рассматривается социальное пространство современного Кронштадта, малого исторического города в черте Санкт-Петербурга, жители которого по сей день притязают на сохранение особой коллективной идентичности. В основу работы положены материалы, собранные в ходе интервьюирования горожан весной 2021 года. Кронштадтское социальное пространство характеризуется и описывается как ассамбляж, в котором взаимодействуют разнородные силы, определяя тем самым перспективы развития города — как с точки зрения городского хозяйства, так и в восприятии горожан. Выделяются четыре основных элемента текущей городской идентичности — или четыре составляющих «кронштадтского палимпсеста», а именно: оценка горожанами статуса и ресурсной позиции города в иерархии городской среды Санкт-Петербурга; определение административных и «естественных» границ города на территории острова Котлин; ранжирование кварталов по степени престижности и фольклоризация «неблагополучных» зон; отношение к притоку туристов и восприятие местными жителями «чужих», а также разделение городских достопримечательностей на «парадные» и «личные». Делается вывод, что «право на город», которого продолжают добиваться горожане сегодня, опираясь на историю и географическое положение населенного пункта и на собственные представления о предпочтительном укладе городской жизни, во многом определяет своеобразие кронштадтского ассамбляжа и выделяет этот малый город из совокупности российских городов-спутников мегаполисов.

Ключевые слова: Кронштадт, урбанистика, социальное пространство, ассамбляж, Санкт-Петербург, городская среда, идентичность

“A right to the city”: Kronstadt and its inhabitants

Cyril M. Korolev^[1]

✉ cyril.korolev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8831-2970

^[1] The Patria Center for History and Culture, St. Petersburg, Russia

To cite this article:

Korolev, C. (2024). “A Right to the City”: Kronstadt through its inhabitants. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1–2), 39–57. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-39-57.

The article examines the social space of modern Kronstadt, a small historical town within the boundaries of St. Petersburg, whose residents still claim to preserve a special collective identity. The work is based on materials collected during interviews with locals in the spring of 2021. Kronstadt’s social space is characterized and described as an assemblage in which heterogeneous forces interact, thereby determining the prospects for the town’s development — both in terms of urban economy and the perception of the townspeople. There are four main elements of the current urban identity—or four components of the “Kronstadt palimpsest”: first, the townspeople’s perception of the town’s status and resource position within the hierarchy of St. Petersburg’s urban environment. Second, the determination of the administrative and “natural” boundaries of the town on the territory of Kotlin Island. Third, the ranking of neighborhoods based on the degree of prestige, along with the folklorization of “disadvantaged” zones. And fourth, the attitude toward the influx of tourists and the perception of “strangers” by local residents, as well as the division of city attractions into “ceremonial” and “personal” ones. It is concluded that the townspeople’s ongoing pursuit of the “right to the city”, based on the history, geographical location of the settlement, and their own ideas about the preferred urban way of life, largely determines the uniqueness of the Kronstadt assemblage. This sets this small town apart from the array of satellite towns around Russian megacities.

Keywords: Kronstadt, urban studies, social space, assemblage, Saint Petersburg, urban environment, identity

Среди всего разнообразия городов-спутников Санкт-Петербурга, ныне входящих в городскую черту, Кронштадт занимает особое положение, причем не только и не столько в силу своей географической обособленности: этот населенный пункт до сих пор — во всяком случае, в восприятии его жителей, как будет показано далее, — воображается как нечто отдельное от Петербурга (хотя и, безусловно, тесно, даже неразрывно с последним связанное), как полноценное и самобытное социальное пространство с богатейшим историческим прошлым, как своего рода «город в городе». Такая специфика восприятия, разделяемая, насколько можно судить, к

примеру, по комментариям в социальных сетях, и многими гостями Кронштадта (как из Санкт-Петербурга, так и из остальных регионов России), для которых он — самостоятельный город «при Петербурге»¹, представляет немалый интерес для исследователей городской антропологии и побуждает задаваться вопросом о причинах подобной репрезентации.

Основанный в 1704 году как островная крепость для защиты морских подступов к Санкт-Петербургу, Кронштадт чуть позднее сделался главной военно-морской базой Балтийского флота и превратился в город-порт². Статус «колыбели флота» и морского (военно-морского) города он сохраняет по сей день, несмотря на фактическое прекращение коммерческой портовой деятельности еще в конце XIX столетия и на постепенную демилитаризацию городской жизни в постсоветский период (личные наблюдения 2021 года; см. также фрагменты интервью горожан далее). Возведение комплекса гидрозащитных сооружений Санкт-Петербурга (1979–2011) и открытие сквозного автомобильного движения по дамбе, благодаря чему было налажено бесперебойное наземное сообщение между северной и южной частями Невской губы Финского залива и обеспечена сухопутная коммуникация с Кронштадтом, лишило остров Котлин, на востоке которого расположен Кронштадт, прежней изолированности — и способствовало в последнее десятилетие значительному увеличению туристического потока в город. Недавние проекты инфраструктурного развития³ предусматривают комплексную застройку восточной части острова Котлин новыми микрорайонами и грозят, в относительно ближайшей перспективе, радикально изменить исторический облик Кронштадта. Все эти факторы в совокупности определяют отношение кронштадтцев к своему городу и во многом задают рамки их социального воображения, в пределах которого обживаемое пространство, если воспользоваться терминологией Анри Лефевра [Лефевр 2015], нередко конфликтует с понимаемым, то есть с тем, которое навязывается горожанам органами власти и управления. Совокупность структурированного индивидуального и коллективного опыта, составляющая обживаемое городское пространство (его, цитируя Лефевра, «скорее чувствуют, нежели мыслят»), зачастую оказывается — см. ниже фрагменты интервью, подтверждающие этот вывод — в противоречии с пространством понимаемым, которое определяется специалистами (урбанистами, управленцами, архитекторами и пр.) и получает воплощение в тех или иных материальных объектах, в программах рекон-

¹ См., например, ленту городского сообщества «Кронштадт» в социальной сети «ВКонтакте» [https://vk.com/v_kronshtadt], а также ленты других аналогичных сообществ.

² Подробно об истории Кронштадта см., например, [Крестьянинов 2002].

³ См. интервью руководителя проекта «Остров фортов» о планах застройки территории острова Котлин [<https://www.fontanka.ru/2021/05/13/69911438/>], а также описание инвестиционного проекта по обустройству бывшей Каботажной гавани [<https://www.fontanka.ru/2021/06/04/69951491/>]. Существуют и планы по освоению западной части острова — с созданием там туристско-рекреационного кластера рядом с природным заказником.

струкции и реновации и т. д.; это противостояние служит источником борьбы за «право на город», а также за «право помнить» (формы и способы коммеморации, важные для локальной исторической памяти)⁴.

Весной 2021 года группа исследователей провела в Кронштадте серию интервью с жителями города. Нас интересовало, как горожане оценивают свое место проживания, его историю и современное состояние, какие события «большого нарратива» (в данном случае — истории России) видятся им наиболее значимыми для Кронштадта и почему, как личная и семейная история вписывается людьми в общий исторический контекст, каковы надежды и опасения, связанные с городом, и в чем, по мнению жителей, заключается «изюминка» Кронштадта. Было опрошено более 30 респондентов в возрасте от 22 до 80 лет, 20 человек согласились дать развернутое интервью⁵; кроме того, эти же вопросы затрагивались и обсуждались на встречах с представителями городской администрации и муниципального совета, а также с духовенством РПЦ, окормляющим Кронштадт. Отмечу, что первоначально мы предполагали говорить именно об истории города и ее символическом измерении, однако — наверное, этого следовало ожидать, но для нас такой поворот разговоров оказался довольно-таки неожиданным — многие респонденты стремились перевести беседу в урбанистический контекст, перебрасывая мостик от событий прошлого к текущим городским проблемам⁶. Картина, которая складывается при контекстуальном анализе содержания этих интервью (с опорой на методологию изучения устной истории и *memory studies*, а также на включенное наблюдение)⁷, позволяет сделать несколько любопытных выводов о том, каков Кронштадт глазами его жителей, какое положение (ресурсную позицию) он занимает внутри городской иерархии Санкт-Петербурга и внутри общероссийской иерархии городских поселений, а также о том, в чем проявляется своеобразие кронштадтского социального пространства⁸.

⁴ См. выдержки из интервью горожан далее; о кронштадтских коммеморативных практиках см.: [Королев 2023].

⁵ Собеседования проводились в рамках реализации проекта «Кронштадт 1921–2021. 100 лет в памяти города и горожан» по гранту 21-1-017472 Президента РФ на развитие гражданского общества; исполнитель проекта — ЛНО «Историко-культурный центр “Патрия” (“Отчизна”») (Санкт-Петербург). Все интервью в текстовом виде и в формате аудиозаписи выложены на сайте «Территория Северо-Запад» [<http://patriacenter.ru/kronstadt-memorybank/>]; последующие цитаты из отдельных интервью приводятся с указанием ФИО респондента, но без ссылки на конкретный материал, чтобы не множить примечания.

⁶ Это стремление ярко проявилось и на презентации результатов интервьюирования на заседании Кронштадтского клуба краеведов в Центральной районной библиотеке; см. полную видеозапись презентации от 11.05.2021 [https://youtu.be/lhxc_6W5pcc], особенно ответы на вопросы к докладу и выступление представителя муниципального совета Кронштадта.

⁷ В ходе исследований были взяты 20 глубинных интервью, которые проходили в форме свободной беседы о личных воспоминаниях, связанных с историей советского и постсоветского Кронштадта; предварительно был составлен общий вопросник, но в ходе интервьюирования к нему приходилось прибегать крайне редко, поскольку респонденты в основном самостоятельно затрагивали практически все интересовавшие исследователей темы.

⁸ Благодарю коллег, принимавших участие в заседании городского антропологического семинара в Санкт-Петербурге в июне 2021 года, на котором обсуждались основные положения настоящей статьи, за конструктивную критику и полезные замечания.

Как представляется, для адекватного описания текущего социального пространства Кронштадта и социального воображения активной части городского населения будет полезным воспользоваться в качестве характеристики объединения разнородных элементов какой-либо среды термином «ассамбляж», предложенным Жилем Делезом и уточненным Бруно Латуром⁹ и Мануэлем Деландом ([DeLanda 2006], рус. пер. [Деланда 2018]). Этот термин, в отличие от «бриколажа» Клода Леви-Стросса, подразумевает не просто целое, несводимое к своим элементам, а такое целое, экстериорные части которого обладают «непроявленными» способностями; последние проявляются в моментальных формах взаимодействия, формируя новые отношения¹⁰. То есть важнейшим признаком ассамбляжа, наряду с комбинированием множества черт, выступает его «текущая» актуальность — он постоянно производится и трансформируется, демонстрируя, как меняется восприятие чего-либо, изнутри и снаружи, под воздействием тех или иных обстоятельств. В нашем случае таким обстоятельством-триггером стало 100-летие Кронштадтского восстания: эта дата обострила кронштадтские конфликты памяти, заставила горожан заново оценить собственное отношение к истории города в советский период и к действиям нынешних городских властей на поле исторической политики (имеются в виду прежде всего споры вокруг инициативы РВИО, поддержанной на федеральном, городском и районном уровнях, по установке рядом с Морским собором Николая Чудотворца на Якорной площади в Кронштадте памятника всем жертвам восстания; эта инициатива получила среди горожан крайне неоднозначную оценку)¹¹, вызвала довольно оживленную полемику в федеральном медиапространстве, что, безусловно, сказалось на росте популярности города у туристов, — и породила, собственно, ту социальную картину, которую мы наблюдали в Кронштадте весной 2021 года и которая нашла свое отражение в собранных интервью. Многие наши собеседники считали необходимым уточнить, что они предпочли бы обойти молчанием это «место памяти» (Пьер Нора) [Нора 1999], но в ходе разговора сами так или иначе затрагивали тему восстания — как того события, которое в немалой степени определило последующее развитие города, состав его населения, городской ландшафт и даже сегодняшнюю ментальную карту Кронштадта (см. ниже).

⁹ В опубликованном русском переводе работы «Пересборка социального» [Латур 2020] используется термин «сборка», но в отечественной научной литературе, как правило, принято говорить именно об «ассамбляже», по аналогии с искусствоведческой терминологией.

¹⁰ Об ассамбляже как урбанистическом концепте и различных применениях реляционной перспективы в городских исследованиях см., например [Агафонова 2015; Замятин 2020] и [Marskamp, Paulos, Cvetinovic 2016].

¹¹ Закладной камень памятника поместили у собора, но сам памятник в итоге был установлен не на площади, а за стеной Докового адмиралтейства, на территории, принадлежащей парку «Патриот» МО РФ, а не городу. Подробнее см. [Королев 2023]. О различных версиях локальной памяти и различных мемориальных нарративах, определяемых аксиологией конкретной социальной группы, см., например, [Мельникова 2019; Rosenwein 2008; Wertsh 2008].

Применительно к антропологическим исследованиям городской среды термин «ассамбляж» ввел в употребление К. Макфарлейн¹², и это понятие, на наш взгляд, позволяет достаточно полно и точно охарактеризовать социальное пространство Кронштадта, где, если отталкиваться от интервью и результатов включенного наблюдения, взаимодействуют разнородные и разнонаправленные силы. Наряду с собственно городскими — «низовыми» — инициативами, посредством которых жители Кронштадта отстаивают свое «право на город», по знаменитому выражению Лефевра, здесь проявляются и политические интересы, преследуемые на разных уровнях власти, от местной до федеральной (см. выше, например, историю с установкой памятника жертвам Кронштадтского восстания), а также географические и инфраструктурные особенности существования города, динамика появления/исчезновения рабочих мест и колебания цен на жилье, обуславливающая отношение к Кронштадту как к отдаленному спальному району Петербурга или как к особому и самостоятельному «месту для жизни» (из интервью) и т. д. Иными словами, кронштадтский ассамбляж собирается и пересобирается буквально на глазах и выделяет Кронштадт, как кажется, из числа прочих городов-спутников Петербурга, вошедших в городскую черту: в этом отношении с Кронштадтом нельзя сопоставлять ни Сестрорецк, ни Ломоносов (Ораниенбаум), ни Петродворец, которые уже давно переняли общую «петербургскую» идентичность¹³.

Среди установок самих горожан можно выделить четыре основных элемента текущей городской идентичности — или четыре составляющих «кронштадтского палимпсеста»¹⁴, по которым распределяются мнения и образуются группировки (группы интересов) внутри городского населения. Первый элемент — позиция относительно статуса Кронштадта в составе Санкт-Петербурга; второй — восприятие города как единого целого, несмотря на фактические его размеры, с островом Котлин. Третий элемент можно обозначить как «интериоризация»: это разделение городской территории на места обитания «своих» и «пришлых», с соответствующей фольклоризацией реальных и мнимых экзистенциальных угроз. Наконец четвертый элемент — это отношение к наплыву туристов и в целом к проводимой городскими властями (как местными, так и властями Санкт-Петербурга) политике развития города, к официальным коммеморативным практикам и к различным «сторонним» общественным и коммерческим инициативам.

¹²См. [McFarlane 2011a], [McFarlane 2011b], а также [Farias, Bender 2011]. По Макфарлейну, понятие ассамбляжа позволяет трактовать городскую среду как «процесс проживания городского пространства» горожанами и в полной мере отражает «процессуальность, реляционность, мобильность и неравномерность» городской пространственности (специальности Лефевра).

¹³О поглощении бывших городов-спутников и «растворении» их идентичности см., например, [Житин и др. 2020].

¹⁴В урбанистике метафора города и культурного ландшафта в целом как палимпсеста восходит к работам Дональда Майнига [Meinig 1979].

Что касается статуса Кронштадта, это, как выяснилось из глубинных интервью и опроса респондентов, не один вопрос, а сразу два. Во-первых, вызывает сомнения и некоторую путаницу — особенно у сто-ронних людей — двусмысленность положения «города в городе»: му-ниципальный округ «Кронштадтский» (с 2007 года), Кронштадтский район Санкт-Петербурга («в новейшей истории он всегда считался районом Ленинграда-Санкт-Петербурга») — и при этом город Крон-штадт; во-вторых, для многих остается неясным связанное с первым обстоятельство, а именно «ранг» Кронштадта, если можно так выра-зиться, в иерархии поселений — город это или не город. Показательно в этом отношении высказывание одного из респондентов:

Если происходит знакомство где-то не здесь, все равно говоришь, что ты не из Санкт-Петербурга, а из города Кронштадт, что это рядом с Санкт-Петербургом. Например, где-то на отдыхе бывает, когда мы летаем в дру-гую страну, либо в другой регион России. Все-таки кронштадтцы прежде всего говорят: «Мы из Кронштадта», «Из города Кронштадт, который на-ходится рядом с Санкт-Петербургом»¹⁵.

Другой респондент более категоричен:

Он считается районом Санкт-Петербурга, Кронштадтским районом Санкт-Петербурга, но это для того, чтобы из центра переводить финансы. На этом и заканчивается его Санкт-Петербуржье. Кронштадт был и остает-ся городом Кронштадтом, коронным городом. Назови его хоть деревней захудалой, он все равно останется коронным городом, что в названии, что в своей душе¹⁶.

Вообще противопоставление Кронштадта и Петербурга встреча-ется в ответах довольно часто, причем как по формальным («переводить финансы»), так и по более житейским, повседневным, обиход-ным признакам; ср.:

У нас какая-то своя картинка, своя аура. Мы, кронштадтцы, во-первых, ходим тише, чем в Санкт-Петербурге. Когда мы приезжаем в Санкт-Петербург, то многие обгоняют. У нас здесь время чуть-чуть потише, чем в Санкт-Петербурге, идет. Все как-то размеренно, по-здоровому, у нас не спешат. Еще у нас почти все друг друга знают, как в семье¹⁷.

По сути, Кронштадт позиционируется как малый исторический город¹⁸, который живет размеренной «здоровой жизнью» в противовес суматошному мегаполису.

Но противопоставление Петербургу свойственно далеко не всем респондентам; некоторые уверенно говорят, что Кронштадт — это Пе-тербург, в первую очередь по сходству архитектуры и по общей стро-гости городского облика:

¹⁵ Ж., 30+

¹⁶ М., 50+

¹⁷ М., 60+

¹⁸ Статистика Союза малых городов России [smgrf.ru] Кронштадт не учитывает, хотя в этой статистике отражаются не только города, но и муниципальные районы (округа).

Я всегда видела его красоту, красоту этих фасадов, линий и лепнины. Меня всегда возмущало, я считала себя оскорбленной словами, будто Кронштадтский мятеж — это плод агитации среди неграмотных крестьян. Мой город строили Казаков и Штакеншнейдер, Захаров и другие. Государь Петр Великий здесь провел больше времени, чем в Санкт-Петербурге, и ты понимаешь, что мы — просто аванпост, авангард столичного города Санкт-Петербург. Поэтому здесь не могло [быть] трусов на балконе, поэтому здесь были коммунальные прачечная и сушилка, поэтому здесь по линейке подстриженные деревья, поэтому здесь ходят строем. Это лицо столичного города¹⁹.

Я считаю, что Кронштадт — это Петербург. Мало того, я очень чувствительна к архитектуре и к ансамблю архитектурному. В любом городе, где бы я ни путешествовала, ни оставалась, для меня это очень важно. И по архитектуре в старом городе это малый Петербург, даже Гостиный двор, малый Гостиный двор, большой Гостиный. Если взять наш этот пятачок небольшой, до Финского залива практически, если мы туда пойдем вглубь по проспекту Ленина — это вообще будет чистый малый Петербург²⁰.

Впрочем, такое отождествление двух городов — все-таки редкость, по большей части в ответах преобладает кронштадтский патриотизм:

Кронштадт — это Кронштадт. Начнем с того, что уже в советское время Кронштадт считался районом Санкт-Петербурга, но всегда был закрытым и таинственным городом. Когда узнавали, что мой муж из Кронштадта, то люди старшего поколения так многозначительно кивали: «О!»... Петербург совсем другой, он жил совсем другой жизнью, красивой, насыщенной необыкновенными людьми — артистами, писателями. Это был Питер, со своими запахами, со своими театрами. А Кронштадт был отдельно. Корабли на рейде, которые ты мог увидеть только в Кронштадте, совершенно другие люди... Никак не может быть Кронштадт Петербургом. Раньше мы просто писали «город Кронштадт» и адрес, а теперь пишем: «Санкт-Петербург, город Кронштадт, адрес». [Но] для меня Кронштадт и Санкт-Петербург совершенно разные. Здесь вроде бы район, всего сорок тысяч населения, но это отдельный город²¹.

Квинтэссенцией этой точки зрения можно считать следующие слова: «Конечно, теперь это район Санкт-Петербурга, но формально это отдельная страна»²².

Безусловно, местный патриотизм и его конструирование, «снизу» и «сверху», суть явления, чрезвычайно характерные для малых городов, желающих тем или иным образом обосновать свою самобытность и подчеркнуть общую городскую идентичность («брендить» себя и свою воображаемую территорию²³). Однако в Кронштадте — во всяком случае, на низовом уровне — это локальное патриотическое устремление порой принимает гипертрофированные формы, как сле-

¹⁹ Ж., 60+

²⁰ Ж., 40+

²¹ Ж., 60+

²² М., 50+

²³ О брендинге территорий и его современных практиках в России см. [Ахметова, Петров, Байдуз 2018].

дует из ряда приведенных выше цитат («все равно останется коронным городом», «отдельная страна» и др.). Не исключено, что этот гиперсеміозис, стоящий за образом Кронштадта у части горожан, обусловлен обособленностью и долгой закрытостью города²⁴ (пропускной режим въезда отменили только в 1996 году): старшее поколение жителей привыкло гордиться своим особым положением — обитателей «строного» и «парадного» военно-морского города²⁵ рядом со «штатским» Ленинградом-Петербургом, — и потому вкладывает в этот образ обилие смыслов, противопоставляя Кронштадт соседнему мегаполису; ср.:

Наверное, я привыкла с детства, что мы такие отдельные, и у нас здесь было очень много военных, тоже своя специфика, и мы привыкли, что мы живем отдельно. Я чувствую, что не живу в Санкт-Петербурге, живу все-таки в Кронштадте, а Санкт-Петербург — он в стороне²⁶.

Более молодые респонденты уже не склонны драматизировать отношения двух населенных пунктов (но при этом упорно подчеркивают городской статус Кронштадта, как и старшие²⁷):

Конечно, Кронштадт исторически связан с Петербургом, он невозможен, немислим без него, потому что у нас все напоминает о Петербурге²⁸;

Кронштадт и Петербург соотносятся так — у них общая история. Мне кажется, они взаимосвязаны. Нет полностью отдельного Петербурга и нет Кронштадта самого по себе. Для меня это одно целое, единая система. Их трудно разделить²⁹.

Для многих горожан, судя по интервью (см. цитаты ниже), город простирается от восточной оконечности острова Котлин до западной, охватывает фактически весь остров — хотя формально городской

²⁴ Автору статьи доводилось бывать в других ранее закрытых городах — в том же Северодвинске под Архангельском, в подмосковной Дубне и в Сосновом Бору под Санкт-Петербургом; опираясь на личные впечатления, отмечу, что с подобным локальным патриотизмом я столкнулся — в городских масштабах — именно и только в Кронштадте.

²⁵ Ср.: «А когда город открылся, какие были ощущения? — Плохое было ощущение, ужасное. Наплыв людей — остров столько не может принять» [Ж., 70+].

²⁶ Ж., 30+

²⁷ В этом навязчивом стремлении постоянно обозначать городской статус поселения, разумеется, также проявляется локальный патриотизм, желание уберечь «свое» от поглощения «хищным большим городом», если воспользоваться метафорой Георга Зиммеля. Если Кронштадт и Петербург — города, значит, они в каком-то отношении равноправны, и Петербург не вправе притязать на поглощение Кронштадта, а Кронштадт никогда не «растворится» в Петербурге так, как растворились, к примеру, Стрельна или Сестрорецк; ср.: «Это их город, их остров, они на нем живут, и туристов (как и вообще всех «чужих»). — К. К.) они воспринимают как пришельцев» [М., 50+]. Подразумеваемое равноправие Кронштадта и Петербурга, кстати, проявляется и в замечаниях о том, что Петербург для кронштадтца — это не «город», а именно Петербург, что «городом» называют только историческую часть Кронштадта, а ближайшего соседа, административно являясь его частью, называют исключительно по имени: «Мы никогда не говорим, что едем в Петербург — едем в Питер. А город — это город, это Кронштадт. Путаницы не возникает. Город — это то, что за Кронворотами» (Кронворота — Кронштадтские ворота, въезд в историческую часть Кронштадта) [Ж., 30+]. О такой разновидности локального патриотизма и его проявлениях в малых городах современной России см. [Черныш, Маркин 2020].

²⁸ Ж., 30+

²⁹ Ж., 30+

границей выступает Кольцевая дорога, за которой расположен лишь «20-й квартал», то есть кладбище. Та часть острова, которая расположена за КАД, считается «загородом», это место, «полезное для шашлыков», хотя там находятся старинные фортификационные сооружения — Демидовские батареи, форты «Шанец» и «Риф». Ср.:

У нас традиционно весь город ездит на «шанцы», чтобы провести там время. Там хорошие песчаные пляжи, пусть мелко, зато там хорошо прогревается вода... Или на огороды. Там же еще огороды, две сотки кронштадтские никуда не делись, многие старожилы имеют там участки, ездят туда постоянно. Конечно, огородики потихоньку уходят в историю, но еще пока сохраняются. Там хозяйственная и рекреационная зона³⁰.

При этом граница между «городом» и «загородом» очень размыта, ее никак не назовешь строгой:

Остров Котлин и Кронштадт — для меня это практически одно и то же... Это тот же Кронштадт, и форт «Константин» для меня тоже Кронштадт. Все, куда не надо добираться по воде, — это Кронштадт. А по воде — это уже другой район. Даже до форта «Константин» можно дойти пешком. Где можно дойти пешком — это все Кронштадт, это остров Котлин³¹.

В таком восприятии просматривается своего рода «стихийная гетеротопия»³², понимание «загорода» как части города и города как слитого с «загородом»; Кронштадт, по сути, присваивает себе — в восприятии горожан — ту территорию острова, «куда можно дойти по суше», становится одновременно включающим и включенным пространством, естественные границы которого определяются сугубо географически, по противопоставлению суши и воды. Любопытно, к слову, что на выезде из Кронштадта на КАД нет таблички «Конец населенного пункта» (точнее, она есть, но уже фактически на магистрали, то есть город простирается за КАД и согласно ПДД), следовательно, и с официальной точки зрения Кронштадт — это весь остров Котлин, по крайней мере, до границы природного заказника на западной оконечности. Правда, подобное понимание города-острова, присущее коренным кронштадтцам³³, как ни забавно, допускается только для

³⁰ М., 30+

³¹ Ж., 30+

³² Согласно М. Фуко, пространство/ландшафт приобретает свойство гетеротопии, когда оно используется, воспринимается и воображается различными сообществами, группами или отдельными людьми с разными целями и в рамках различных представлений (бытовых, возрастных, гендерных, профессиональных, социокультурных и т. д.). См. [Фуко 2006].

³³ О коренных кронштадтцах следует говорить осторожно, поскольку город и остров пережили с 1921 года несколько волн заселения: после Кронштадтского восстания, затем после Великой Отечественной войны и ряда сталинских судебных процессов, прежде всего, «ленинградского дела», а затем в середине 1970-х годов, с началом строительства дамбы. Фактически состав населения города радикально менялся всякий раз, поэтому коренными, за редкими исключениями, сегодня называют себя те, кто живет в Кронштадте с 1950-х годов. Ср.: «Конечно, над городом Кронштадтом был проведен жестокий социальный эксперимент. После событий 1921 года отсюда были практически выселены местные. По спискам приходов первыми после революции закрылись протестантские храмы, католические храмы, татарская мечеть, еврейская синагога закрылась, потом уехали дворяне, и дальше покатило. Моя мама родилась здесь, а ее мама, бабушка моя, приехала к своему брату, который прибыл сюда по комсомольскому призыву.

«своих»: когда местные слышат от не слишком начитанных туристов об «острове Кронштадт», это обижает и огорчает: «К сожалению, слово “Котлин” никто не знает»³⁴; но все же, повторюсь, в представлении большинства горожан сам город растягивается до размеров острова — точнее, он превращается в нечто условное, лишённое признаков города, однако сохраняющее некие опознаваемые черты: «Вот, наверное, многие со мной согласятся — это Кронштадт как место, остров, но не город»³⁵.

В отличие от «загорода» с его метафизическим статусом «места» и отсутствием границ между ним и городом, сам Кронштадт, как оказалось, расчерчен незримыми границами, отделяющими городские районы (кварталы) друг от друга. Ментальная карта Кронштадта, существующая в коллективном воображении горожан, делит восточную половину острова Котлин на условные «естественные» зоны, если вспомнить терминологию Чикагской школы. Те, кто живет в исторической части Кронштадта, ранее обнесённой крепостными стенами, очевидно гордятся этим фактом: на прямой вопрос респонденты, конечно, отрицали, что испытывают чувство превосходства и поглядывают свысока на жителей кварталов вне крепостных стен, но по их рассказам это чувство вполне угадывается. «Может, для жителей 19-го квартала он [город] у КАДа и заканчивается. Но для меня как для жителя старого города он заканчивается Кронштадтскими воротами. Потому что дальше уже не город...»³⁶; «Считается, что [за воротами] почти маргинальная резервация»³⁷. В самом историческом городе тоже имеется менее престижный район — так называемая Гора ближе к восточной оконечности острова (эта небольшая возвышенность никогда не затопливалась при наводнениях), но и Гора³⁸, и даже 16-й квартал сразу за бывшей крепостной стеной принадлежат «старому» городу, а вот 19-й квартал, прямо у съезда с КАД, пользуется дурной славой.

Это «выселки», какое-то иное пространство, отчуждённое от «города» (по рассказам горожан, только жители этого квартала говорят, что едут в город, когда собираются за чем-либо в исторический центр):

Такие, как он, приезжали отовсюду. Потом новая волна, у нас ведь мели метлой в ходе всех дел, которые затевались: и “медицинское дело”, и “ленинградское дело”, и прочие. Но все мои одноклассники гордились тем, что мы, Кронштадт, — это часть Санкт-Петербурга, только островная. В силу определенной политической ситуации нас закрыли как драгоценную часть, что позволяло нам сохраниться без изменений» [Ж., 60+].

³⁴ Ж., 50+

³⁵ Ж., 40+

³⁶ Ж., 30+

³⁷ Ж., 30+

³⁸ Ср.: «Помню, как меня резануло слово “загород”. Для меня “загород” — это за населённым пунктом, когда пошли деревни, коровы и так далее. А тут загород уже за Кронштадтскими воротами получается. Мне кажется, что для людей, которые здесь родились, это важный контраст. Для многих из них и Гора — чуть ли не знак второго сорта» [М., 50+]; «Сама я жила в Кронштадте по разным адресам, в том числе и на Горе, на улице Пролетарской, а сейчас в купеческой части живу, на Посадской. И могу сказать, что отсюда Гора по-прежнему кажется какой-то необжитой, темной. Там не проходит никаких массовых мероприятий, там нет каких-то увеселительных заведений. Там все как-то мрачно, казарменно» [Ж., 60+].

Когда только-только стали давать квартиры, когда построили первые дома, у моего отца родители получили квартиру в квартале, я иногда их навещала. Потом появилась одноклассница, которая там жила, а мы еще обитали в городе. Как-то съездила к ней в гости и потом я очень долго — подростковые ощущения — просто нереально долго — ждала автобус. Я вернулась домой, мне родители говорят: «Ты где была вообще? Мы тут с ума сходим». Тогда было ощущение, что ты не то чтобы на выселках, а где-то в другом месте³⁹.

Здесь, в самом городе, мы куда-то вышли, например, и если меня кто-то остановил, я говорю, что иду на Красную улицу, на Широкую, на Якорную площадь. А в 19-м квартале они говорят, когда едут в центр, что в город собираются. Значит, они сами как-то себя отделяют. Не чувствуют себя в городе⁴⁰.

Этот квартал — местные говорят «квартал» — отчасти до сих пор остается в восприятии горожан диким и неухоженным местом, несмотря на довольно развитую инфраструктуру:

Лично я не считаю тот квартал городской чертой, у меня осталось представление о каких-то, как раньше говорили, «выселках». Там были пески, там вечно горы песка стояли, там строились дома, я прекрасно помню, как это было. Сейчас это черта города, хотя в силу той архитектуры, которая там есть, квартал не имеет ничего общего с городом Кронштадт. Типичные дома, какие-то новостройки, какой-то пригород. Так это и остается в восприятии коренных кронштадтцев⁴¹.

Для меня это не город, это просто жилой массив, который находится на нашем острове⁴².

Не удивительно, что эта территория постепенно обросла собственным легендарным:

Знаменитый район, раньше за глаза его называли «Простоквашино». Когда начинали строить дамбу, его стали заселять, и постепенно сложилась отдельная небольшая структура — банки, садик, отделение поликлиники, супермаркеты. А «Простоквашино»⁴³ потому, что там просто квасили — приезжали рабочие с работы и квасили, вот и получилось «Простоквашино»⁴⁴.

Поселения крохотные там были в дореволюционный период, даже Иоанн Кронштадтский дачу организовывал на Рыбачьей косе, еще имелись заводы по переработке вторсырья, кирпичные заводы и так далее. Но когда пошел процесс индустриализации, укрупнения, город все втянул на себя. В период революции и депрессии послереволюционной было даже решение об уменьшении численности, физическом уменьшении численности жителей Кронштадта, потому что их нечем занять. Просто выселя-

³⁹ Ж., 30+

⁴⁰ М., 60+

⁴¹ Ж., 50+

⁴² Ж., 60+

⁴³ По другой версии [Ж., 50+] это название возникло благодаря тому, что там пасли коров и жители исторической части Кронштадта ходили/ездили туда за молоком и молочными продуктами.

⁴⁴ Ж., 30+

ли. Потом эти домики снова заселили, но все закончилось, когда начали строить 19-й квартал⁴⁵.

Впрочем, постепенно различия между исторической частью и «выселками» сглаживаются. Молодое поколение кронштадтцев даже видит в жизни на «выселках» некоторые преимущества:

Да, я знаю, что в этих районах давали квартиры тем, кто строил дамбу, кто на ней работал, то есть, соответственно, костяк микрорайонов сложился в те времена, но мы все понимаем, что люди меняются, переезжают... 19-й квартал⁴⁶ живет немножечко своей жизнью, потому что он оторван от основного города, потому что он находится как бы между Петербургом и исторической частью Кронштадта... Кто-то, например, говорит, что он похоже на некое «гетто». А мне не очень нравится отсутствие там исторических зданий, памятников архитектуры. Да, сейчас началось благоустройство, район действительно преобразился, но все равно это современный район, и, наверное, там хорошо жить людям, которые любят все современное. Некоторые люди стремятся купить квартиру именно там, потому что это квартиры в современных домах, с инфраструктурой, с лифтами, с прекрасными видами с верхних этажей⁴⁷.

Планы обустройства территории Котлина, подготовленные проектом «Остров фортов», предусматривают комплексную застройку ныне почти пустующих участков земли между 16-м и 19-м кварталами, поэтому прежние «выселки» достаточно скоро окончательно перестанут быть таковыми и сольются с остальными кварталами в единый городской массив, в том числе и благодаря планируемой морской набережной. В какой-то степени жаль, что этот источник городского фольклора и городских страхов, связанных с отдельными районами проживания⁴⁸, обречен на исчезновение из-за утраты кварталом своей обособленности, но урбанизация этого «недоосвоенного» пространства при активной поддержке местной и городской (петербургской) администраций, важных участников кронштадтского ассамбляжа, видится неизбежной.

Четвертый вектор кронштадтской идентичности — это отношение к наплыву туристов и вообще восприятие города как «своего» социального пространства, на которое покушаются различные «чужаки», от властных структур до «чужих» общественных и коммерческих организаций. Что называется, не для печати многие из тех, с кем довелось говорить в Кронштадте, так или иначе высказывали недовольство

⁴⁵ Ж., 60+

⁴⁶ Отмечу, что и по сей день квартиры в 19-м квартале уступают в стоимости квартирам в историческом центре Кронштадта, а среди районов Санкт-Петербурга Кронштадтский уступает почти всем «материковым», и потому многие из тех, кто хотел бы купить квартиру в Петербурге, но не имеет достаточных средств на «город», соглашались на Кронштадт. См. некоторые подробности по этому поводу в интервью «новых горожан».

⁴⁷ Ж., 30+

⁴⁸ Об устной истории Кронштадта и фольклоризации городских районов см., например, [Савин 2014], а также [Наумова 2020]. О городских страхах и легендах, их разнообразии и значении для современной фольклористики и социальной антропологии см. [Архипова*, Кирзюк 2021: 14–60; Панченко 2015]. (*А. С. Архипова признана иностранным агентом).

сторонним вмешательством в дела города — мол, сегодня всем заправляют «варяги», участие горожан в реализации «права на город» минимально. Можно предположить, что здесь проявляется, опять-таки, типичное для малого города, сообщества «семейного типа», в котором все друг друга знают⁴⁹, настороженное отношение к «пришлым»; по мере дальнейшей урбанизации Котлина и размывания «семейного» сообщества это отношение, как представляется, наверняка будет ослабевать.

Что касается наплыва туристов, эта ситуация вызывает у горожан отторжение в первую очередь из-за непривычного многолюдья и транспортных заторов⁵⁰:

Я сама рядом с Морским собором живу — ощущается очень сильно. Я бы не сказала, что как-то психологически, а именно физически; некомфортно стало просто ходить даже по центру... Скученность, народ везде⁵¹...

То, что сейчас пробки на въезде в Кронштадт, конечно, очень плохо, особенно летом, но я очень надеюсь, что когда-нибудь запустят обещанный скоростной трамвай по дамбе или вообще метро какое-нибудь сделают для Кронштадта⁵².

Нужно, конечно, регулировать и транспортную проблему решать. Еще хочется гостиниц, тогда поток туристов будет не настолько агрессивным, потому что сейчас три-четыре дня за сезон — на пике — город просто умирает под толпами приезжих. В короткий летний период все пытаются сюда попасть, а кронштадтцы пытаются отсюда уехать, чтобы пережить нашествие это где-нибудь подальше⁵³.

С другой стороны, все респонденты признают, что без туристов город обречен на тихое угасание:

У Кронштадта должно быть будущее, и меня не огорчает, что это будущее за туристическим городом. По мне, очень хорошо, что восстанавливаются исторические объекты, которые могут быть интересны туристам. Знаю, что многие кронштадтцы очень ревностно относятся ко всем этим реставрациям, новоделам, переменам, мол, раньше было заброшено, но красиво, и атмосфера была романтическая. Но мы же понимаем, что это атмосфера романтическая через 20 лет может обернуться тем, что придется просто на груде кирпичей жить. Я не хочу жить на груде кирпичей, мне очень радостно, что здания восстанавливаются, и пусть люди приезжают⁵⁴.

⁴⁹ Ср.: «Раньше руководители были кронштадтцами... А сейчас все как варяги, последним из местных был Скрябин. Он был первым замом главы города, если в баню приходил, ему каждый мог сказать — слушай, Володя, что ж вы там натворили-то... А нынешние все не отсюда... Раньше глава города Суриков жил со мной в одном дворе, мы вместе гуляли с собаками, я мог задать ему любой вопрос. Он же знал, что я по-соседски могу сказать ему что-то неприятное» [М., 60+]. О малых городах и «семейности» их социального пространства см., например, [Маркин, Черныш 2019].

⁵⁰ В 2018 году городские власти планировали принять в Кронштадте до 5 000 000 туристов, сегодня эти планы скорректировали и говорят о 3 000 000 туристов ежегодно при численности городского населения чуть более 40 000 человек. О «сверхтуризме» и его последствиях см., например, [Milano 2019].

⁵¹ Ж., 40+

⁵² Ж., 30+

⁵³ Ж., 30+

⁵⁴ Ж., 30+

Сейчас Кронштадт, если говорить об этом, переживает свою белую полосу... Идет развитие города, идет приток финансовых средств, новые люди приезжают в Кронштадт, трудятся здесь, свой вклад вносят. Возрождаются храмы, ремонтируются дома, даже исторический центр, возрождаются форты. Все, что наработано за триста с лишним лет существования города, сейчас приходит к людям⁵⁵. Так что, наверное, это и вправду белая полоса⁵⁶.

Понимаю, что ради одних местных жителей никто не станет сворачивать горы, строить всякие канатные дороги⁵⁷ и форты восстанавливать. Поэтому пускай все восстанавливается, пускай обретает новую жизнь, новый смысл⁵⁸.

Стоит, пожалуй, отметить еще одно обстоятельство, непосредственно связанное с туризмом в Кронштадте: многие респонденты признавались, что для себя делят городские достопримечательности на «парадные», назовем их так, и «личные». Скажем, сразу несколько респондентов сообщили, что гостей города, никогда ранее в нем не бывавших, они непременно отведут в Морской собор Николая Чудотворца, но «для души» предпочтут отправиться во Владимирский собор, поскольку там обстановка «домашнее». То же самое верно для ряда других «парадных» мест монументальной памяти, по определению Пьера Нора, будь то ворота Петровского дока, Дерево желаний (современный арт-объект, к которому подъезжают туристические автобусы) или кронштадтский футшток, — для всех обязательно найдутся «личные» заменители. Отчасти такое разделение тоже отражает характерную черту кронштадтского ассамбляжа — деление на «свое» и «чужое», но со сменой поколений различие «парадного» и «личного» стирается: более молодые респонденты в нашем опросе не скрывали, что Морской собор, к примеру, обладает несомненным «вау-эффектом» и потому для них притягательнее, чем сравнительно скромный Владимирский. Это постепенное затухание «личных» мест памяти, к слову, наглядно показывает текучую природу местного социума и убеждает, как и трансформации других описанных выше элементов идентичности кронштадтского сообщества, в обоснованности применения понятия «ассамбляж», которое позволяет охватить значительное разнообразие мнений и установок, существующих в социальном пространстве города.

Итак, реализация «права на город» — или деятельность в области воспринимаемого по трехчастной модели Лефевра, в которой воспринимаемое есть промежуточное звено между понимаемым и обживаемым, пространство практических осознанных решений,

⁵⁵ Это замечание побуждает вспомнить теорию «музеефикации как компенсации» Иохима Риттера и Германа Люббе: прошлое, когда-то органичное для современников, возвращается к потомкам в институционализированном виде. См. [Lubbe 1982; Ассман 2012].

⁵⁶ Ж., 50+

⁵⁷ Первоначально в планах проекта «Остров фортов» присутствовала постройка канатной дороги от Санкт-Петербурга до Кронштадта, но теперь эти планы урезали до короткого участка в самом Кронштадте — от Петровского дока до форта «Александр Первый».

⁵⁸ Ж., 30+

итог взаимодействия дорефлективного обживаемого и навязываемого понимаемого, — осуществляется в Кронштадте способами, во многом отличными от тех, что свойственны другим малым городам современной России, расположенным поблизости от городов крупных. Если большинству таких малых городов тяготеет к слиянию с крупным соседом (примерами тут могут служить, скажем, подмосковные Видное, Егорьевск или Домодедово, Сестрорецк и Всеволожск под Санкт-Петербургом и др.⁵⁹), то Кронштадт, как представляется, сопротивляется — по крайней мере, на низовом уровне — притяжению Санкт-Петербурга и намерен впредь сохранять, насколько это возможно, собственную, самостоятельную идентичность. Ср.: «У многих здесь есть — наверное, очень пафосно прозвучит — неразрывная связь с землей... Это некая малая родина, и они чтят свою историю, которая передается [из уст в уста], не только по учебникам истории, по телевизору и по радио»⁶⁰. С другой стороны, неизбежная смена поколений и общая урбанизация «большого Петербурга», охватывающая все без исключения районы, безусловно, меняют привычный для кронштадтцев городской ландшафт и пересобирают местный ассамбляж, а логика социального развития подсказывает, что в сравнительно близком будущем эта отчасти пасторальная картина «своего» Кронштадта существенно преобразится. Уже сегодня наблюдаются отчетливые признаки преобразования города: это и реализация планов застройки пустующих территорий проектом «Остров фортов», и постепенное изменение демографического состава населения за счет приезжих, приобретающих квартиры, лишенных «кронштадтского духа» и воспринимающих Кронштадт как «дешевый Петербург» (из личных наблюдений), и усиления властей по дальнейшему развитию туристического потенциала города в ущерб прежней обособленности и замкнутости. Разумеется, материальное историческое «ядро» города сохранится, однако само социальное пространство Кронштадта будет рано или поздно трансформировано, и «кронштадтский палимпсест», если воспользоваться метафорой Дональда Майнига, вновь подвергнется стиранию — для нового заполнения.

Литература

- Агафонова, А. Г. (2015). Реляционный подход в городских исследованиях. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XVIII(4), 96–110.
- Архипова, А. С.*, Кирзюк, А. А. (2021). *Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР*. М.: Новое литературное обозрение. (*А. С. Архипова признана иностранным агентом).

⁵⁹ Об этой тенденции см. уже упоминавшийся сборник [Малые города 2019], а также [Подлесная 2021; Мкртчян 2013].

⁶⁰ М., 50+

- Ассман, А. (2012). Трансформация нового режима времени. *Новое литературное обозрение*, 116(4), 16–31.
- Ахметова, М. В., Петров, Н. В., Байдуж, М. И. (Ред.). (2018). *Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда*. М.: Неолит.
- Деланда, М. (2018). *Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пермь: Гиле Пресс.
- Житин, Д. В., Кришьяне, З., Секи, Г., Берзиныш, М. (2020). Пространственные различия социальной дифференциации в постсоветский период: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Риги. *Балтийский регион*, 12(1), 85–114. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-6.
- Замятин, Д. Н. (2020). Пространство и гетеротопия: к семиотике метагеографического воображения. *Человек, образ и сущность*, 41(1), 29–52. DOI: 10.31249/chel/2020.01.02.
- Королев, К. М. (2023). Кронштадт между памятованием и забвением: сетевые баталии в год 100-летия Кронштадтского восстания. В А. Ф. Павловский, А. И. Миллер (Ред.). *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies*, 76–92. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб.
- Крестьянинов, В. Я. (2002). *Кронштадт. Крепость, город, порт*. СПб.: Остров.
- Латур, Б. (2020). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Лефевр, А. (2015). *Производство пространства*. М.: Strelka Press.
- Маркин, В. В., Черныш, М. Ф. (Ред.). (2019). *Малые города в социальном пространстве России*. М.: ФНИСЦ РАН.
- Мельникова, Е. А. (2019). Блокада как общее место публичных споров. *Неприкосновенный запас*, 128(6), 142–156.
- Мкртчян, Н. В. (2013). Внутренняя миграция в России. В Н. В. Мкртчян, Е. В. Тюрюканова (Сост.). *Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции*, 589–601. М.: Спецкнига.
- Наумова, М. (2020). Новые общественные пространства Кронштадта: эффекты музеефикации городской среды: Доклад на городском антропологическом семинаре Санкт-Петербурга.
- Нора, П. (1999). Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. В П. Нора, М. Озуф, Ш. Пюимежа, М. Винока. *Франция – память*, 17–50. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Панченко, А. А. (2015). Антропология и конспирология. *Антропологический форум*, 2015(27), 89–94.
- Подлесная, М. А. (2021). Малый город в условиях формирования агломераций: шанс выжить или удар модернизации? *Социологическая наука и социальная практика*, 9(3), 184–200.
- Савин, С. О. (2014). Географическое воображение и пространственные мифы в устных свидетельствах (на примере города Кронштадт). *Сравнительная политика*, 17(4), 80–82.
- Фуко, М. (2006). Другие пространства. В М. Фуко. *Интеллектуалы и власть*, 191–205. М.: Практика.
- Черныш, М. Ф., Маркин, В. В. (Ред.). (2020). *Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики*. М.: ФНИСЦ РАН.
- DeLanda, M. (2006). *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*. New York: Bloomsbury Academic.
- Farias, I., Bender, T. (2011). *Urban assemblages: How actor network theory changes urban studies*. London, New York: Routledge.
- Lubbe, H. (1982). *Fortschritt als Orientierungsproblem – Aufklärung in der Gegenwart*. Freiburg.
- Marskamp, M., Paulos, J., Cvetinovic, M. (2016). Assembling cities: Studying planning practices and urban issues with STS. In *ETH/EPFL Summer School 2016*.
- McFarlane, C. (2011a). Assemblage and critical urbanism. *City*, 15(2), 204–224. DOI: 10.1080/13604813.2011.568715
- McFarlane, C. (2011b). The city as assemblage. *Environment and Planning*, 29(4), 649–671. DOI: 10.1068/d4710.
- Meinig, D. W. (1979). *The Interpretation of Ordinary Landscapes*. New York: Oxford University Press.

- Milano, C., Novelli, M., Cheer, J. M. (2019). Overtourism and degrowth: A social movement perspective. *Journal of Sustainable Tourism*, 2019(27), 18–58.
- Rosenwein, B. (2008). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University.
- Wertsch, J. V. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research*, 75(1), 133–156.

References

- Agafonova, A. (2015). Relational trend in Urban Studies. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XVIII(4), 96–110. (In Russian).
- Akhmetova, M., Petrov, N., Baiduzh, M. (Eds.). (2018). *An Imaginable Territory: from the local identity to a brand*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Arhipova, A., Kirzjuk, A. (2021). *Dangerous Soviet Things. Urban Legends and Fears in the USSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assman, A. (2012). Transformations between history and memory. *New literary observer*, 116(4), 16–31. (In Russian).
- Chernysh, M., Markin, V. (Eds.). (2020). *The Spatial development of small towns: social strategies and practices*. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- DeLanda, M. (2006). *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*. New York: Bloomsbury Academic.
- DeLanda, M. (2018). *New philosophy of society. Assemblage theory and social complexity*. Perm: Gile Press. (In Russian).
- Farias, I., Bender, T. (2011). *Urban assemblages: How actor network theory changes urban studies*. London, New York: Routledge.
- Foucault, M. (2006). Other spaces. In M. Foucault. *Intellectuals and Power*, 191–205. Moscow: Praxis. (In Russian).
- Korolev, K. (2023). Kronstadt between remembering and oblivion: Online battles in the year of the 100th anniversary of the Kronstadt uprising. In A. Pavlovsky, A. Miller (Eds.). *Memory on the Web: The Digital Turn in Memory Studies*, 76–92. St. Petersburg: European University at Saint-Petersburg Publishing House. (In Russian).
- Krest'yaninov, V. (2002). *Kronstadt. The Fortress, the town, the port*. St. Petersburg: Ostrov. (In Russian).
- Latur, B. (2020). Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory. Moscow: Higher School of Economics Publishing. (In Russian).
- Lefebvre, A. (2015). *Production of space*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Lubbe, H. (1982). *Fortschritt als Orientierungsproblem – Aufklärung in der Gegenwart*. Freiburg.
- Marskamp, M., Paulos, J., Cvetinovic, M. (2016). Assembling cities: Studying planning practices and urban issues with STS. In *ETH/EPFL Summer School 2016*.
- Markin, V., Chernysh, M. (Eds.). (2019). *Small Towns in the Russian Social Space*. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- McFarlane, C. (2011a). Assemblage and critical urbanism. *City*, 15(2), 204–224. DOI: 10.1080/13604813.2011.568715
- McFarlane, C. (2011b). The city as assemblage. *Environment and Planning*, 29(4), 649–671. DOI: 10.1068/d4710.
- Meinig, D. W. (1979). *The Interpretation of Ordinary Landscapes*. New York: Oxford University Press.
- Mel'nikova, E. The blockade as a focus of public disputes. *Neprikosnovennyj zapas*, 128(6), 142–156. (In Russian).
- Milano, C., Novelli, M., Cheer, J. M. (2019). Overtourism and degrowth: A social movement perspective. *Journal of Sustainable Tourism*, 2019(27), 18–58.
- Mkrtchjan, N. (2013). Inner Migrations in Russia. In N. Mkrtchyan, E. Tyuryukanova (Comp.). *Migration in Russia 2000–2012. Reader in 3 volumes. V. 1: Migration processes and current issues of migration*, 589–601. Moscow: Speckniga. (In Russian).

- Naumova, M. (2020). New public spaces of Kronstadt: effects of museumification of the urban environment: Report at the city anthropological seminar of St. Petersburg. (In Russian).
- Nora, P. (1999). Between memory and history. Problematics of places of memory. In P. Nora, M. Ozouf, G. Puimegea, M. Winock. *France – memory*, 17–50. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Panchenko, A. (2015). Anthropology and conspirology. *Forum for Anthropology and Culture*, 2015(27), 89–94. (In Russian).
- Podlesnaya, M. (2021). Small town in the context of the formation of agglomerations: a chance to survive or a blow from modernization? *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 9(3), 184–200. (In Russian).
- Rosenwein, B. (2008). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University.
- Savin, S. (2014). Geographic imagination and spatial myths in oral tradition in Kronstadt. *Sravnitel'naja politika*, 17(4), 80–82. (In Russian).
- Wertsch, J. V. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research*, 75(1), 133–156.
- Zamjatin, D. (2000). Space and heterotopy: to the semiotics of meta-geographic imagination. *Chelovek: Obraz i suschnost'*. *Gumanitarnyje aspekty*, 41(1), 29–52. DOI: 10.31249/chel/2020.01.02. (In Russian).
- Zhitin, D., Krish'yane, Z., Seki, G., Berzin'sh, M. (2020). Spatial differences in the post-Soviet era: a comparative study of St. Peterburg and Riga. *Baltic region*, 12(1), 85–114. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-6. (In Russian).

Печоры: точки пересечения

Василий Александрович Воробьев ^[1]

✉ q.h.f@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0730-1175

^[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Наталья Сергеевна Петрова ^{[1], [2]}

✉ pena.talya@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6514-5601

^[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

^[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Воробьев, В. А., Петрова Н. С. (2024). Печоры: точки пересечения. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 58–78. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-58-78.

Статья посвящена пограничному региону — городу Печоры Псковской области и его окрестностям. В ходе экспедиции проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций» были собраны интервью с местными жителями о значимых для них этапах городской истории и специфике места. В центре внимания — то, как жители понимают феномен границы (в пространственном, геополитическом, межгрупповом и прочих смыслах) и осмысливают пограничность как локальную специфику. В тексте рассказывается об особенностях экспедиции, пришедшейся на осень 2020 года, топонимии и микропонимии города, в котором взаимодействуют три этнических идентичности, смысловых комплексах государственной границы, брендинге города через темы еды и архитектуры, сосуществовании двух основных смысловых комплексов: основного, «для своих и для чужих», и потайного, «в основном, для своих».

Ключевые слова: народная история России, Печоры, пограничье, трансграничный регион

Pechory: Intersection Points

Vasily A. Vorobyov ^[1]

✉ q.h.f@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0730-1175

^[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Natalia S. Petrova ^{[1], [2]}

✉ pena.talya@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6514-5601

^[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

^[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:

Vorobyov, V., Petrova, N. (2024). Pechory: Intersection Points. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1–2), 58–78. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-58-78.

This article discusses a border town of Pechory in Pskov Oblast and its surroundings. During the fieldwork for the project “People’s History of Russia: Crossroads of Local Civilizations” local residents were interviewed about significant periods in the history of the city and the uniqueness of the area. The focus of the article is on how the residents comprehend the border as a phenomenon (in spatial, geopolitical, intergroup, and other senses) and conceptualize the frontier as a local specificity. The paper reviews the particularities of the aforementioned fieldwork, which took place in the autumn of 2020, the toponymy and microtoponymy of the town where three ethnic identities interact, the conceptual frameworks of the state border, city branding through food and architecture, and the coexistence of two main conceptual frameworks: the primary one, “for our own and for others”, and the hidden one, “mostly, for our own”.

Keywords: people’s history of Russia, Pechory, border, frontier region

Локальная специфика

Задача проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций» в 2020–2021 годы заключалась в работе с пограничными областями России. Печоры Псковской области были выбраны в качестве места проведения полевых исследований как один из городов, где различимы периоды истории, связанные с культурой пограничья: он расположен в непосредственной близости от российско-эстонской границы и считается самым западным в России (за исключением Калининградской области). История псковско-эстонской границы насчитывает несколько столетий и этапов: 1) раннесредневековый; 2) средневековый государственный (XIII–XVII века);

3) имперско-губернский (XVIII — начало XX века); 4) межвоенный государственный (1918–1940 годы); 5) советско-республиканский (1940–1991 годы); 6) постсоветский государственный (с 1991 года) (подробнее об этом см. [Манаков, Дементьев 2016]).

С точки зрения устной истории важным оказывается тот факт, что официально Печоры (основанные в 1472 году) только в XX веке (т. е. на живой памяти жителей) несколько раз переходили «из рук в руки», меняя свою государственную принадлежность: по Юрьевскому мирному договору 1920 года город перешел к Эстонии и обрел название *Petseri*, а в 1944 году Печоры стали частью РСФСР и вернули прежнее название. Так территориальная близость дополняется исторической: с одной стороны, Эстония — это ближайшее соседнее государство (пограничный пункт Куничина гора расположен всего в 2,5 км от центра Печор), часть жителей имеет двойное гражданство либо родственников и друзей по ту сторону границы; с другой стороны, период «буржуазной Эстонии» — часть городской истории. По словам одного из информантов, «вообще ощущение, что Эстония — это как бы, да, вот рядом. То есть она... ну, как бы часть Печор. Печоры — часть Эстонии и России одновременно. Вот это вот было ощущение»¹. Город как бы живет на две страны или между ними, что проявляется, среди прочего, в дублировании топонимов, кулинарных и архитектурных заимствований, на примере которых мы и хотели бы рассмотреть пограничную особенность этой местности и ее восприятие горожанами.

Этническую специфику Печор (общей численностью населения менее 10 000 человек) определяет наличие сразу трех основных этнических групп на относительно небольшом пространстве города и окрестностей — русские (псковичи), эстонцы и малая народность сету (другой вариант наименования — сето). По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, на территории Псковской области проживают 648 тыс. человек, из них русских 616 тыс. человек. Также есть данные по сету: из 214 сету, проживающих на территории Российской Федерации, 123 живут в Псковской области. Рискнем предположить, что большая часть из них живет на территории Печор и их окрестностей — в регионе традиционного расселения этой группы. Отметим два важных для нас исследования, посвященных специфике этнической ситуации псковских Печор, одно начала XX века, другое начала XXI века. Первое основывалось на материалах экспедиций писателя Леонида Зурова, проходивших в 1920–1940 годы, и описано в соответствующей статье Ирины Белобровцевой [Belobrovtsseva 2020]. Второе исследование недавнего времени [Новожилов 2009], как и работа Зурова, сконцентрировано прежде всего на народности сету, их корнях и современном состоянии их культуры. Сету же оказались в центре и социально-демографических исследований псковских регионоведов конца 1990–2000-х годов [Манаков, Потапова 2013].

¹ ВГВ, м., 1959 г. р.

Соседство в городе разных этноконфессиональных групп прямо отражается на его религиозной специфике: помимо православия здесь присутствует сетуское православие с уклоном в нью-эйдж практики, также в городе есть лютеране. Это определяет религиозные локусы городского пространства. В городе расположен Псково-Печорский Свято-Успенский монастырь и несколько православных храмов, один из которых (Храм великомученицы Варвары) является сетуским, а также лютеранская кирха Св. Петра и церковь евангельских христиан-баптистов.

Пограничная специфика города проявляется, таким образом, в разных аспектах: территориальном, этническом, конфессиональном, т. е. город одновременно занимает приграничное положение и сам по себе является точкой пересечения разных групп и культурных пластов.

Изучению подобных локусов и фиксации рассказов о них местных жителей был посвящен проект «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», в ходе которого исследователи стремились понять, «как люди разговаривают о территориях, которые никогда не принадлежали только одному государству, о местах пограничных и трансграничных» [Петров, Павлиди 2021: 195]. В теоретическом смысле проект с такой проблематикой сам по себе оказывается пограничным, находясь на стыке между *memory* и *border studies*. Для концептуализации нашего полевого опыта в равной степени важны понятия коллективной (культурной и коммуникативной) памяти [Ассман 2004] и промежуточной идентичности пограничья — смутного и неопределенного места, своеобразной третьей страны, образованной слиянием жизненных сил двух миров [Anzaldúa 1999: 3].

Особенности экспедиции

Время проведения экспедиции (ноябрь 2020 года) совпало с периодом пандемийных ограничений в Псковской области (запреты на проведение сколько-нибудь массовых мероприятий, рекомендации по самоизоляции и ограничению контактов населения и пр.), что затруднило поиск собеседников для интервью: невозможно было провести ознакомительную встречу с жителями города, где мы обычно рассказываем о проекте и приглашаем желающих стать нашими респондентами; спонтанные уличные интервью в этой ситуации также было бы непросто организовать. В связи с этим мы обратились за содействием к сотрудникам Печорской районной библиотеки. Они рекомендовали нам познакомиться с сообществом местных краеведов-любителей. С ними и была записана значительная часть интервью, что во многом определило специфику экспедиции (краеведчески фреймировав ее), хотя мы осознали это далеко не сразу.

Всего за неделю работы в городе участниками экспедиции (В. А. Воробьев, А. Б. Мороз, Н. В. Петров, Н. С. Петрова) было собрано

23 интервью, возраст собеседников от 19 до 105 лет (из них 16 человек старше 63 лет). Большинство респондентов временно или постоянно проживает в Печорах, небольшая часть в окрестных деревнях (Молочково, Козье Загорье и др.), одна из собеседниц переехала в Москву, и интервью с ней было записано уже там. В числе прочих проводились семейные интервью (семьи ВГВ и ВАГ — отец и дочь, ВГН и ВЕЮ — мать и дочь, КВИ и КАА — муж и жена, РРН и ЕХЕ — бабушка и внучка), в которых собеседники не только отвечали на вопросы интервьюеров, но и рассказывали друг о друге (если беседы с ними велись отдельно) или поднимали ранее обсуждавшиеся в семейном кругу городские темы.

Незапланированный краеведческий уклон, заданный нашими библиотечными рекомендателями, сказался и на составе собеседников (преобладают пенсионеры-старожилы города), и на содержании интервью. Заметна установка рассказчиков на «историчность» повествования, т. к. многие из них либо сами проводили архивные изыскания, либо читали краеведческие работы, либо общались с пожилыми горожанами в своих любительских исследованиях локальной истории. Они стремились поделиться с нами в первую очередь именно этими фактическими знаниями, а не собственными эмоциональными переживаниями городского пространства. Что касается биографических нарративов, то наш интерес к «старине» (годам детства и юности респондентов) был им понятен, привычен и побуждал их воспроизводить устоявшиеся, «отшлифованные» нарративы, прошедшие проверку и в дискуссиях краеведческого общества, и в публикациях краеведческих сборников (см., например, [Шувалова 2004–2020]), и в интервью журналистам, тогда как вопросы о каких-то современных реалиях или о неканоничных темах прошлого (детские игры, повседневный быт вместо событийного ряда «большой истории») часто вызывали удивление и воспринимались как отхождение от магистральной линии беседы. Некоторые приходили на интервью с подготовленными (по крайней мере, продуманными) заранее рассказами: «И вот поскольку я в Печорах уже столько лет прожила, вы знаете, я хочу нашу беседу назвать “Умиравший город”. Или даже “Исчезающий город”. Вот как вам ближе покажется. [Ой, очень грустно.] Сейчас объясню почему, вам из моего рассказа станет все очень понятно»².

Такое краеведческое фреймирование экспедиции задавало общий тон сборнику избранных текстов, опубликованному по результатам экспедиции [Петрова, Воробьев, Петров 2021]: основная часть материалов оказалась в разделе «Исторические события в устной памяти горожан»: полулегендарная древнейшая история города, эстонский период, Великая Отечественная война, коллективизация, позднесоветский период и распад СССР.

² БНН, ж., 1954 г. р.

Тем не менее, крайне развитое историческое воображение наших собеседников не помешало проявлению в их рассказах о городе воображения географического — осознания роли в их биографиях пограничного пространства, его влияния на взаимодействия между индивидами, группами, организациями. В этой статье мы бы хотели представить город Печоры как особое, приграничное и пограничное место, — переплетенные сети разных субъектов и объектов: людей, групп, организаций, городских локусов, элементов ландшафта.

ТОПОНИМИЯ И МИКРОТОПОНИМИЯ ГОРОДА

Взаимодействие трех этнических идентичностей в одном городе имеет самые разные выражения: от напластования проявлений культуры разных этносов в одной семье (некоторые русские знают и поют эстонские песни, любой желающий может принимать участие в праздниках сету, сету посещают службы в православной церкви и т. д.) до коллективных драк между двумя этническими группами, живущими в соседних деревнях. Вместе с тем при столкновении с инорегиональными чужаками локальная печорская идентичность покрывает внутренние этнические разграничения — например, печорские русские и эстонцы вместе выступали против приезжих эстонцев в подростковых конфликтах:

Знаете, на нашей... на моей родной Советской улице... [вспоминает] сейчас точно не скажу — семей пять-семь эстонцев жило. Естественно, в каждой семье были ребятишки — мальчишки и девчонки. Играли вместе, дрались, как и все, вместе. Ну как — попинаешься, всё, и опять играем. Вот. Но чуть постарше когда стали — там лет 14–15, значит — и приезжали, значит, эстонцы (ну, будем говорить так, в общем-то, все-таки какое-то было территориальное деление союзных республик), значит, вот именно из деревень, там вот Выморска [Võmmorski] близлежащая деревня, тут буквально, там... ну, не знаю — два километра, три до нее... вот, оттуда, значит, приезжали в Печоры и ехали по нашей улице, значит. Ну, естественно, мы задирались, они отвечали. Это вот наши эстонцы — они были за нас, они с нами. [Смеется.] Мы гоняли тех, приезжих эстонцев³.

Постоянная смена гражданства Печор выявляет двойственность города, выражающуюся в сосуществовании его русского и эстонского названий: Печоры (Печёры, Пещеры) и Петсери. Особенно ярко соседство проявилось в атрибутике ко Дню русской песни в Печорах в 1939 году (т. е. в эстонский период города), оба названия соседствовали на этих сувенирах (см. *Илл. 1*).

³ РНБ, м., 1947 г. р.

Илл. 1. Деревянные ложка и стакан, изготовленные ко Дню русской песни в Печёрах (Петсери) (1939). Фото А. Б. Мороза

Илл. 1. Wooden spoon and glass, made for Russian Culture Day in Pechory (Petseri) (1939). Photo by A. B. Moroz

Актуальное название города — Печоры, оно используется в локальном узусе, но крайне редко в интервью со старшими собеседниками обходилось без упоминания альтернативного топонима, связанного с эстонским периодом истории псковских Печор. При этом ойконим «Петсери» все-таки начинает покидать узус, это подтверждается практически полным отсутствием катойконима «петсерский»: всегда употребляется «печорский», что относится как к жителям, так и к предметам. Другие катойконимы, связанные с местными этническими группами — «эстонский» и «сетуский», не привязываются непосредственно к городу. Ойконим «Петсери» и его дериваты постепенно выходят из употребления и в разговоре с самым молодым собеседником вовсе не встречались.

О возможном возвращении ойконима «Петсери» говорить не приходится, поскольку исторически прозрачный ойконим восходит к Пещерам и тяготеет к Печорам, а Петсери является топонимом временным, относящимся к эстонскому периоду истории (1920–1930-е годы),

и потому подверженным забвению, а не активно существующим в памяти горожан. Эту ситуацию можно описать как «конфликт разных уровней коллективной памяти» — мифической предыстории, формализованной культурной памятью, с одной стороны, и памятью коммуникативной, живущей в устных рассказах о непосредственном опыте трех-четырех поколений [Ахметова 2021: 64; Ахметова 2020]. В случае Печор с культурной памятью связан топоним Печоры (Пещеры), а с памятью коммуникативной — Петсери.

Самый «ходовой» катойконим после слова «печорский» в собранных интервью — это «советский». Употребление этого катойконима в Печорах имеет довольно специфическую семантику, не столько историческую, сколько идентифицирующую: «советский» здесь был «чужим» человеком, который приехал из других стран или городов Советского Союза. Печоры в этом смысле были обособлены как с эстонской стороны, так и со стороны советской России.

А мама моя из советских. <...> В Печорах не любили советских. Имя у них было только одно — «она». Вот там вот: «Ну, ее и спроси». Имя нет, Валя там или Катя. «Она, ее и спроси». Это... и без имени. Советская и всё. Ну, зла не делали, ничего⁴.

Не меньшую двойственность, также под знаком забвения по прагматическим причинам, имеет микротопонимия. Это прежде всего проявляется через годонимы (названия улиц):

Вот эта улица сейчас называется Международная, и в мое детство называлась Международная. Ну, исторически улица у монастыря называлась Монастырская — да, это естественно. Да, Рабочая. Вот она была Смоленская. После, когда пришла Эстония в [19]20-м, она стала называться Кюля, Свечная. Потом городское управление переименовывает ее в улицу Поская. Ну, и после войны... а Поская — это как Псковская, вот. А нет. Ну, она отсюда, да, она раньше шла⁵.

Годонимы часто встречаются в разговорах с собеседниками, но их упоминания носят довольно специфический характер. Некоторые улицы Печор исторически имеют более двух названий и предполагают перевод годонимов эстонского периода на русский язык. Например, нынешняя Рабочая улица до 1920-х годов была Смоленской улицей, в эстонское время она называлась Кюнла⁶, что переводили как Свечная улица. В одном из разговоров между собеседниками из одной семьи (отцом и дочерью ВГВ и ВАГ) разгорелся спор о правильном переводе названия улицы эстонского времени, что особенно интересно — разговор проходил на той самой улице, о которой говорили. Сейчас это улица Проценко, в эстонское время называлась Киви, и собеседники спорили о переводе: Каменная или Кирпичная⁷.

⁴ РРН, ж., 1950 г. р.

⁵ КАН, ж., 1958 г. р.

⁶ От эст. küünla — «свеча».

⁷ От эст. kivi — «камень, каменный».

Три годонима, явно появившиеся во времена СССР, сохранились до нашего времени, но были другими, видимо, еще до революции, и сохранились в активной памяти некоторых горожан — это нынешние улицы Гагарина, Международная и Ленина. До этого они носили иные названия и были привязаны к основным объектам города: улица Кирочная, на которой стоит печорская кирха; улица Монастырская, связанная с ключевым городским объектом — Псково-Печорским монастырем; улица Вокзальная, которая просто переместилась и теперь ведет к станции Печоры-Псковские.

Изменчивость одного годонима ступенчато вариативна и зависит от одного топонима. Сейчас — это улица Мира, которая ведет к эстонскому городу Выру, но когда-то улица называлась Верроской, поскольку в советское время сам город назывался Верро.

Интересен также один гидроним (название водного объекта) Печор, но в то же время и Эстонии. «Печоры стоят на Пачковке, великая печорская река»⁸. Но Пачковка впадает в речку, непосредственно находящуюся на русско-эстонской границе, и поэтому имеющую два названия одновременно: по-эстонски — Пиуза, а по-русски — Пимжа.

Топонимия Печор имеет, таким образом, три исторических пласта: дореволюционные топонимы, топонимы периода эстонских Печор (Петсери), топонимы советского времени и современности, которые перемежаются между собой в памяти наших собеседников.

С топонимикой связывается также «песня о Печорах», которую передала одна из наших собеседниц, сопроводив следующей историей: «Вот я взяла... не знаю, то ли, но давно-давно мне таможник... Ну, знакомый мой, принес вот такое стихотворение о Печорах. Это как бы народное. У меня сейчас... наши даже не знают, спрашивают: “А кто написал?”. Я говорю: “Ну, мне дал Семенов”»⁹. Все это обсуждалось в контексте песенного творчества о Печорах, и сам текст в большей степени походит на песенный, хотя и характеризуется как стихотворение.

Берлин, Нью-Йорк, или Париж,
Москву, Пекин или Канберру
С моим, конечно, не сравнишь,
Да это ни к чему наверно.

И всё же, всех других милей
Мой небольшой районный город.
Среди пригорков и полей
Любимые мои Печоры.

Здесь все мне верные друзья.
Здесь все знакомые, родные.
Печоры — родина моя,
Священный уголок России.

⁸ ВГВ, м., 1959 г. р.

⁹ ЯВС, ж., 1932 г. р.

Содержательно текст является смесью разных форм городской (и не только) песенной традиции. Значительно сходство с популярными советскими песнями о городах (ср., например, популярнейшую песню о Москве «Лучший город Земли» на стихи поэта Леонида Дербенева). Множественные упоминания экзотических топонимов связывают текст с филоэзотическим слоем городских песен [Неклюдов 2008]. В целом содержание стихотворения сводится к воспеванию Печор, что сближает ее с возвеличивающими малую родину «песнями о деревне», выделяющими свой локус среди других населенных пунктов¹⁰. Дополнительно это подчеркивается топонимическим сравнением в самом начале текста и во многом связывает «песню про Печоры» с «песнями о Родине», которые были сверхпопулярны в советское время, но в локальном тексте не потеряли своей актуальности вплоть до недавнего времени.

СМЫСЛОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Притом что основным фреймом в сознании говоривших с нами жителей является русская («своя») культура (отметим, что в наших материалах всего два интервью с сету и вовсе не представлены печорские эстонцы), эстонская культура постоянно дает о себе знать, хотя и является для большинства чем-то «чужим». Поддерживается это, видимо, нынешней государственной границей, хотя она редко является непреодолимым препятствием для жителей, поскольку многие из них имеют гражданство Евросоюза и легко ее пересекают¹¹. Кроме того, пограничный пункт для старожилов выступает чужеродным новшеством, ведь они застали времена, когда граница была не государственной, а административной — между советскими республиками: «А раньше-то там таможи не было, это построено в [19]90-е годы, таможня-то. Строили тоже... иностранцы строили нам. А так ходили просто через речку, и всё. Мы в той речке купались, где вот сейчас проходит граница»¹².

Граница в рассказах горожан может выступать как в качестве «друга», так и в качестве «врага». С одной стороны, на границе находится печорский duty free, который часто посещали печеряне, как в частном порядке (для себя), так и для перепродажи купленных товаров (прежде всего алкоголя). Пересечение российско-эстонской границы открывает путь не только в Эстонию, но и в другие европейские страны:

[А часто ездили в Эстонию?] Раньше — да. За вещами, за едой. Вот особенно за едой: за сыром, за хлебом, за колбасой, там она вкусная у них. [Про-

¹⁰ Подробнее о коммеморации и ностальгии в песнях о деревне см. статью [Лурье 2020].

¹¹ Ситуация, характерная для времени проведения исследования. - прим. ред.

¹² ЯВС, ж., 1932 г. р.

сто семьей собирались и ехали в Эстонию, чтобы что-то купить?] Да, да. Погулять там по старому городу. Как-то через Эстонию ездили в Швецию, тоже там недалеко¹³.

С другой стороны, граница — это опасная территория: на границе есть пограничники, потенциально враждебные (ими даже пугают детей). Опросы жителей Печорского района, проводившиеся псковскими регионоведами, показывают, что рост настороженности к ближней загранице временно поднимался в 2003–2006 годы в связи с вхождением Эстонии в Евросоюз и Шенгенскую зону, вызвавшим ужесточение визового режима для россиян [Манаков 2016].

Государственная граница в осмыслении печерян — это система, состоящая из множества элементов. Организационно она представлена русским и эстонским пограничными пунктами, а также печорским *duty free*, которые встроены в различные вышеописанные социальные взаимодействия.

Отдельные люди также по-особому взаимодействуют с границей. Такие контакты описаны как в рассказах наших собеседников, так и в мемуарной литературе. Часто взаимодействие носит негативный характер, вот два подобных примера.

И какая-то часть молодежи [жившей в эстонском Петсери], которые смотрели на... на русскую землю, на Псков, на Троицкий собор в бинокль (через Псковское озеро можно было в ясную погоду различать русскую землю), вот. Которые тосковали, мечтали вернуться в Россию, в какой-то момент, значит, эта молодежь, втайне сговорившись, не сообщая об этом ни родителям, ни друзьям, только, так сказать, эта компания знала, отправились, значит... отправились ночью к советской границе. Подлезли под колючую проволоку. Какое-то время, так сказать, еще тихо прошли. А потом, поняв, что они на вот свободной советской земле, они выпрямились. Распрямили грудь и запели «Широка страна моя родная». <...> И тут появились пограничники¹⁴.

Такова история первой половины XX века, которая произошла на государственной границе. В качестве комплекса здесь выступают и сама граница, и пограничные войска, и люди, переходящие границу без санкции. Наш собеседник намекает на то, что всех ребят, которые решили перейти границу, скрутили пограничники — это один из примеров негативного социального взаимодействия на границе.

Второй сходный случай описан в мемуарном наброске, посвященном смерти профессора Тартуского университета, Юрия Михайловича Лотмана.

Город Тарту, некогда Дерпт, когда-то Юрьев, уже не первый год был за границей. <...> В шесть утра поезд остановился, резко и прочно, как останавливаются на государственном рубеже. Печоры Псковские. <...> Почему нам суждено было проститься именно здесь, в пограничных Печорах. <...> Оказалось, они возводят российско-эстонскую границу. <...> Пора было

¹³ ЕХЕ, ж., 2002 г. р.

¹⁴ ВГВ, м., 1959 г. р.

возвращаться в Печоры Псковские, родные пограничные Печоры. И хотя я еще долго потом вздрагивала при самом беглом и фигуративном употреблении слова «граница» [Седакова 2005: 79, 95, 110].

Национализм на этом пространстве, которое постоянно изменяло собственные границы, принимая во внимание тот факт, что многие жители Печор имеют двойное гражданство, мы можем назвать «воображаемым»: «Воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [Андерсон 2016: 47]. Такова и «возведенная» суверенность Печор и их границы, зависящая от многих факторов и способная как создавать, так и рушить различные социальные сущности. При любых действиях, связанных с государственной границей — постоянное перемещение границы (например, присоединение Печор то к России, то к Эстонии), запреты на пересечение границы, закрытие границ на время пандемии — каждый раз возникают новые практики социального взаимодействия, продиктованные особым отношением сторон к этому пространству. Часто они негативны не только из-за противоправных действий (см. примеры выше), но и из-за «возведенной» суверенности каждой из сторон, которая предполагает изначально отрицательное отношение к мыслимому противнику по ту сторону границы.

БРЕНДИНГ ГОРОДА ПЕЧОРЫ: ЕДА И АРХИТЕКТУРА

Два взаимосвязанных процесса конца 1990-х — начала 2000-х годов: изменение схемы финансирования регионов и мода на брендирование территорий — привели к тому, что «в России начинается воспроизводство новых смыслов, текстов и практик, связывающих местность с определенными символами, товарами и услугами» [Петров 2018: 4]. Мода на брендинг не обошла стороной и Печоры, причем именно в процессе формирования локальных символов «на сбыт» стираются все социальные и этнические границы, создаются компиляции. Брендинг реализуется через два основных комплекса — пищевой и архитектурный.

В создании пищевого комплекса печорских брендов задействованы механизмы памяти: в нем переплетаются прошлое и настоящее. Прошлое — это воспоминания о том, что было, например, в формате сетований по разрушенному производству, которые, вслед за Нэнси Рис, можно оценивать как существенный элемент проживаемой горожанами новейшей истории Печор: «Сетования, которые можно было слышать в Москве в годы перестройки, являлись не только и не просто реакцией на текущие события; они были — и я надеюсь это показать — “типичны” и потому составляли существенный элемент самих событий» [Рис 2005]. В случае Печор «сетования» обращены на прошлое в связи с настоящим (и тем самым соотносимы с фольк-

лорным мотивом утраченного «золотого века») и сближаются с еще одним жанром, выделенным Нэнси Рис в повседневном дискурсе — «разговорами о полной разрухе». Сетования по утраченному производству — это нарратив практически всех собеседников из Печор, который посвящен «умирающей» промышленности и тому, что раньше производство работало хорошо, а теперь все умирает и закрывается. Одним из таких объектов стал печорский хлебокомбинат, а также его кондитерский цех. Рассказы о том, что раньше там изготавливались такие продукты питания, которых теперь уже нет, но это было самое вкусное из того, что собеседники когда-либо пробовали и что являлось печорским сувениром («эстонцы приезжали», «Мы даже привозили в Москву из Печор»), были важной частью многих интервью:

А хлеб... наш хлебокомбинат — это хлеб, это равного этому нет. И эстонцы приезжали, тут же кондитерская... Вот хлебозавод — там кондитерский цех был. Там лимонад делали «Буратино». Тоже такого нет. Вот такие конфеты. Типа чупа-чупса, только вот такие вот они длинные, «Карандаши» называли¹⁵.

А еще хлебокомбинат делал конфеты «Карандаши». Вот это легендарные были конфеты печорские. Их мы даже привозили в Москву из Печор, потому что это доставляло удовольствие. Такие длинные в виде карандаша. Прослойка карамельная была винтом закручена, и в фантике. В Печорах делались такие, на нашем хлебозаводе¹⁶.

Помимо вышеупомянутых, среди уникальных местных пищевых товаров рассказчики называли укропное масло и зеленый сыр, а также печорские помидоры, которые «больше нигде нельзя купить». Все эти продукты относятся собеседниками к прошлому и вспоминаются как исключительно печорский товар, ныне утраченный.

Настоящее в пищевом комплексе представлено ресторанами и рынком, здесь при брендинге прежде всего стираются этнические границы, поскольку надо любыми доступными способами привлечь внимание покупателей к организации. Так, на сайте ресторана «Черная кошка», популярного у туристов места, расположенного в центре города, в двухстах метрах от главной достопримечательности — Псково-Печорского монастыря на заглавной странице написано: «Попробуйте традиционный *сетуский пирог* (здесь и далее выделение наше — В. В., П. Н.) или закажите *судака печорского улова*»¹⁷. «Судак печорского улова» свободно соседствует в социальном пространстве ресторана с сету пирогом и сету виски. А рынок (в большей степени ориентированный на горожан, нежели на туристов) предлагает, с одной стороны, блюдо сету — *mulgikapsad* (мульгикапсад, «блюдо богатых»: смесь капусты, перловки и свинины) или *setu sõir* (сетуский сыр с пажитником и тмином), а с другой стороны, «те самые печорские помидоры», о

¹⁵ РРН, ж., 1950 г. р.

¹⁶ ВГВ, м., 1959 г. р.

¹⁷ <https://visitpechory.ru/restaurant.html>

которых писали выше, во всех возможных вариациях. Так «сетуский» и «печорский» становятся контекстуальными синонимами в значении «местный» и этническая специфика нивелируется локальной принадлежностью.

Создание комплекса пищевых брендов происходит за счет насаждения социальных сущностей «особых» продуктов питания в разные среды, но с единой интенцией — привлечение как «своих», так и «чужих» к формированию и последующей поддержке локальной идентичности. А поскольку брендинг это одновременно и поиск локальной идентичности, то печорский случай собирает несколько локальных идентичностей в одну для лучшего продвижения символов-брендов в городской среде.

Похожим образом строится архитектурный брендинг города. Архитектурный ансамбль Печор создает сеть из городских объектов, некоторые из них выступают как городские бренды. Есть две группы архитектурных элементов, благодаря своей отнесенности к эстонскому периоду в истории места ставших своего рода символами города — это водостоки в стиле модерн (четыре водостока на весь город) и балконы в виде башенок (около десяти домов с балконами). Многие архитектурные бренды являются эстонскими — это здания из эстонского кирпича, а также здания эстонского времени (например, больница, дворец культуры, здание суда, кирха и лингвистическая гимназия, в которой в настоящее время преподают эстонский язык):

А на облик... Вот после... Ну, на архитектурный, когда эстонцы сюда пришли, они, конечно, много построили здесь сразу. Знаете, город-то был такой, знаете, заштатный. Типа такого... те были, такой дом... Вот рядом, если пойдете, где **Домик стрельца**, да, а рядом **Домик мещанина**. Так вот, типа таких домов были все. А тут уже стали и каменные появляться. И построили вот **кирху**, построили **гимназию**, где сейчас **детский дом**-то семейный. Построили **Дом культуры** же. **Здание** суда было, банка, где сейчас администрация находится¹⁸.

Эстонский период в истории города в целом описывается в ностальгических тонах даже теми, кто лично его не застал: «эстонский порядок», «расцвет культуры» и прочие позитивные характеристики преобладают в рассказах об этом времени.

Три архитектурных объекта можно особо выделить: они являются символами города сами по себе, независимо от их этнической или культурной приуроченности. Во-первых, дом купца Русакова, выделяющийся тем, что построен из дерева, поскольку Русаков был лесопромышленником, по словам одного из собеседников — «дом с деревянной историей»¹⁹. Во-вторых, Лютеранская кирха, которая имеет особый статус еще и потому, что в ней расположен старинный орган, на котором приезжают играть музыканты из разных мест, и город собирается на концерт. В-третьих, важным, но чуть менее значимым для

¹⁸ ЯВС, ж., 1932 г. р.

¹⁹ ВЕЮ, ж., 1993 г. р.

наших собеседников местом является Водонапорная башня в самом центре города. Сейчас к ней пристроена пельменная, и некоторые собеседники сокрушались тому факту, что сама башня никак не используется. При этом башня значима в городском пространстве (в том числе как ориентир) и многие горожане рассказывают туристам про этот объект.

Описанная выше городская архитектура представляет собой «эстонский бренд» в пограничном городе. Это жители приняли: часто в наших беседах можно услышать высказывания о том, что эстонская архитектура исчезает, хотя она очень важна для города и формирует его целостный облик. Так создается «эстонская идентичность» архитектурного облика города, который собирается из самих объектов и рассказов горожан и дополнительно подкрепляется тем, что об этом говорят экскурсоводы и пишут книги краеведы.

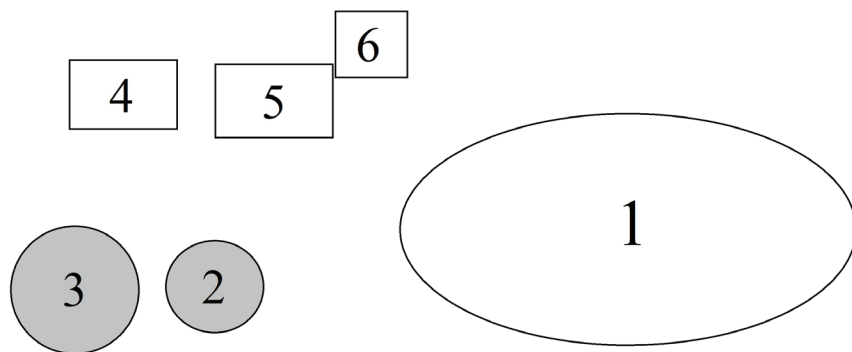
Основной и потайной городские комплексы

По всей видимости, в городе действительно существуют два основных смысловых комплекса с разделением на «в основном, для своих» и «для своих и для чужих». Первый комплекс — это Печорская районная библиотека, а второй — Псково-Печорский монастырь. Разведение этих комплексов объясняется их взаимодействием с другими социальными субъектами и объектами.

Комплекс библиотеки направлен практически исключительно на читателей, горожан. Она имеет статус скорее культурного центра, чем просто библиотеки, и занимается проведением различных мероприятий с социальным взаимодействием: издание краеведческих книг ([Шувалова 2004–2020] и др.), собирание собственного архива по истории Печор, проведение детских мероприятий, встреч с известными горожанами, выставок и многого другого. Библиотека тяготеет именно к «своим», поскольку такова изначальная интенция организации. Она имеет свой набор социальных контактов, который не будет распространяться на «чужих», хотя и может расширить поле. Библиотека притягивает и другие внутригородские сообщества, которые организуют там свои мероприятия. Например, общество краеведов, которое проводит довольно частые заседания, состоит из профессиональных экскурсоводов и краеведов, полупрофессиональных краеведов — хранителей локальной памяти (прежде всего, библиотекарей), а также из «простых» горожан, приглашаемых на заседания, поскольку они обладают собственной памятью о городе. Заседания общества краеведов «собирают память», (ре)конструируют ее, эксплицируя коллективный «городской текст», направленный прежде всего внутрь городского сообщества, но иногда выходящий и за его пределы (в том числе обществом издаются книги, прежде всего «для своих», но если появится возможность, их можно предъ-

явить и «чужим»²⁰). Именно поэтому библиотека — это потайной комплекс для «своих».

Комплекс монастыря — дело совсем другое. Если изобразить монастырь схематически (см. Илл. 2), то он подразделяется на пространства «скорее для своих» и «скорее для чужих», в нашей схеме первые помечены серым, остальное — белым цветом.

Илл. 2. Схематическое изображение Псково-Печорского монастыря (1) и других зданий монастырского комплекса: 2 — Храм великомученицы Варвары; 3 — Храм Сорока мучеников Севастийских; 4 — Церковная лавка; 5 — Музей монастыря; 6 — Монастырский буфет

Илл. 2. Schematic representation of the Pskovo-Pechersky Monastery (1) and other buildings of the monastery complex: 2 — Church of the Great Martyr Barbara; 3 — Church of the Forty Martyrs of Sebaste; 4 — Church shop; 5 — Monastery museum; 6 — Monastery canteen

Пункты 2 и 3 относятся к «своим» пространствам, поскольку это небольшие храмы, каждый из которых имеет своих прихожан, все они друг друга знают и хорошо знакомы священнику. Храмовая и библиотечная среды в полной мере соответствуют мысли Георга Зиммеля о том, что «...жизненная сфера малого города по преимуществу ограничена им самим» [Зиммель 2018: 100]. Два важных городских объекта (примонастырские храмы и библиотека) — места притяжения жителей Печор. Они ограничены собой, их взаимодействие с людьми (не горожанами) и их социальное пространство сужено.

Даже территория вокруг монастыря является «особым» местом для своих, имеющим нетипичную функциональность. Помимо городских чудачков, как раз характерных для монастыря и его окрестностей, территория, прилегающая к монастырю (например, овраг за монастырем) является важным местом для влюбленных (парочек), а также на подходах к монастырю часто располагаются распивающие алкоголь, которые сродни городским чудачкам, но все-таки имеют иной статус и предусматривают иные функции для территории вокруг монастыря:

²⁰ С демонстрацией «чужим» мы столкнулись впоследствии, когда вернулись в Печоры и привезли в библиотеку изданную книгу [Петрова, Воробьев, Петров 2021]. Ответным жестом одна из наших собеседниц подарила сборники трудов печорских краеведов. Книги на сбой в данном случае реализуются по модели сбалансированной реципрокности, т. е. книга за книгу.

[А есть какие-то в городе места, районы со своей какой-то вот репутацией. Плохой или хорошей. Какие-нибудь места для влюбленных?] Ну, вот влюбленные мы, молодежь, ходили все время за монастырь. Там вот овраг. Слушать трели соловья. [Смеется]. [Интересно.] Вот туда ходили, вот это всегда. Школьники после окончания, значит, вот когда школы, то же самое. После вечера, когда уже всё, прошли торжества, все они тоже всегда ходили туда. [В овраг?] Да, вот именно за монастырь, туда тоже ходили все вот в овраг. Там трели соловья. Потому что это весна, соловьи поют [смеется]. <...> [Ну, а еще какие-нибудь места? Например, алкоголиков?] [Смеется]. [Есть у них места свои в городе?] Они часто очень около этой, Тайловской башни собирались там, и там же оставались спать. Около **монастыря**. Там, знаете, за бастионом не видно, от дороги подальше к оврагу, вот²¹.

Дислокация «маргинального» элемента показывает, как важен монастырь, и особенно важен для «своих», которые тянутся к монастырю, предусматривая и создавая вокруг этого значимого объекта новые функциональные возможности.

Другой пример «присвоения» монастыря через изменение его функционала мы встречаем в детских практиках, где монастырская территория выступает в качестве игровой площадки:

Вот все наши игры — у монастыря, за монастырем. Если мы играли в казаки-разбойники, то, конечно, в монастырских стенах — делали стрелки, рисовали мелом. <...> Вообще справа от монастыря, где монастырские стены заканчиваются — там овраг и склон, мы в основном там катались на санках. Но там были вот такие бутры. А фишкой было — скатиться с этой «кровавой горки» зимой²².

Здесь мы видим, что пространство монастыря осваивается местными детьми как обыденное, а не религиозное (хотя и в описываемый в цитате советский период он не переставал быть действующим) или историческое, буквально обыгрывается в игровых практиках (ср. аналогичные примеры применительно к московскому Зарядью [Куприянов, Садовникова 2009: 384]).

Остальные пункты (1, 4, 5, 6) в комплексе монастыря гораздо больше тяготеют к «чужим», поскольку их капитал социального взаимодействия в большей степени направлен на паломников или туристов²³ — это основной архитектурный ансамбль Псково-Печорского монастыря, торговые и выставочные объекты. Именно эти объекты имеют больший потенциал к социальному взаимодействию, поскольку здесь круг этих взаимодействий довольно широк. Тут и торговые отношения с паломниками и туристами, и выставочное пространство, с которым могут взаимодействовать как приезжающие, так и горожане, так же, как и с самим монастырем.

²¹ ЯВС, ж., 1932 г. р.

²² КАН, ж., 1958 г. р.

²³ Местные жители разделяют эти две категории чужаков и разводят их по времени появления: «Сюда все приезжают, туристы очень много. Но знаете, вот первоначально, когда первоначально приезжали, может быть, паломники настоящие, верующие, они оставались здесь на несколько дней, что-то помогали. А сейчас чисто вот только чтоб посмотреть. Сейчас уже нет такого рвения» (ЯВС, ж., 1932 г. р.).

Туристы и местные жители могут по-разному воспринимать городские объекты, это хорошо иллюстрирует печорский Титов камень, который имеет несколько основных планов восприятия у местных жителей и у туристов. Для местных жителей камень имеет два названия: Титов камень для взрослых, Китов камень для детей: «На самом деле он был в честь Тита какого-то. А дети называли Китов, потому что он большой был и похож на кита»²⁴. Здесь мы видим пример наивной этимологизации, замены неясного названия по созвучию визуально объяснимым. Для горожан камень прежде всего связан с именем праведника Тита, который лечил людей, и лечебные свойства камня известны как местным жителям, так и туристам. Для местных это привязано к дате — 1 апреля, когда камень будто бы нагревается и приобретает целительные свойства. Но у горожан камень погружен в дополнительные исторические контексты: вокруг камня жители праздновали Радуницу, устраивали гуляния; это был межевой камень (для раздела земель); также есть сюжетный эсхатологический контекст, согласно которому Тит просил беречь камень: «А хотя есть такая версия: Тит говорил, что, ну, “берегите камень, что не будет... уйдет камень — типа закончится жизнь”. Это вот из легенд уже»²⁵.

Для туристов существует два основных плана восприятия камня: во-первых, это уже указанный лечебный, заимствованный от местных жителей, прежде всего — экскурсоводов, транслирующих эту функциональную возможность объекта в своих нарративах; а второй связан скорее с локальным брендингом и, вероятно, также продвигается экскурсоводами: камень исполняет разнообразные желания. Такова социальная сущность и набор контекстов взаимодействия для одного из важнейших околмонастырских объектов.

Комплекс монастыря имеет самое высокое число социальных взаимодействий по сравнению с другими объектами городского пространства, поскольку его первым посещает любой турист, а горожане бывают там с разной степенью регулярности. Здесь же, в окрестностях монастыря, велико число горожан из разных слоев населения (просителей милостыни, торговцев, других горожан), ведь монастырь является местом социального притяжения, в том числе — организацией, которая может обеспечивать многих горожан рабочими местами. Вторая часть монастыря во многом предназначена для «чужих» (символ-бренд), но важна и для «своих» и является наиболее выраженным центром социальных взаимодействий города Печоры.

²⁴ ВГВ, м., 1959 г. р.

²⁵ КАН, ж., 1958 г. р.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для местных жителей Печоры являются местом пересечения разных региональных (печеряне и «советские», местные и туристы) и этнических (русские, эстонцы, сету) групп, прошлого и настоящего временных пластов. При этом границы внутренних групп легко преодолеваются при их противопоставлении группам внешним: деление на горожан и жителей окрестных деревень или русских, сету, эстонцев отходит на второй план при столкновении с «чужаками». «Свои», печорские — это и горожане, и жители Молочково или Козьего Загорья, противопоставляемые приехавшим из других областей страны «советским». Жители города вне зависимости от их этнического самоопределения являются «своими» в противовес «чужим» туристам. При привлечении внимания последних через создание городских — печорских — брендов в ход идут и эстонские, и сетуские достопримечательности (архитектурные, пищевые).

Границы хорошего и плохого времен в рассказах горожан также подвижны: при общем ностальгическом настрое и многообразных вариациях мотива утраченного «золотого века» прошлое величие vs нынешний упадок — это и эстонский период vs советский, и советский vs постсоветский. В какой-то мере популярные у наших собеседников краеведческие изыскания можно назвать попытками преодолеть временные границы, сохранив память о прошлом в настоящем.

Историчность (как вписанность в «большую историю») и пограничное положение (как главный повод такой вписанности) подчеркиваются в качестве ключевых особенностей города в его официальных презентациях. Так, официальный сайт Печорского района сообщает, что «Печоры — старинный русский город-крепость Псковской земли, служивший надежной защитой северо-западных рубежей Русского государства»²⁶. В этом тезисе рубеж-граница выступает в своем барьерном, отделительном значении, тогда как в рассказах жителей о своих Печорах город представлен как зона трансграничных взаимодействий и перемещений. Для печерян граница — и очевидная государственная, и воображаемая межгрупповая — это прежде всего контактность и преодоление барьеров.

Литература

- Андерсон, Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. [Пер с. Anderson, B. (1983). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso]. М.: Кучково поле.
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. [Пер. с нем. М. М. Сокольской]. М.: Языки славянской культуры.
- Ахметова, М. В. (2020). Исторический ойконим как альтернативное название города (случай Покровска/Энгельса). В *Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междуна-*

²⁶ <https://pechory.reg60.ru/orajone/istorija>

- родной научной конференции, 99–106. Кострома: Костромской государственный университет.
- Ахметова, М. В. (2021). Забыть Фридриха Энгельса: память и забвение в ойконимии. *Шаги / Steps*, 7(1), 57–82. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-57-82
- Зиммель, Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. [Пер. с нем. К. Левинсона]. М.: Garage.
- Куприянов, П. С., Садовникова, Л. В. (2009). Место памяти в памяти местных: Культурные смыслы городского пространства (по материалам интервью жителей московского Зарядья). *Антропологический форум*, 2009(11), 370–407.
- Лурье, М. Л. (2020). Потерянный рай: ностальгия и коммеморация в песнях о родной деревне. *Этнографическое обозрение*. № 6, 31–51. DOI: 10.31857/S086954150013120-2
- Манаков, А. Г. (2016). Фактор границы в жизни населения западных районов Псковской области. В В. Н. Стрелецкий (Ред.). *Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России*, 190–198. М.: Эслан.
- Манаков, А. Г., Дементьев, В. С. (2016). Становление российско-эстонской границы на псковском участке. В В. Н. Стрелецкий (Ред.). *Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России*, 199–208. М.: Эслан.
- Манаков, А. Г., Потапова, К. Н. (2013). Этносоциальный портрет сету Печорского района Псковской области (по результатам исследований 1999–2011 гг.). *Этнографическое обозрение*, 2013(2), 177–187.
- Неклюдов, С. Ю. (2008). Русский горожанин поет о далеких странах: «филоэксотический» слой городской баллады. В В. В. Иванов, А. С. Архипова*, М. В. Ахметова (Ред.). *Геополитика и русские диаспоры в Балтийском регионе. Ч. 1. Гуманитарные аспекты проблемы: русские глазами русских*. Калининград: РГУ им. И. Канта, 158–171. (*А. С. Архипова признана иностранным агентом).
- Новожилов, А. Г. (2009). Население Псково-Печорского края как этнолокальная группа. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2, 2009(3), 94–110.
- Петров, Н. В. (2018). Брендинг городов в междисциплинарной перспективе. В Н. В. Петров, М. В. Ахметова, М. И. Байдуж (Сост.). *Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда*, 4–9. М.: Неолит.
- Петров, Н. В. (Автор), Павлиди, Я. И. (Инт.). (2021). «Жизнь, к которой тебе позволили немного прикоснуться»: об индивидуальной памяти человека и проекте «Народная история России». *Фольклор и антропология города*, IV(1–2), 192–201.
- Петрова, Н. С., Воробьев, В. А., Петров, Н. В. (2021). *Город в историях людей – Печоры: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Рис, Н. (2005). *Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки* [Пер. с англ. Nancy, R. *Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika*. Cornell University Press]. М.: Новое литературное обозрение.
- Седакова, О. А. (2005). В Тарту и обратно. В О. А. Седакова. *2 путешествия*, 71–111. М.: Логос; Степной ветер.
- Шувалова, В. А. (Сост.) (2004–2020). *Не прервется связь времен: Материалы Общества краеведов при Печорской районной библиотеке*. Вып. 1–8. Печоры: [б.и.].
- Anzaldúa, G. (1999). *Borderlands / La frontera. The New Mestiza*. San-Francisco: Aunt Lute Books.
- Belobrovtsseva, I. (2020). Seto people in the expedition diaries and literary Works of a Russian émigré Leonid Zurov. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*, 2020(79), 59–70. DOI: 10.7592/FEJF2020.79.belobrovtsseva

References

- Anderson, B. (2016). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).
- Assman, Ya. (2004). *Cultural Memory: writing, remembrance, and political Imagination in the high cultures of antiquity*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russian).

- Ahmetova, M. (2020). Former oikonym as an alternative name (a case of the town Pokrovsk/ Engels). In *Onomastics of the Volga region: materials of the XVIII International Scientific Conference*, 2, 99–106. Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj universitet. (In Russian).
- Ahmetova, M. (2021). To forget Friedrich Engels: Memory and oblivion in oikonymy. *Shagi / Steps*, 7(1), 57–82. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-57-82
- Anzaldua, G. (1999). *Borderlands / La frontera. The New Mestiza*. San-Francisco: Aunt Lute Books.
- Belobrovtsseva, I. (2020). Seto People in the Expedition Diaries and Literary Works of a Russian Émigré Leonid Zurov. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*, 2020(79), 59–70. DOI: 10.7592/FEJF2020.79.belobrovtsseva
- Kupriyanov, P., Sadovnikova, L. (2009). The place of memory in the memory of the locals: Cultural meanings of urban space (based on interviews with residents of the Moscow region). *Forum for Anthropology and Culture*, 2009(11), 370–407. (In Russian).
- Lurie, M. (2020). Paradise Lost: nostalgia and commemoration in songs about the native village. *Ethnographic review*, 2020(6), 31–51. (In Russian). DOI: 10.31857/S086954150013120-2
- Manakov, A. The border factor in the life of the population of the western districts of the Pskov region. In V. Streletsky (Ed.). *Socio-economic, geopolitical and socio-cultural problems of the development of the border regions of Russia*, 190–198. Moscow: Eslan. (In Russian).
- Manakov, A. G., Potapova, K. N. (2013). An ethnic-social portrait of the Pechorskii district, Pskov region (through case studies of 1999–2011). *Ethnographic review*, 2013(2), 177–187. (In Russian).
- Manakov, A. G., Dement'ev, V. S. (2016). Formation of the Russian-Estonian border on the Pskov section. In V. N. Streleckij (Ed.). *Socio-economic, geopolitical and socio-cultural problems of the development of the border regions of Russia*, 199–208. M.: Eslan. (In Russian).
- Nekljudov, S. (2008). A russian citizen sings about distant countries: the “philo-exotic” layer of the urban ballad. *Geopolitics and russian diasporas in the Baltic region. Part 1. Humanitarian aspects of the problem: russians through russian eyes*, 158–171. Kaliningrad: Russian state University named after Immanuel Kant. (In Russian).
- Novozhilov, A. (2009). The population of the Pskov-Pechory Region as an ethnolocal group. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2(3), 94–110. (In Russian).
- Petrova, N., Vorobyov, V., Petrov, N. (2021). *The City in the stories of people – Pechory: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Petrov, N. (2018). Branding of cities in a interdisciplinary perspective. In N. Petrov, M. Ahmetova, M. Bajduzh (Comp.). *Imaginary Territory: From local identity to brand*, 4–9. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Petrov, N. (Auth.), Pavlidi, Ya. (Int.). (2021). “A life you’ve been allowed to briskly touch”: Nikita Petrov about individual memory and the project “The People’s History of Russia”. *Urban Folklore & Anthropology*, IV(1–2), 192–201. (In Russian).
- Ries, N. (2005). *Russian Conversations: Culture and Everyday Speech of the Perestroika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Sedakova, O. (2005). To Tartu and back. In O. Sedakova. *2 Travels*, 71–111. Moscow: Logos; Steppe wind.
- Simmel, G. (2018). *The Metropolis and Mental Life*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Shuvalova, V. (Comp.). (2004–2020). *The connection of times will not be interrupted: Materials of the Society of Local Historians at the Pechory Regional Library. Issues 1–8*. Pechory. (In Russian).

ДЕТАЛИ ГОРОДА

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

«Такой остров»: образ Татарской слободы в Томске у ее местных жителей

Марина Дмитриевна Устинова ^{[1], [2]}

✉ m.ustinovaa@gmail.com

ORCID: 0009-0007-4890-9458

^[1] Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

^[2] Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Для цитирования статьи:

Устинова, М. Д. (2024). «Такой остров»: образ Татарской слободы в Томске у ее местных жителей. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 80–93. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-80-93.

Одним из результатов освоения городского пространства является возникновение локальных вернакулярных нарративов о нем. Опираясь на такие нарративы, я рассматриваю субъективные представления жителей Татарской слободы г. Томска о городском пространстве, в котором протекает их повседневная жизнь. Структуру статьи определило наложение собранных интервью на элементы городской среды — в сопровождении исследовательского комментария в работе описываются представления жителей Татарской слободы о характеристиках ее пространства, границах, а также используемых в качестве путей улиц и переулках. Проведенный анализ интервью и ментальных карт позволяет говорить, что основным источником конструирования вернакулярного образа являются не только ассоциации и воспоминания, связанные с Татарской слободой, но и в значительной степени наличие связанных с ее пространством повседневных практик.

Ключевые слова: городская антропология, ментальное картирование, локальные нарративы, Татарская слобода, Томск

“It's like an island”: the image of Tatarskaya Sloboda among the locals

Marina D. Ustinova ^{[1], [2]}

✉ m.ustinovaa@gmail.com

ORCID: 0009-0007-4890-9458

^[1] Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^[2] Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia

To cite this article:

Ustinova, M. (2024). “It's like an island”: the image of Tatarskaya Sloboda among the locals.

Urban Folklore & Anthropology, VI(1-2), 80-93. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-80-93. (In Russian).

One of the outcomes of urban space utilization is the emergence of local vernacular narratives about it. Relying on such narratives, I examine the subjective perceptions of the residents of Tatarskaya Sloboda in Tomsk regarding the urban space where their daily lives unfold. The structure of the article is determined by overlaying the collected interviews on elements of the urban environment. Accompanied by research commentary, the article describes the residents' perceptions of Tatarskaya Sloboda's space characteristics, borders, as well as the streets and alleys used as pathways. The analysis of interviews and mental maps allows us to conclude that the primary source for constructing the vernacular image is not only associations and memories related to Tatarskaya Sloboda but also, to a significant extent, the presence of everyday practices associated with its space.

Keywords: urban anthropology, mental mapping, local narratives, Tatarskaya Sloboda, Tomsk

В марте 2019 года я собирала рассказы жителей одного из исторических районов Томска — Татарской слободы. Она сложилась на территории от места впадения реки Ушайки в Томь до прибрежной зоны Томи: с развитием города местное население вытеснялось с прежних мест проживания, и в начале XVII века татары племени Эушта, проживавшие на Юрточной горе, заселили район Заисточья, где сформировалась слобода [Старикова и др. 2012: 330]. Сейчас это территория от ТЭЦ-1 до Коммунального моста и от Томи до проспекта Ленина.

Впервые я оказалась в слободе за год до этого, проездом после экспедиции. Слобода выглядела как мозаика, состоящая из артефактов разных времен. Это были оживленные улицы и переулки с деревянными домами, двумя мечетями, небольшими магазинами и культурным центром, многоэтажными домами и сетевыми магазинами. Мне стало интересно, какой образ слободы существует у горожан, проживающих на ее территории? Из каких элементов он складывается? Как освоение пространства слободы влияет на появление нарративов о ней? Таким

образом, меня интересовали нарративы об истории слободы, связанных с ней воспоминаниях, образах и ассоциациях. Моей целью было рассмотреть городские локальные нарративы как результат освоения городского пространства и выявить конкретные объекты на территории слободы, из которых складывается ее образ у жителей. В фокусе исследования были высказывания об объектах пространства слободы, имевшие хождение среди горожан: я выделяла объекты городской среды по наличию связанных с ними представлений и неоднократности их упоминания.

Я провела 17 глубинных полуструктурированных интервью¹. Главным критерием выбора информантов был сам факт их проживания в слободе вне зависимости от продолжительности, а также их возраста, гендерной, этнической, конфессиональной и профессиональной принадлежности. Моими собеседниками стали местные рыбаки, преподаватель английского, художник, представители мусульманского сообщества Красной соборной мечети, сотрудники «Центра татарской культуры», продавцы небольшого продуктового магазина, пенсионеры и старожилы. Кто-то из них родился в Татарской слободе, кто-то в силу разных причин переехал сюда из других районов Томска, городов или тогдашних союзных республик² и проживает в слободе длительное время. При поиске информантов я использовала метод «снежного кома»: первые интервью проводились с сотрудниками «Центра татарской культуры» — они в свою очередь делились со мной контактами жителей слободы, с которыми были знакомы лично. С кем-то я познакомилась на улицах города, с кем-то — в локальных группах в социальных сетях и даже на Airbnb, когда пыталась арендовать в слободе комнату на время полевой работы. Интервью проводились в домах информантов и на улицах слободы, в «Центре татарской культуры», местных кафе и продуктивном магазине, в мечети и на городском празднике в честь наступления Новруза. С одним из информантов мы договорились о прогулке по Татарской слободе, в ходе которой разговаривали о связанных с ней сюжетах³.

Ряд интервью сопровождался составлением информантами ментальных карт — эскизным нанесением на лист бумаги различных элементов городского ландшафта и описанием их различимости, наличия или отсутствия взаимосвязей между ними. В ходе картирования территория слободы изображалась моими собеседниками по памяти: изображая пространство повседневной жизни, они рассказывали о его границах и символах, делились собственными маршрутами и наблюдениями.

¹ Ключевые темы интервью: вернакулярные образы, границы, символы слободы, воспоминания и ассоциации, связанные с ее территорией, способы взаимодействия с пространством.

² Информант переехал в Томск из Казахстана, который на момент переезда входил в состав СССР.

³ О специфике подобного метода можно прочесть в работе Маргарет Кузенбах «Уличная феноменология. Совместная прогулка как техника этнографического исследования» (“Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool”) [Kusenbach 2003].

Структуру статьи определило наложение собранных нарративов на элементы городской среды — в сопровождении исследовательского комментария ниже будут описаны представления жителей о строениях, создающих образ слободы, и пространственной структуре территории.

«МАЛЕНЬКАЯ ДЕРЕВНЯ ВНУТРИ БОЛЬШОГО ГОРОДА»: ОБРАЗ РАЙОНА

Вернакулярный образ Татарской слободы связан с ее историей, архитектурным обликом, ландшафтными особенностями, со слов информантов, образующими на территории города особый мир со своим течением времени. Исторические ассоциации, социальная и этническая принадлежность местных жителей, визуальный образ сцеплены воедино и определяются через контраст с остальным городом.

Это [Татарская слобода] как маленькая деревня внутри большого города, потому что в основном одно- и двухэтажные дома, резные палисадники и очень интересное оформление деревянными кружевами. Что самое интересное — нет лица, нет зверей в этом оформлении, потому что мусульмане этого не приемлют. А что у них есть? Геометрические фигуры, цветы, листочки, деревья, виноградные гроздья⁴.

В интервью жители слободы говорили о ней как о складывавшемся веками мире вокруг исторической артерии города — Московского тракта: он был проложен в 1730 году и соединил европейскую часть Российской империи с Западной и Восточной Сибирью [Богданова 2005]: «Это большая-большая дорога [Московский тракт]. На пути этой дороги — такой остров [Татарская слобода]. Двухэтажный, он именно всегда был двухэтажный, этот мир»⁵. В свое время основным занятием местного населения был извозный промысел, само население состояло преимущественно из торговцев, содержателей постоялых дворов, бабышников, коновалов и кузнецов, о чем не раз упоминали информанты: «У меня-то дом на углу. Там было на воротах написано: “Поставщик, такой-то там татарин, поставщик лошадей Его Императорскому В.”. У него было подворье, лошади»⁶.

Для описания района проживания мои собеседники употребляли лексемы «деревянный», «старинный», использование которых можно соотнести с образной доминантой Татарской слободы — исторической деревянной застройкой: «Неожиданно видеть улицу целиком из деревянных домов. <...> Я бы назвал это [Татарскую слободу] “старинная улица”. Самая крайняя к реке, она неприметная, маленькая, как будто ее уже и нет»⁷. Основной тип жилого дома в Татарской слобо-

⁴ Ж., 1927, род. в Томске. Здесь и далее зап. М. Д. Устиновой в 2019 году.

⁵ Ж., 1965, род. в Томске.

⁶ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).

⁷ М., 1982, род. в поселке Светлый (Томская область).

де — дореволюционный двухэтажный деревянный дом на кирпичном цокольном этаже, на главном фасаде которого находятся сдвоенные или трехчленные окна, а задние и боковые фасады «усложнены объемами крылец, эркеров, галерей, террас» [Богданова 2005: 102]. Дома такого типа, противопоставленные многоэтажным бетонкам, определяют образ слободы:

Была возможность продать квартиру, купить в другом месте, я подумал-подумал — нет, не хочу. Мне здесь нравится. Уютно несмотря на то, что все старенькое, и должно быть неприятно — хочется ведь чего-то современного, нового. А мне кажется, что это хорошо, наоборот. Деревянный дом, он создает атмосферу какую-то другую. Ощущения другие, чем ты в кирпичном доме живешь⁸.

Деревянные дома нередко выступали в нарративах в качестве живых организмов, требующих особой заботы:

Дом как мой родственник, как будто член семьи. Я с ним разговариваю: «Здесь больно, здесь больно? Я тебя полечу. Крыльцо упало? Я его почищу». «...» Для меня дом — такой же ребенок. Потому что он живой. Это не какой-то там чужой организм. Я могу его облагораживать, я могу ему кокошник надеть, и он будет выпендриваться⁹.

Некоторые из моих собеседников отмечали ветхость и, соответственно, дешевизну сдаваемого жилья:

Покосившиеся домики — кто такое жилье снимает? Люди, у которых маленький достаток, чаще всего это неблагополучные люди. Где неблагополучие, там — алкоголь, драки. И, собственно, все это и было, когда я только заехал [2012 год]. И сосед у меня — бывший ээк, и видно этих людей на улице¹⁰.

Повествования о социальной принадлежности жителей слободы развивались в контексте представлений о Татарской слободе как об опасном районе — от баталий «своих» и «чужих» в советское время до превращения слободы в «бандитский остров» в 1990-е годы. Например, информанты отмечали регулярно устраиваемые драки на улицах слободы в советское время между местными жителями и жителями других районов города:

В Татарскую слободу, особенно в советское время, было опасно ходить, потому что там пацаны четко отслеживали — кто свой, а кто не свой¹¹.

Раньше было, в советские времена: парень неместный провожает девушку — пока он ее провожает, его никто трогать не будет, а когда он ее проводил, его «по-джентельменски». Тогда уже — ноги в зубы и бегом¹².

⁸ М., 1982, род. в поселке Светлый (Гомская область).

⁹ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).

¹⁰ М., 1982, род. в поселке Светлый (Гомская область).

¹¹ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).

¹² М., 1966, род. в Томске.

Говоря о 1990-х годах в истории Татарской слободы, информанты отмечали сложившееся в районе криминальное положение. Например, рассказывали об «авторитетных хулиганах» и «татарской мафии», которые облюбовали тихий окраинный район города:

Во всяком районе свои хулиганы есть, а здесь [в Татарской слободе] такие авторитетные хулиганы были. Они как бы думали: “На окраине, в тишине”. Не убивали, не кидались. Ну так, свои дела делали¹³.

Были просто целые россыпи «татарской мафии». <...> Это была такая территория, которую они берегли. <...> Почему там [в Татарской слободе]? Потому что деревянные домишки — это тебе не так, это тебе не здесь. Вот [в районе многоэтажных домов] живешь, тебя сосед увидит, а там не было этого, там клановость, как в Италии. Остров¹⁴ — это было их состояние, они держали его как крепость¹⁵.

Но все же большинство нарративов о сегодняшней слободе отсылало к представлениям о ее криминогенности, которые исчерпали себя и стали стереотипными предубеждениями: «Категория людей, как [кто-то] говорит “Татарская слобода”, думает, что здесь дома деревянные, алкаши да пьяницы. Нет, здесь достаточно спокойно можно ходить, нормальные люди. Это глупость, это просто наговор»¹⁶.

В Томске — две мечети, Красная и Белая, и обе находятся на территории Татарской слободы. Существенный вклад в вернакулярный образ слободы внесла конфессиональная принадлежность ее жителей: «Для меня лично этот район — район мусульманский. Две мечети — это уже, ни одной церкви в этом районе. Если он — Татарский аул»¹⁷.

Первая Томская мусульманская соборная мечеть, или Красная, получившая свое название по цвету кирпичных стен, была заложена в 1901 году на месте двух сгоревших деревянных мечетей [Гончарова 2015: 106]. В ходе кампании по борьбе с религией в 1931 году мечеть была закрыта: сначала в ней открылся клуб «Нацмен», затем долгое время она функционировала как ликеро-водочный завод (1942–1985), в 1986 году в ней разместился цех завода пищевых продуктов [Старикова и др. 2012: 275]. Приспособленное под производство здание понесло значительный урон, утратив минарет и купол. Открытие ликеро-водочного завода в здании мечети воспринималось сообществом мусульман как личное оскорбление, о чем неоднократно упоминали информанты: «Для татар это такое было оскорбление. По мусульманским верованиям татарин не имеет права употреблять алкоголь. Для него это грех большой»¹⁸. Здание мечети в полуразрушенном состоянии было возвращено мусульманской общине в 2002 году. К 2014 году мечеть была полностью восстановлена, а уже через год состоялась церемония ее открытия.

¹³ Ж., 1965, род. в Томске.

¹⁴ Под островом информант имеет в виду территорию слободы.

¹⁵ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).

¹⁶ Ж., 1974, род. в Томске.

¹⁷ Ж., 1974, род. в Томске.

¹⁸ Ж., 1965, род. в Томске.

На Московском тракте находится Белая мечеть (годы постройки: 1912–1914), названная так по цвету стен, отличных от Красной [Старикова и др. 2012: 275]. В 1938 году здание мечети стало зернохранилищем, затем — цехом карандашной фабрики.

Там [на месте Белой мечети] была карандашная фабрика. Когда карандашная фабрика переехала, вернули мечеть — там не раз проводились субботники: они [дети собеседницы] собирали мусор и даже коробку карандашей принесли. Долго у нас валялись еще эти красно-синие карандаши¹⁹.

В 1990 году мечеть была возвращена томскому сообществу мусульман: «Не так давно мой муж, между прочим, добивался возвращения этой [Красной] мечети и Белой мечети. Сначала они вернули себе Белую мечеть. Была инициативная группа, в которую входил мой супруг»²⁰.

С опорой на исторические ассоциации и визуальное восприятие, сопряженное с положением мечетей в ландшафте, жители повествовали о них как о символах района: «Татарскую слободу украшает, Красная, Красная Соборная мечеть. Самый большой объект, здание — Красная мечеть считается символом»²¹. Однако сегодня образ района, связанный с этнической принадлежностью его жителей, довольно слаб: «Сейчас мало татар осталось, в основном азербайджанцы, чеченцы тут, узбеки. На нашей улице [Мусы Джалиля] вообще татар не осталось: бабушки умерли или им дали квартиру»²².

«РАЙОН ХОЧЕТСЯ ВИДЕТЬ КАКИМ-ТО КВАДРАТНЫМ, КРУГЛЫМ»: О ГРАНИЦАХ СЛОБОДЫ

Для обозначения исследуемого пространства информанты используют два топонима. Первый — «Татарская слобода», отсылающий к этнической принадлежности его коренных жителей. Второй — «Заисточье» (в обиходе «Заисток»), сопряженный с расположением территории за истоком реки: «“Заисток” — за истоком. С горки бежит ручеек, спускается вниз. Здесь были маленькие озера, расцветали камыши, здесь утки дикие плавали»²³.

В ходе интервью я задавала информантам вопросы о названии района, используемом ими в повседневной жизни, и просила объяснить причины его употребления. В нарративах фигурировал топоним «Заисток», территория которого несколько шире территории Татарской слободе.

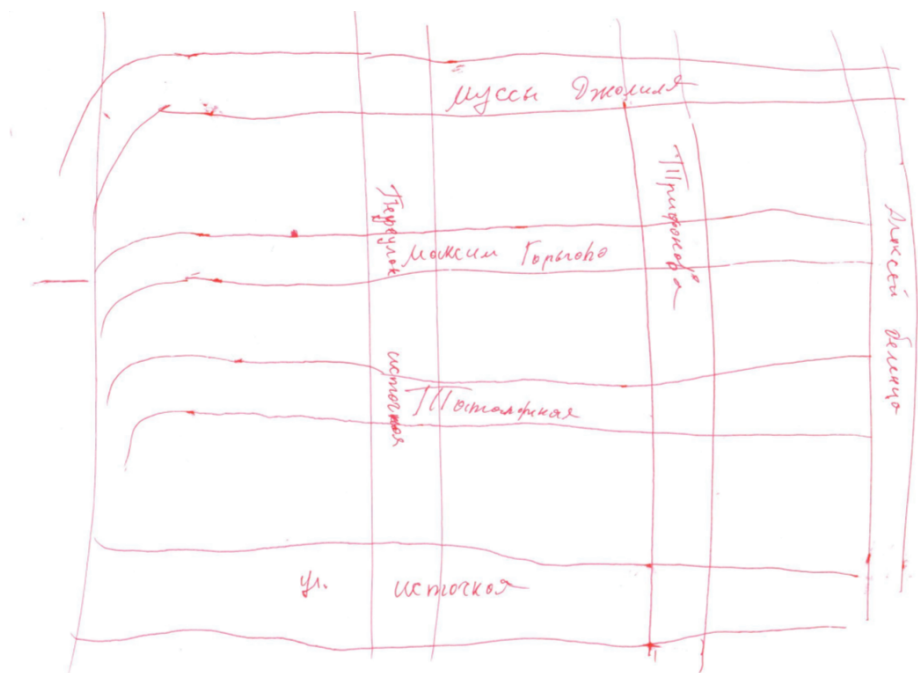
¹⁹ Ж., 1965, род. в Томске.

²⁰ Ж., 1965, род. в Томске.

²¹ М., 1972, род. в Томске.

²² Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

²³ Ж., 1927, род. в Томске.

Илл. 1. Ментальная карта информанта, м., 1982
Ill. 1. Informant's mental map, male, born 1982

Слобода меньше. А так привыкли: “Заисток”. <...> “Заисток” — более растяжимое²⁴.

Я чаще использую название “Заисток”. <...> Ну, на сайтах бывает “Татарская слобода”. Дома употребляем это слово — “Заисток”. “Татарская слобода” — <...> более исторически уходящее²⁵.

Некоторые собеседники и вовсе не использовали в повседневной жизни топонимы «Заисток» и «Татарская слобода», опираясь при определении места своего проживания на названия улиц, путей или остановок.

Я его [район] никак не называю. Для меня он удобен чем: потому что река рядом. Собираюсь, 15 минут — и я на реке. Район тихий. [Когда незнакомец, например, спросит, где вы живете?] На улице Татарской²⁶.

[“Заисток”] очень устарело. Никому не скажешь сейчас “Заисток”. Не поймут. Может, старожилы и говорят так, но томичам, таким рядовым, как я, это ничего не скажет²⁷.

Определению вернакулярного типа границ Татарской слободы послужили ментальные карты горожан. Опираясь на визуальные

²⁴ М., 1966, род. в Томске.

²⁵ Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

²⁶ М., 1969, род. в Томске.

²⁷ М., 1982, род. в поселке Светлый (Томская область).

представления и повествования, сопровождавшие процесс построения карт, можно говорить о том, что, по мнению опрошенных местных жителей, Татарская слобода ограничена четырьмя линиями — проспектом Ленина на востоке, Базарным переулком и завершением Московского тракта на юге, улицей Алексея Беленца на севере и рекой Томь на западе. Остальная же часть Заисточья от Базарного переулка, протянувшаяся вдоль Московского тракта до Коммунального моста, не присутствует на картах местных жителей.

Я от реки смотрю в город — Томск. Тут идет одна улица старенькая, по моему, Мусы Джалиля. Я живу на [улице] Трифонова. Это [улица] Татарская. Тут [улица] Максима Горького. И тут еще есть улица Источная. <...> Здесь она [слобода] заканчивается — очевидно на улице Беленца, потому что там заканчивается вообще все. С этой стороны начинается Московский тракт, и он идет сверху вниз. <...> Вот, где все эти улицы сходятся, там для меня — это все [территория слободы]²⁸.

Наиболее распространенное представление — о большей территории, охватываемой топонимом «Заисток», который, в свою очередь, включает в себя территорию Татарской слободы.

«У нас вот Татарская слобода неофициально делится на два района: “Заисток первый”, который ограничивается переулком Базарный. <...> Вот Базарный переулок, с этой стороны — [проспект] Ленина, с этой стороны — река»²⁹, — среди жителей распространены нарративы о сосуществовании двух районов, получивших вернакулярные названия «Заисток первый» и «Заисток второй». Территория «Заистока первого» совпадает с территорией Татарской слободы, которую чаще прочего упоминают в беседах информанты — от улицы Алексея Беленца до Базарного переулка, «Заисток второй» — территория вдоль Московского тракта от Базарного переулка до Коммунального моста.

Можно предположить, что на деление территории на «Заисток первый» и «второй» влияют следующие факторы:

а) архитектурный облик территории: в нарративах нередко упоминается о «старинном» и «историческом» облике Татарской слободы, который формирует массив дореволюционных деревянных домов: «Во-первых, там [в “Заистоке втором”] уже деревянных домов не видеть. А во-вторых, как-то район хочется видеть каким-то квадратным, круглым, а не плоским»³⁰;

б) разные формы собственности: «Заисток первый» — территория с многоквартирными деревянными домами, «Заисток второй» — частный сектор, в котором большую часть застройки составляют индивидуальные жилые дома, построенные в советское время: «Там дальше [в “Заистоке втором”] — частный сектор, с этой частью [“Заистоком первым”] ничего не пересекается»³¹;

²⁸ М., 1982, род. в поселке Светлый (Гомская область).

²⁹ Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

³⁰ М., 1982, род. в поселке Светлый (Гомская область).

³¹ М., 1966, род. в Томске.

в) деление города по районам: микрорайон Татарская слобода (Заисточье) разделен между двумя районами — его северная часть [“Заисток первый”] совпадает с Советским районом, южная [“Заисток второй”] относится к Кировскому.

Исходя из анализа нарративов и ментальных карт можно выделить следующие характеристики вернакулярных границ.

1. Граница по реке Томь ощущается слабо: будучи отделенной от взгляда наблюдателей линией домов и недоступной для пешеходов, река обозрима лишь местами.

2. Границу по улице Алексея Беленца можно отнести к категории «запрещающих» [Линч 1982: 65]. Находящаяся за ней территория ТЭЦ-1 — пространство за колючей проволокой, непроходимая и непреодолимая линия, отделяющая территорию Татарской слободы от остального города.

3. Граница по проспекту Ленина, центральной магистрали города, представляет «разъединяющий барьер» [Линч 1982]. Проспект, по мнению жителей, отделяет слободу от самого Томска, «города», создавая с улицей Беленца обособленный «остров».

4. Граница по Базарному переулку играет роль «связующего шва» [Линч 1982]. Он более связывает, чем разъединяет два Заистока, функционируя многозначно: его можно рассматривать не только как границу, но и как путь, по которому передвигаются жители. Затерявшийся среди многоэтажных домов продуктовый магазин «Колокольчик» выступает маркером пересечения границы между двумя Заистокami:

Заисток до «Колокольчика» раньше считался, район такой бластной³².

От «Колокольчика» — другая сторона³³.

Улицы и переулки слободы в представлениях и повседневных практиках жителей

В XIX веке планировка Татарской слободы представляла собой прямолинейную систему улиц и кварталов: улицы, расположенные параллельно друг другу, перпендикулярно пересекались переулками, а направления основных улиц района совпадали с направлением главной улицы города, нынешним проспектом Ленина, и линией реки Томь. Такая линейная планировка улиц, параллельных реке, с перпендикулярно расположенными переулками сохранилась по сегодняшний день и определила облик Татарской слободы как «системы кварталов с главной улицей [Татарской], проходящей с севера на юг и являющейся осью композиции» [Вольская, Беляева 2018: 19].

Я анализировала не только содержание ментальных карт инфор-

³² М., 1966, род. в Томске.

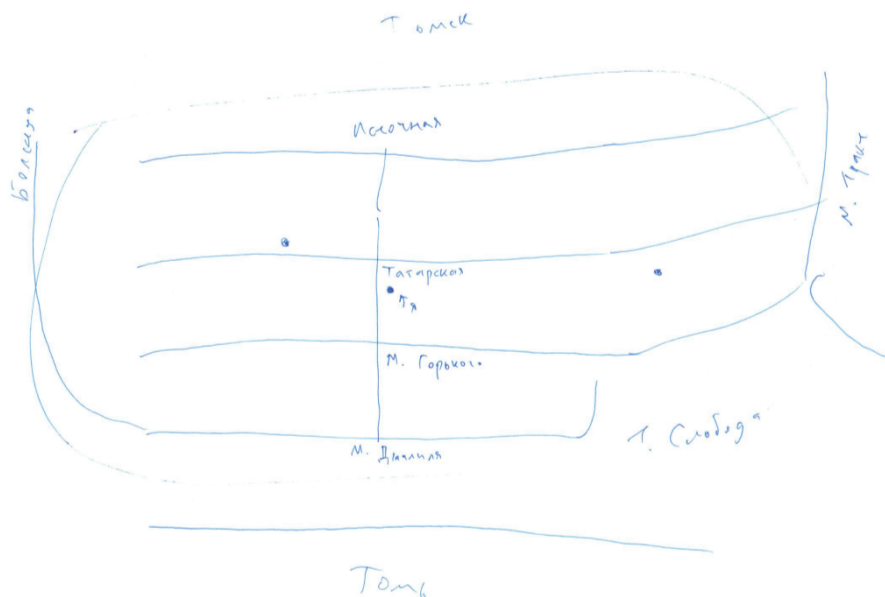
³³ Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

мантов, но и последовательность их составления. Можно говорить о двух путях репрезентации пространственного образа района:

1. Построение карты начиналось с проведения контура, которым выступали проспект Ленина и река Томь, а затем карта заполнялась к центру;

2. Построение карты начиналось с нанесения на лист сетки системы улиц и путей, к которой затем добавлялись остальные элементы.

Собеседники ни разу не начинали строить карту от какой-то конкретной точки — это позволяет предположить, что представления о пространстве района основаны на путевой системе координат. Опираясь на содержание нарративов и ментальных карт, я рассматриваю Татарскую улицу в качестве главной улицы слободы, а перпендикулярные ей улицы Алексея Беленца и Трифонова и Базарный переулочек как связующие района с главной транспортной артерией города — проспектом Ленина.

Илл. 2. Ментальная карта информанта, м., 1966
 Ill. 2. Informant's mental map, male, born 1966

Татарская улица протянулась от улицы Алексея Беленца в районе ТЭЦ-1 до Базарного переулочка у Московского тракта. Расположение в торговом районе обусловило в свое время наличие на ней большого количества магазинов и лавок — здесь продавали кондитерские и булочные товары, мясо, чай, сахар, работали модные салоны и швейные мастерские, прачечные, в 1904 году была открыта Красная соборная мечеть [Старикова и др. 2012: 273]. Выходящая на Конную площадь [сейчас территория ТЭЦ-1] с северной стороны и

на дорогу в Тобольск — с южной, Татарская улица связывала слободу с городом [Богданова 2005: 98]. Такая связь осталась: будучи единственной транспортной улицей, в нарративах она описывается как главная улица слободы.

Главной у нас считается улица Татарская. Она транспортная улица, потому что в Заисток можно попасть только с [проспекта] Ленина через [улицу] Беленца на Татарскую [улицу] и туда дальше, кончается она Базарным переулком. И никак больше не проедешь. Как бы карман такой³⁴.

На момент полевой работы единственным видом транспорта, который проходил по территории Татарской слободы, был автобус № 29. Заезжая в слободу с Учебной улицы, он движется по Московскому тракту, проезжает Татарскую улицу и покидает район с улицы Алексея Беленца. Собеседники говорили, что автобус приезжает в слободу «с вершинки», отсылая к географическому положению Татарской слободы в пойме реки Томь: «Здесь он забирает с этих общаг студентов и везет туда, на вершинку, а с вершинки, там тоже общаги, он через весь город так идет»³⁵.

Татарская улица плавно переходит в улицу Алексея Беленца (бывш. ул. Подгорная). Получившая свое название в честь партийного советского деятеля А. И. Беленца, она протянулась от Татарской улицы до улицы Советской, которая находится уже в другом районе. По одну сторону улицы Беленца расположены деревянные жилые дома, по другую — здание ТЭЦ-1, многоэтажные постройки, офисы, магазины: «Начиналась [Татарская слобода] с [улицы] Беленца — сейчас так называется»³⁶. Связывая район с главной артерией города — проспектом Ленина, в нарративах улица Беленца осмысливается как «начало» или, напротив, «завершение» территории Татарской слободы.

Другой путь — улица Трифонова (бывший переулок Татарский), выходящая на проспект Ленина в районе остановки «Главпочтамт»: «По улице Трифонова, где Красная мечеть стоит, они [жители слободы] ходят на почту [остановка “Главпочтамт”]»³⁷.

Базарный переулок (бывший Завьяловский) начинается от улицы Мусы Джалиля и доходит до Московского тракта, который в этом месте плавно перетекает в проспект Ленина. В XIX веке переулок, как и большинство улиц Заисточья, был довольно оживленным из-за располагавшегося на нем Завьяловского рынка, где торговали сыром — фуражом для лошадей, дровами, углем для кузниц, шкурами, чугуном и литьем. Сегодня Базарный переулок служит границей Кировского и Советского районов, разграничивая так называемые Заисток первый и Заисток второй.

Перпендикулярное положение улиц и переулков по отношению к

³⁴ Ж., 1948, род. в Шымкенте (Казахстан).

³⁵ М., 1966, род. в Томске.

³⁶ Ж., 1974, род. в Томске.

³⁷ М., 1966, род. в Томске.

проспекту Ленина предопределило их использование в качестве связующих путей, по которым жители Татарской слободы имеют возможность вступать в границы «остального города».

Заисток делится таким образом: по Базарному переулку люди идут на остановки — «29» [на остановку автобуса № 29], в «Колокольчик» [местный продуктовый магазин] заходят. По улице Трифонова, где Красная мечеть стоит, они идут на почту [остановка «Главпочтамт»], соответственно, они нигде не пересекаются. <...> Если мы по Татарской [улице] пройдемся, выйдем на улицу Беленца <...> она как раз выходит в районе кинотеатра «Киномир». Та часть [жителей] — на ту остановку ходит. Народонаселение, называется, по каким тропам ходит³⁸.

Значение улиц и переулков заключается в формировании сети, внутри которой жители Татарской слободы воспринимают окружение: главное направление «входа» в район, Татарская улица, а также перпендикулярная ей триада из улиц Алексея Беленца, Трифонова и Базарного переулку с их направленностью к проспекту Ленина являются ключевыми для формирования образа. Ссылаясь на результаты картирования, можно утверждать, что жители организуют пути в геометрическую решетку — довольно простую структуру независимо от мелких отклонений внутри нее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нарративах жители Татарской слободы отбирали и соединяли элементы городской среды — ни один из них не существовал изолированно. К тому же, вернакулярному образу Татарской слободы у ее жителей были свойственны слияния и искажения (Заисток первый и Заисток второй), а также упорядочения и связывания отдельных частей (геометрическая сетка улиц и переулков). Основными источниками конструирования вернакулярных представлений о Татарской слободе являлись не только ассоциации, чувства, воспоминания, связанные с ней, но и в значительной степени наличие на ее пространстве повседневных практик мобильности. Например, нарративы о Заистоке втором, жители которого в связи с несовершенством выборки не были опрошены, содержали определенные лакуны — в них не было информационной насыщенности, присущей нарративам о Заистоке первом.

Татарская слобода в представлениях местных жителей обладает цельным образом, который, однако, с каждым годом становится все более хрупким: имеющая статус достопримечательного места, она быстро теряет основные слагаемые своего образа — погибающие в пожарах и заброшенности деревянные дома.

Раньше, когда я ходил из мастерской до дома, вот, не было этих общаг, не было этих высоток. Раньше был открытый горизонт — всегда было видно закат красивейший. Солнце заходило — это было великолепно. Идешь...

³⁸ М., 1966, род. в Томске.

Я как художник читал, какие цвета там: небо коричневое, небо фиолетовое, небо зеленое. А сейчас я не вижу³⁹.

Литература

- Богданова, О. В. (2005). *Архитектурный облик Томска*. Томск: Красное знамя.
- Вольская, Л. Н., Беляева, Е. К. (2018). К проблеме реконструкции среды исторического района г. Томска Татарская слобода. *Творчество и современность*, 2(6), 16–23.
- Гончарова, Е. З. (2015). Архитектурный облик татарской слободы Томска в конце XIX — начале XX веков. *Известия Алтайского государственного университета*, 87(3/1), 105–110.
- Линч, К. (1982). *Образ города*. [Пер. с Lynch, К. (1960). *The Image of the City*. Cambridge: The M.I.T. Press]. М.: Стройиздат.
- Старикова, Г. Н., Захарова, Л. А., Иванцова, Е. В., Нестерова, Н. Г., Мороз, Е. В., Банкова, Т. Б. (2012). *История названий томских улиц*. Томск: Д-Принт.
- Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485.

References

- Bogdanova, O. (2005). *Architectural appearance of Tomsk*. Tomsk: Red flag. (In Russian).
- Volskaya, L., Beljaeva, E. (2018). On the problem of reconstruction of the historical environment of the district of Tomsk Tatarskaya Sloboda. *Creativity and modernity*, 2(6), 16–23. (In Russian).
- Goncharova, E. (2015). Architectural features of the Tomsk Tatar settlement in the late 19 — early 20 century. *News of the Altai State University*, 87(3/1), 105–110. (In Russian).
- Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485.
- Lynch, K. (1982). *The Image of the City*. [Trans. Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. Cambridge: The M.I.T. Press]. Moscow: Stroyizdat. (In Russian).
- Starikova, G., Zakharova, L., Ivantsova, E., Nesterova, N., Moroz, E., Bankova, T. (2012). *History of Tomsk streets' names*. Tomsk: D-Print. (In Russian).

³⁹ М., 1960, род. в Тайге (Кемеровская область).

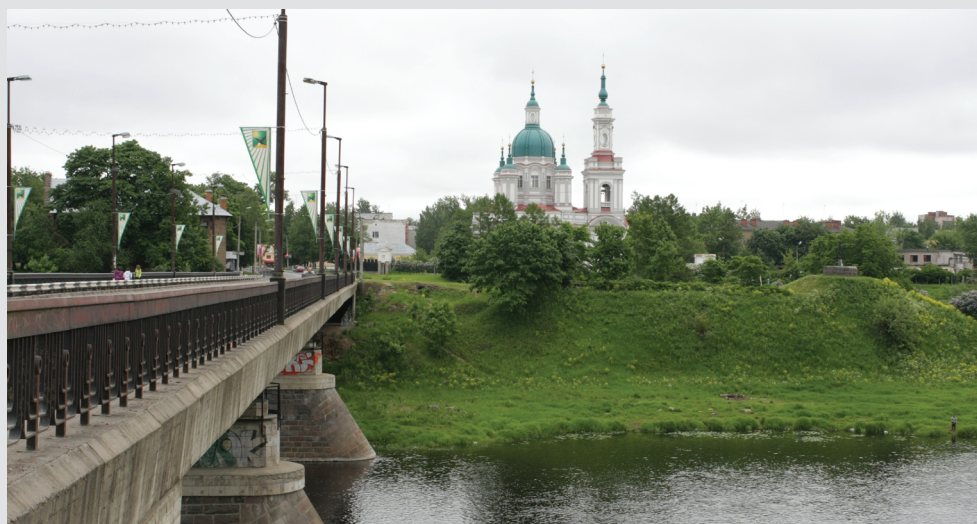
ДЕТАЛИ ГОРОДА

Ивангород, 2011

Выборг, 2007

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Городская идентичность и историческая память: сравнительное исследование прикладных кейсов малых городов Ленинградской области

Ольга Владимировна Воробьева^[1]

✉ helga.sparrow@gmail.com

^[1] Независимый исследователь

Для цитирования статьи:

Воробьева, О. В. (2024). Городская идентичность и историческая память: сравнительное исследование прикладных кейсов малых городов Ленинградской области. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 96–158. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-96-158.

В статье анализируется материал, собранный в рамках прикладных исследований для проектов благоустройства городской среды. В выборку вошли 7 малых городов Ленинградской области: приграничные города (Ивангород и Светогорск), город-сателлит Санкт-Петербурга (Коммунар Гатчинского района), города Свирско-Ладожского бассейна (Новая Ладога, Волхов, Сясьстрой и Подпорожье). Путем вынужденно краткой вследствие локдауна 2020 года полевой работы и специализированных открытых вопросов в опросниках, направленных на заполнение дефицитов полевых данных, выявились следующие аспекты: присутствующие в актуальном дискурсе жителей сюжеты локальной истории, известные горожанам персоналии, семантические кластеры локальной идентичности «для внутреннего пользования» и для внешней репрезентации, ментальная карта значимых «демонстрационных» городских объектов. По результатам метаисследования было выявлено, что для рассмотренных городов сохранность конкретных исторических сюжетов завязана на два основных фактора — попадание сюжета в ядро городской идентичности и представленность его в городских объектах и топонимах). Историческая память коррелирует с давностью проживания семей в данном городе: чем позже произошел последний массовый приток новых жителей, тем меньше распространенность и разнообразие исторических сюжетов. Сохранность исторической памяти имеет обратную корреляцию с демографическим благополучием города: прирост населения в рассмотренных кейсах наблюдается только в городах-сателлитах и только за счет миграции, что еще сильнее «вымывает» локальные сюжеты. Наиболее распространенными и важными для жителей этих городов оказались сюжеты о Великой Отечественной войне; рассказы об индустриальной славе раннего Советского Союза; ламентации об «утраченном рае» советского периода и пришедшей ему на смену «разрухе»; рефлексия жителей о городском статусе своего населенного пункта.

Ключевые слова: историческая память, локальная идентичность, символический капитал, Ленинградская область, прикладные исследования, опрос

Автор выражает благодарность коллеге Георгию Медвинскому за помощь в работе над кейсами Светогорска и Подпорожья.

Local identity and historical memory: comparative research of applied cases in small towns of Leningrad region

Olga V. Vorobyeva^[1]

✉ helga.sparrow@gmail.com

^[1] Independent researcher

To cite this article:

Vorobyeva, O. (2024). Local identity and historical memory: comparative research of applied cases in small towns of Leningrad region. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1–2), 96–158. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-96-158. (In Russian).

The article delves into material gathered as part of applied research for urban planning. The sample includes 7 small towns in the Leningrad region: border towns (Ivangorod and Svetogorsk), a satellite town of St. Petersburg (Kommunar of Gatchina district), and towns of Ladoga Lake and the river Svir' (Novaya Ladoga, Volkhov, Syasstroy, and Podporozhye). Through necessarily brief fieldwork and specialized open-ended questions in questionnaires aimed at filling gaps in field data short due to lockdown 2020, the following aspects were identified: themes of local history present in the current discourse of residents, personalities known to the townsfolk, semantic clusters of local identity for internal use and for external representation, mental map of local objects important for representation of the town. The meta-analysis uncovered that for the examined towns, the preservation of specific historical narratives is tied to two main factors — the incorporation of these narratives into the core of urban identity and their manifestation in the physical environment (in objects and toponyms). Historical memory correlates with the length of time families have lived in the city: the later the last mass influx of new residents occurred, the less widespread and varied historical narratives are. The preservation of historical memory demonstrates an inverse correlation with the demographic prosperity of the city: population growth, in the cases examined, is only observable in satellite towns and only due to migration, which further “washes out” local narratives. The most common and important of the latest for the residents of these towns were stories about the Second World War; tales of the industrial glory of the early Soviet Union; lamentations over the “lost paradise” of the Soviet era and the “ruin” that followed it; residents’ reflection on the urban status of their settlement.

Keywords: historical memory, local identity, symbolic capital, Leningrad region, applied research, survey

We express our gratitude to colleague Georgy Medvinsky for assistance in Svetogorsk and Podporozhye cases.

ВВЕДЕНИЕ

Локальные нарративы и историческая память — один из излюбленных антропологических сюжетов во время полевой работы. Как правило, их выявление требует длительной и тщательной

полевой работы, включенного наблюдения, ряда глубинных интервью с разными группами жителей, в идеале совмещенных с walk-along методологией. Тогда на определенном этапе в поле появляются рассказы о детских воспоминаниях, былички, городские легенды и прочие локальные нарративы, которые обычно нельзя спровоцировать при первом взаимодействии или нельзя спровоцировать вовсе. Однако иногда в работе антрополога случаются эпизоды, когда глубокая работа при помощи включенного наблюдения и обширных многочисленных интервью оказывается невозможной. Тем не менее, нам кажется несправедливым сбрасывать со счетов результаты подобных экспресс-исследований, тем более что они, как правило, связаны с прикладными городскими исследованиями, то есть на их основании делаются выводы и принимаются решения по дальнейшему устройству городской среды. О серии таких исследований весной 2020 года и пойдет речь в настоящей статье.

Данная методология была выработана автором статьи в рамках подготовки к федеральному конкурсу проектов благоустройства городской среды «Малые города и исторические поселения»¹ в рамках работы в Центре компетенций по развитию городской среды Ленинградской области (далее ЦКЛО²). Данный конкурс подразумевает, помимо подготовки архитектурного эскизного проекта, социальное исследование, связанное с предлагаемой для благоустройства территорией, а также вовлечение жителей в разработку эскизного проекта, причем результаты обоих этих этапов должны быть учтены проектировщиками и воплощены в эскизе.

Первый «выпуск» конкурсных проектов недавно созданного ЦКЛО пришелся на весну 2020 года, характеризующуюся локдауном, а также попыткой руководства подразделения «вывести» на конкурс как можно больше городов. Первоначально предполагалось провести в них полноценное качественное поле, как описано в [Алексеевский 2015]. Однако в итоге социальное исследование приняло следующие формы. До локдауна в начале марта 2020 года автору удалось совершить первый выезд в города-участники с «живой» полевой работой, который и оказался последним. Остальные сведения пришлось добирать при помощи открытых вопросов количественного опроса, а также качественных данных, полученных из онлайн фокус-групп и проектировочных сессий, проведенных в рамках стратегии вовлечения жителей в разработку архитектурного эскиза. Процесс также осложнялся тем, что в течение трех месяцев необходимо было подготовить исследования и их результаты параллельно на семь городов-участников, что создавало острый дефицит времени единственного исследователя на глубокое погружение в контекст конкретного города. Часть городов сошли с дистанции в указанный период, однако подались на

¹ <https://konkurs.gorodsreda.ru/>, актуальное название «Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях».

² <https://vk.com/gorodsreda47>

следующий год конкурса; тем не менее, исследовательская работа по ним была проведена именно в марте–мае 2020 года.

Подробности полевой работы и структуру опросника, выведенного для компенсации дефицитов при отсутствии глубокого и вдумчивого поля, см. в [Воробьева 2021]. Выезд в поле предполагал визуальный анализ среды, наблюдение, ряд блиц-интервью с прохожими, а также отдельные глубинные интервью с администрацией, экспертами и жителями — как стационарные, так и интервью-прогулки (о walk-along методологии см. напр. [Kusenbach 2003]), а также интервью с применением ментальных карт ([Линч 1982] и многие другие). Материалы интервью и полевого дневника ложились в основу количественного опроса, фокус-групп с актуальными и потенциальными пользователями территории, отчета о социальной ситуации, а также соответствующих разделов конкурсной заявки.

Опросник, опиравшийся на наработки Центра развития городской среды Удмуртской республики [2019], состоял из четырех тематических блоков: актуальное состояние территории, пожелания к благоустройству, идентичность горожан и социально-демографические характеристики респондентов. Опросник включал как закрытые вопросы для получения количественных данных, так и открытые для компенсации дефицита качественного полевого этапа. Выборка в представленных условиях была стихийная: опросник распространялся силами администрации и через тематические группы социальной сети «ВКонтакте». Это приводило к перекосу в репрезентативности: как правило, среди респондентов оказывалось примерно 70% женщин и 30% мужчин, а также абсолютное большинство респондентов было возрастом 30–50 лет с минимальной представленностью более старших и более младших возрастных когорт. Однако в случае стихийной выборки репрезентативность невозможна. В результате для города в 10 000–20 000 жителей среднее число заполнивших — 300–400 человек.

СБОР ДАННЫХ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Несмотря на ограничения описанных исследований, автор постаралась собрать как можно больше классической антропологической «фактуры» теми методами, которые были возможны в сложившихся обстоятельствах. В частности, для выявления объектов коллективной памяти был задан ряд открытых вопросов, направленных как на индивидуальную память о местах и событиях, лично наблюдавшихся респондентом, так и на память историческую, не отражающую личного опыта человека, но воспроизводящую некий распространенный в городе нарратив.

Важной частью такой памяти стала память семейная: в городах с длительным проживанием семей большинства респондентов в данном месте (3–4 поколения и более в нашем случае) события и процессы столетней давности могут быть важной точкой сборки городской идентичности и чувства принадлежности. Морис Хальбвакс так описывает

подобные ощущения: «Когда я хочу представить себе, как тогда жили, как думали, мои мысли обращаются именно к ним [моим родителям]. Именно поэтому новейшая история интересует меня совсем иным образом, чем история прежних веков. Конечно, я не могу сказать, что помню все подробности событий, поскольку знаком с ними только по книгам. Но эта эпоха, в отличие от других, живет в моей памяти, поскольку я был в нее погружен, и многие мои воспоминания о том времени попросту являются ее отражением» [Хальбвакс 2005]. В случае же прерывания такой преемственности для жителей характерны скорее сюжеты из более давней, «книжной» истории, либо опора только на индивидуальную память и события, свидетелем которых стал респондент.

Ряд вопросов исследования был направлен на сбор того, что Пьер Нора назвал «местами памяти» [Нора 1999]: структуру городских достопримечательностей, городские календарные ритуалы, имена важных для города людей безотносительно исторической эпохи. Практика показала, что сюжеты, распространенные в городе, коррелируют с местами памяти, доступными горожанам: исторический эпизод, подкрепленный физическим (зданием, монументом и др.) или символическим объектом (официальное или неофициальное название улицы, района), имеет больше шансов на воспроизведение, чем отсутствующий в среде. Исключение могут составлять объекты индивидуальной памяти респондентов: отсутствие физического воплощения важного объекта, на который завязано чувство принадлежности, само по себе может оказаться местом памяти.

Таким образом, в этой статье мы разберем ответы на следующие открытые вопросы анкеты. Вопрос об *истории города* дает нам некоторый срез того, насколько горожане вообще рефлексировали по поводу исторического процесса, а также какого рода сведения — «исторические» или «личностные» — там преобладают. Вопрос о *важных для данного города людях* (как исторических деятелях, так и современниках), помимо вышеобозначенного, помогает понять, в какой контекст встраивают себя горожане, в каком масштабе мыслят свой город, существуют ли в местном дискурсе «демиурги» и другие персонифицированные обитатели локальных нарративов. Вопрос о *структуре городских достопримечательностей* («Куда бы вы повели иногороднего гостя?») позволяет выстроить «парадный фасад» города, его «экспортную» репрезентацию. Вопрос о *воспринимаемой уникальности города* был сформулирован вместо неэффективного вопроса «За что вы любите город Х?», ответом на который почти всегда было «потому что это мой дом, моя родина» и т.д. Также в опросник был встроен *ассоциативный эксперимент* («Назовите 3 образа или ассоциации с вашим городом»), раскрывающий те черты города, которые кажутся горожанам значимыми «изнутри», не для демонстрации прищельцу. Все эти ответы анализировались в том числе с точки зрения *давности проживания семьи респондента в данном городе*, что оказалось одним из ключевых факторов трансляции ло-

кального нарратива. Эпизодически мы будем обращаться к вопросам о территориях проектирования, их истории и индивидуальным воспоминаниям о них, если они значимы для общегородского исторического нарратива.

Обработка количественных ответов фактически велась качественными методами: ответы кластеризовались по смыслу с выделением ведущих мотивов и «обертонов», настроения и отношения горожан к обсуждаемым вопросам. Для определенного типа вопросов наглядным оказался метод представления результатов при помощи автоматической программы «облако слов», в котором размер слова зависит от его частотности. В данной статье приведены такие облака в тех случаях, когда они были репрезентативны. Орфография и пунктуация ответов, приводимых в качестве цитат, сохранены.

Города-участники Ленинградской области

Илл. 1. Ленинградская область и рассматриваемые в рамках кейсов малые города
Ill. 1. Leningrad region and the small towns examined within the framework of the cases

В первую весну работы ЦКЛО (2020 год) было проведено 7 исследований городов Ленинградской области, претендовавших на участие в конкурсе. Данная исследовательская ситуация, не позволяя глубокой работы с каждым городом в отдельности, тем не менее, дала редкую возможность сравнения идентичности и исторической памяти жителей городов одного региона на метауровне с использованием единой методологии.

Основанием категоризации этих городов мы взяли географическое положение (Илл. 1). Так, среди них есть спальные сателлиты мега-

полиса (Коммунар), приграничные города (Светогорск и Ивангород) и типичные «провинциальные» городки, строящие свою жизнь без доступа к инфраструктуре и символическому капиталу большого города (Волхов, Новая Ладога, Сясьстрой, Подпорожье). Это разделение также накладывает важный отпечаток на самоощущение жителей: мегаполис, как огромный магнит, «оттягивает» на себя как идентичность, так и рабочие и досуговые практики жителей городков-сателлитов; приграничный статус ведет к постоянному сравнению себя «с Европой» и возможности трансграничных практик (например, «челночному» бизнесу), а также самоощущению себя на защите «рубежей Родины»; остальные в своей идентичности больше опираются на себя и собственные ресурсы, чем на противопоставление себя кому-то еще (соседнему мегаполису или соседней стране).

Рассмотрим идентичность и историческую память жителей этих городов подробнее.

ПРИГРАНИЧНЫЕ ГОРОДА

Ивангород

Ивангород упоминается в русских летописях с XV века. Сейчас это небольшой приграничный городок с населением порядка 9 000 человек³, главная достопримечательность которого — крепость, основанная Иваном III для защиты от соседей-ливонцев. От эстонского города Нарва Ивангород отделяет два моста через реку Нарова с пограничными пропускными пунктами. Исторической застройки в городе почти не сохранилось, за исключением крепости (восстановлена после войны из сильно руинированного состояния) и жилого квартала Парусинка (вторая половина XIX века).

Ивангород связан с Ливонскими походами Ивана IV, Северной войной Петра I со шведами, сложной историей Гражданской войны, принадлежностью к Эстонской Республике в межвоенный период, а также с жестокими боями Второй мировой. После развала СССР Ивангород, фактически входивший в агломерацию с Нарвой, оказался «наживую» отрезан от соседа, что также отразилось в городской памяти.

Территориальное исследование касалось не исторического центра города, а рабочего района Кренгольмской текстильной мануфактуры — так называемой Парусинки, основанной бароном Александром Штиглицем на водопадах на реке Нарове. Исследование показало, что представления горожан об истории города вообще и городские нарративы о Парусинке — практически изолированные сюжеты, попадающие в разные «кластеры» восприятия. Карту важных для жителей объектов см. на *Илл. 2*.

³ Численность населения здесь и далее дана на 2020 год.

развала Советского Союза, сопряженная с разрывом связей с Нарвой и развалом инфраструктуры, общей для двух городов; местная история Гражданской войны 1918–1920 с эпидемией тифа, «белогвардейской Голгофой», боями новосозданной Красной армии с немецкими войсками и переходом Ивангорода к Эстонии; послевоенное строительство ГЭС, которая была важным источником как электроэнергии, так и рабочих мест. Фактически история города сводится к череде оборонных кампаний бесчисленных войн («оборонительный рубеж во все времена»⁴) и к двум периодам процветания, оба из которых связаны с функционированием текстильной фабрики. Отдельно стоит отметить, что хоть какую-то историческую информацию предоставило порядка 18% респондентов.

Так, респонденты отвечают на вопрос об исторических вехах следующим образом:

*Иван-3 становление Ивангорода, Петр1-окно в Европу, деятельность барона Штиглица, ленинская граница с Эстонией, Отечественная война, послевоенный расцвет и подъем жизнедеятельности, перестройка, упадок*⁵.

*Иван III, Русско-шведская война; Северная война, Эстонский Ивангород в первую мировую войну (1918); бои во время ВОВ*⁶.

*Принимал неоднократно участие в войнах с европейскими державами, странами и всякими орденами. Строительство ГЭС*⁷.

*Основание Иваном 3, оборонительный рубеж во все времена (ливонские, шведские, немецкие нападения). Походы Петра 1. Освобождение от фашистов во 2-ю мировую...у города богатейшая история. Новый толчок развития получил при бароне Штиглице*⁸.

*1492, год основания. 18 век «Северная война». послевоенное строительство ГЭС и советский период городов Нарва — Ивангород. 90е и закрытие границы с Эстонией, нынешняя разруха, если что и делается то это очень незаметно и город тонет*⁹.

*1. Строительство крепости. 2. Строительство градообразующих фабрик барона Штиглица и посёлка Парусинка. 3. Деградация и гибель всего вышеперечисленного*¹⁰.

На вопрос о важных для города и его истории людях ивангородцы ответили следующим образом (в порядке убывания частотности):

- барон Александр Штиглиц (также единичные упоминания его отца Людвига и супруги Надежды),

- Иван III,
- Петр I,
- Иван IV Грозный,

⁴ Жен., 60–69 лет, первое поколение. Здесь и далее в этом разделе данные приводятся по опросу «Ивангород–Парусинка» (апрель 2020 года, N=296) с сохранением орфографии и пунктуации информантов.

⁵ Муж., 60–69 лет, третье поколение.

⁶ Жен., 50–59 лет, первое поколение.

⁷ Муж., 40–49 лет, второе поколение.

⁸ См. сноску 4.

⁹ Муж., 20–29 лет, четвертое поколение.

¹⁰ Жен., 40–49 лет, четвертое поколение.

Как мы видим, семантическое ядро восприятия своего города у ивангородцев состоит из следующей комбинации: «крепость — граница, форпост — водопад — дом, родина — история — река, Нарова, берег — Парусинка — церковь, храм св. Троицы — развалины, разруха, руины». Получается, что жители воспринимают свой город через две основные призмы: как исторический город с соответствующим архитектурным наследием, а также через его уникальное географическое положение — границу, отмеченную рекой, и водопады. Интересно, что в семантическое ядро не попадает ни один исторический деятель, а также не входят ивангородские фабрики: приграничная история оказывается важнее истории промышленной. Также жителями тяжело переживается упадок своего города, его худшее состояние по сравнению с предыдущим периодом.

В ответах на вопрос об уникальности Ивангорода можно выделить следующие смысловые блоки:

- местоположение: «близость границы с Эстонией», «форпост», «визитная карточка России»,
- «история»,
- «крепость (две крепости напротив друг друга)»,
- «маленький город», «тихий», «спокойный», «уютный», «приветливый»,
- «водопады»,
- «архитектура», «фабрика», «парк», «крепость», «церковь»,
- «природа», «зеленый», «живописная местность», «чистый воздух»,
- «родина», «дом»,
- «разрушенность», «запущенность», «пьянь», «безнадежность».

Таким образом, горожане осознают уникальность Ивангорода и способ его репрезентации «наружу» в треугольнике «граница — историческое наследие — природные достопримечательности». Граница в данном случае оказывается важнее истории (в отличие от вопроса на ассоциации), а крепость сама по себе или в оппозиции к Нарвскому замку оказывается лишь на третьем месте.

Вопрос, направленный на выявление структуры репрезентирующих город мест в представлении горожан, формулировался как «Куда бы вы повели иногороднего гостя?». Были получены следующие ответы:

- в крепость,
- к водопаду,
- в церковь св. Троицы, в усыпальницу барона Штиглица,
- в парк Штиглица,
- на променад (прогулочная зона вдоль Наровы недалеко от автомобильного КПП — ОВ),
- на Парусинку в целом,
- на водохранилище,
- в городской музей,
- на канал, отделяющий район Парусинка.

Как мы видим, несмотря на низкую информированность тури-

Штиглица»¹⁴ и др. Иногда Александра Штиглица путают с его отцом Людвигом, а также респонденты зачастую сомневаются, являются ли жилые дома изначально жилыми или все же производственными;

- водопады: самые широкие в Европе; раньше использовались для работы фабрик: «Водопады были для работы фабрики»¹⁵, «Нарвские водопады были когда-то самые мощные в Европе по количеству воды — с уступа обрушивалось 2000 кубометров воды в секунду»¹⁶ и др.;

- пленные немцы, участвовавшие в восстановлении: «После войны этот район восстанавливали пленные немцы, они перестраивали прежние частные дома в квартирные, очень качественно строили»¹⁷, «Эту улицу строили пленные немцы еще первой мировой войны»¹⁸, «В ВОВ был разрушен, потом восстановлен пленными немцами»¹⁹. Как мы видим, жители расходятся во мнениях, после какой именно из мировых войн пленные помогали восстанавливать квартал, однако сам образ довольно стоек и характерен для ряда городов Северо-Запада России.

Таким образом, историческая память горожан относительно Парусинки в основном сводится к эпизоду основания квартала, личности основателя и к дореволюционной промышленной славе Парусинки: «Парусинка связана с именем барона Штиглица. Все что мы имеем, это его заслуга: развитие производства, музеев. Парусинка — весь большой исторический объект»²⁰. Память о ВОВ, привязанная к этому месту, практически отсутствует, равно как и какие-либо события советской истории.

Гораздо больше, чем исторических сведений, у горожан оказалось личных воспоминаний о Парусинке, основанных на собственном опыте и опыте своей семьи (то есть память о «новейшей истории», по Хальбваксу). Их можно разделить на следующие смысловые блоки:

- учреждения, которые раньше были расположены на территории;

- водопад и река: созерцание водопада («смотрели, как дают сирену»²¹ и пускают воду»²², «Первый раз увидела запуск водопада (тог-

¹⁴ Жен., 30–39 лет, первое поколение.

¹⁵ Жен., 40–49 лет, четвертое поколение.

¹⁶ Жен., 30–39 лет, третье поколение.

¹⁷ Жен., 50–59 лет, второе поколение.

¹⁸ Жен., 30–39 лет, второе поколение.

¹⁹ Жен., 40–49 лет, второе поколение.

²⁰ Жен., 50–59 лет, второе поколение.

²¹ Водопады на р. Нарова с момента запуска ГЭС стали использоваться для сброса излишков воды, т. е. функционировали не постоянно, а в случайные, с точки зрения горожан, моменты. Для предупреждения о «пуске» водопада давалась сирена, чтобы никто не остался в сухом обычно русле. Сейчас данная предосторожность не используется — вероятно, по причине того, что русло р. Наровы является приграничной территорией, и вход на нее запрещен постоянно безотносительно «работы» водопадов, которые по-прежнему «включают» в зависимости от потребностей ГЭС, что является важным туристическим аттрактором для жителей близлежащих территорий (Кингисеппа, Сланцев).

²² Жен., 30–39 лет, второе поколение.

да мне было 5 или 6 лет). Это одно из самых ярких воспоминаний»²³), исследование сухого русла, переход через реку к Кренгольмской мануфактуре по висячему мосту (ныне в руинированном состоянии, не используется);

- кипела жизнь: раньше это был многолюдный район, а сейчас он пришел в упадок; фабрика (Кренгольмская мануфактура), на которой в советские времена работали информанты или их старшие родственники, и связанные с этим сюжеты (например, выдача жилья от фабрики, хождение на работу через висячий мост и др.).

Таким образом, история Ивангорода для его жителей, в основном заселивших город не ранее конца 1940-х годов, оказывается в первую очередь «книжной», общероссийской, при этом воплощенной в городской среде, не связанной с повседневными практиками — об Иване III напоминает крепость, о Петре I — променады, которые оказываются «местами памяти».

Граница как преграда и приграничный статус оказываются ядром самовосприятия горожан. При этом частый для разделенных пополам городов мотив о соперничестве двух половин полностью вытесняется грустным мотивом «разделенных братьев», символизирующим для горожан крушение и катастрофу: наличие физической преграды (реки) вкупе с серьезной символической (государственной границей) не раззадоривает на соревнование, а печалит разорванностью.

Локальные нарративы концентрируются в основном в нецентральном районе: это эпоха процветания текстильной фабрики при ее основателе меценате Александре Штиглице, личные воспоминания горожан о послевоенной истории — работе на фабрике и взаимопроникновении двух городов — и ламентации о разрыве и постсоветской разрухе.

СВЕТОГОРСК

Светогорск²⁴ (бывш. Энсо, фин. Enso) — город на р. Вуокса на границе России и Финляндии в 6 км от финского города Иматра, с населением около 15 000 человек. Образовался в 1880-х годах вокруг первой в Финляндии картонно-бумажной фабрики (далее ЦБК), был спорной территорией между СССР и Финляндией во время Зимней, а после и Второй мировой войны, после чего отошел к СССР и был переименован в Светогорск (из-за наличия ГЭС). Население полностью сменилось с финского на советское. Историческая застройка (например, бывшая ратуша, ныне здание администрации) сохранилась фрагментарно и не выделяется из среды. Территорией под благоустройство была выбрана городская площадь у здания администрации — она не

²³ Жен., 14–19 лет, второе поколение.

²⁴ Не путать со Светлогорском Калининградской области. Автор приносит благодарность коллеге Георгию Медвинскому за обработку собранного материала по данному городу.

асфальтирована и даже не имеет отдельного названия. Расположение важных для горожан объектов см. на Илл. 5.

Илл. 5. План города Светогорск
Ill. 5. Plan of Svetogorsk Town

Семьи более половины респондентов живут в городе более двух поколений, из них 11,3% в течение четырех поколений: многие семьи живут в Светогорске с момента послевоенного заселения города, перешедшего к Советскому Союзу. Еще четверть респондентов ответила, что в городе живет два поколения их семьи, то есть как минимум такие семьи помнят советские времена.

На вопрос об истории города жители в первую очередь вспоминают, что раньше город был финским и назывался Энсо. О досоветской истории поселка распространяются гораздо меньше — только некоторые упоминают, что ЦБК и ГЭС были построены при финнах. Примечательно, что нарративы о ГЭС у светогорцев оказываются глубоко вторичными на фоне историй о ЦБК (в отличие от волховчан и подпорожцев, см. далее) и актуализируются в историческом контексте исчезающе редко. Гораздо важнее для горожан, что Энсо перешел к РСФСР после Советско-финской войны или после Второй мировой войны (здесь мнения расходятся), после чего был переименован в Светогорск и получил статус города. Советская история известна жителям гораздо подробнее: они выделяют очереди строительства и реконструкции комбината, постройку жилых и инфраструктурных объектов, в том числе в сотрудни-

честве с финской стороной: «модернизация комбината и строительство домов в городе в рамках сотрудничества с Финляндией (Кекконен и Косыгин)»²⁵. 1990-е годы связаны с приватизацией комбината иностранными инвесторами, а также с разрушением ряда важной для горожан инфраструктуры. Кроме того, многие жители выделяют современный этап, характерный открытием трансграничного перехода, давшего возможность ездить в близлежащий финский город Иматра.

Также в Новейшее время атаке подвергся символический капитал светогорцев: поселение, получившее после войны новое, русское имя и статус города, теперь городской статус как бы потеряло: с 2006 года оно именуется «Светогорское городское поселение», что фрустрирует жителей: «Энсо — финская история, Светогорск — советская! Сейчас — в российское время — *поселение, а не город!* Обидно»²⁶.

В целом основные вехи перечисляют так:

Бывший поселок Финляндии, *захваченный* в процессе войны с этой страной. Реконструкция ЦБК, постройка многоквартирных домов и объектов соц. или спорт.назначения. Некоторые из них теперь *недееспособны*, типа трамплина²⁷.

Строительство бумажной фабрики. Строительство плотины. *Отторжение территории* в пользу СССР. Дальнейшее развитие ЦБК. Упадок 90-х. Объединение с Лесогорским. Открытие МПП [международного пункта пропуска]²⁸.

Важно упомянуть, что ряд респондентов в ответ на вопрос об истории города отдельно высказался, что такой вопрос неуместен, не нужен в опроснике про благоустройство и практически неприличен. Подобные ответы разово возникали во всех проведенных опросах, но сравнительно высокая их частотность для Светогорска подтверждает полевые ощущения исследователя того, что финское прошлое для российских жителей города как минимум проблематично: нет консенсуса, как относиться к этому факту (появление этого города на советской территории связано с дипломатическими скандалами и описывается самими жителями в терминах «захвата», «отторжения»), особенно на фоне современного разительного контраста инфраструктуры и уровня жизни в Светогорске и соседней финской Иматре, в которую горожане часто ездят отдыхать.

В числе наиболее важных для города людей лидерами оказались следующие (в порядке убывания частотности):

- пограничник А. Д. Гарькавый,
- старший тренер дома спорта А. Г. Дибривный,
- руководитель музея Л. Ф. Лисова — «хранитель истории города»,
- бывший мэр Светогорска конца 1990-х Н. М. Пермяков,

²⁵ Муж., 30–39 лет, первое поколение. Здесь и далее в разделе цитаты даны по опросу «Светогорск, Центральная площадь» (сентябрь 2020 года, N=661).

²⁶ Жен., 60–69 лет, второе поколение.

²⁷ Муж., 50–59 лет, третье поколение.

²⁸ Муж., 50–59 лет, второе поколение.

- советский писатель и местный пограничник Л. В. Канторович,
- пограничник А. Коробицын,
- председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин — сооснователь очереди ЦБК, участник советско-финского сотрудничества 1970-х годов,

- основатели города и ЦБК Карл Август Стандершкёльд и его сын Ади Стандершкёльд.

Также среди упомянутых жителями — руководители ЦБК разных периодов, директор школы И. Н. Думава, футболист «Зенита» Александр Кержаков, игравший в юности за команду «Светогорец», заслуженные тренеры Виктор Пестов²⁹ и Михаил Рассадников, историк А. А. Осмаков, участница ВОВ и инженер-технолог Д. Н. Ковалева и другие деятели городского масштаба.

Как мы видим, ядро значимых людей включает в себя в первую очередь либо предвоенных пограничников, имена которых символически воплощены в пространстве названиями улиц, либо современников, приносящих пользу жителям города (особенно спортсменам). Основатели Светогорска — почти единственные представители финского периода в этом списке; кроме того, они находятся далеко не на первом месте, а написание их фамилий регулярно искажается. При этом примечательно, что в топ персоналий попали два представителя историко-краеведческой сферы: по-видимому, запрос на историческую идентичность у горожан все же есть, но он оказывается делегирован профессионалам.

Что касается первых ассоциаций со Светогорском, горожане дают следующие ответы (Ил. 6).

Хорошо заметны четыре семантических кластера:

- граница: «граница», «Финляндия», «Энсо»;
- промышленность и связанные с ней аспекты: «комбинат», «ЦБК», «ГЭС», «бумага», «завод». Отдельно горожане обращают внимание на заводские выбросы, которые действительно пронизывают весь город, что было выяснено на полевом выезде («запах», «вонь»);
- природа: «Вуокса», «природа», «лес», «река», «озеро»;
- образ дома и малой родины: «родной», «городок», «город», «родина», «светлый», «спокойный».

Таким образом, из общих ассоциативных ответов вырисовывается образ города на государственной границе с доминантой природного аспекта и важным градообразующим предприятием, которое, по мнению горожан, не отличается благоприятными экологическими характеристиками. Кластер «малая родина» выделяется практически у всех рассмотренных городов и большого интереса не представляет, а вот сюжет со связкой «комбинат — вонь»³⁰ может оказаться продуктивным.

²⁹ Годом ранее проведенного опроса, осенью 2019 года, Пестов был осужден за насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего. Тем не менее, он все равно попал в список важных людей города — либо эта история была неизвестна респондентам, либо они не считали его виновным, либо его тренерские заслуги перекрывали в глазах горожан его преступление.

³⁰ Примечательно, что администрация г. Светогорска настаивала на исключении этого аспекта из отчетного документа, однако исследователям удалось настоять на сохранении корректных

обратил их внимание на запах, который они, возможно, не замечали бы, останься завод полностью отечественным.

Уникальность Светогорска жители описали следующим образом (Илл. 7).

Илл. 7. Светогорск, ответ на вопрос «В чем уникальность Светогорска?»
 Ill. 7. Svetogorsk – response to the question “What makes Svetogorsk special?”

Здесь из трех смысловых доминант фактически остается одна — это приграничный город рядом с Финляндией. Остается признак размера (*маленький, компактный, городок*), не уходит полностью ЦБК — но факт приграничности абсолютно доминирует. При этом оказывается важным, что за страна находится по ту сторону границы: Финляндия артикулирована у светогорцев гораздо отчетливее, чем Эстония у ивангородцев.

К слову, факт приграничного статуса города важен не только тем, что оттуда легко и быстро можно попасть в Финляндию (до пандемии жители часто ездили³¹ в Иматру на велосипедах, поскольку расстояние между городами менее 10 км, и это действительно уникально для русско-финской границы, которую петербуржцы обычно переходят на автомобильном пропускном пункте «Брусничное» под Выборгом), но и тем, что не имеющим светогорской прописки гражданам сложно попасть в город: для этого требуется либо открытая виза, либо письмен-

³¹ Сейчас, пожалуй, все трансграничные практики в Ленинградской области стоит упоминать в прошедшем времени.

стерло историю»³². Все, что горожане могли о ней сказать, относится скорее к личным или семейным воспоминаниям или является исторической памятью, по Хальбваксу [Хальбвакс 2005]: парады, демонстрации, различные официальные праздники; собственные выступления с трибуны или сцены, воспоминания об организованных развлекательных мероприятиях; новогодние гуляния, ярмарки, детский городок; факт ее благоустройства стройотрядовцами в 1980-е годы.

Здесь проявляется мотив, который уже встречался нам в Ивангороде и встретится еще во всех остальных городах — мотив славного прошлого и «разрухи» в настоящем. В ответах жители подчеркивают, что в советские времена это был символический центр города («парады», «трибуна», «праздники»), некоторые вспоминают финские довоенные ярмарки, а сейчас — «ничего»:

*У финнов на ней были ярмарки, в советское время демонстрации и митинги 7 ноября и 1 мая, сейчас пустырь*³³.

*Воспоминания хорошие, была и детская площадка и елка зимой, горки снежные и деревянные, гулянья в новогодние дни.. а сейчас пустота!!*³⁴

Получается, что Светогорск сейчас — это город со «стертым центром»: вместо центральной площади, регулярно подтверждающей групповую принадлежность жителей — пустырь, вместо исторической памяти — несколько конфузная история с переразделом границ во времена после Финской и Великой Отечественной войны («этнический компонент» живших здесь ранее финнов до сих пор не приветствуется в официальном дискурсе города), вместо всецело «своего» ЦБК, которым можно гордиться — уже не очень «свое» предприятие, которое портит в городе воздух. Остаются только герои-пограничники и местные деятели, на которых можно опереться, и соседняя страна, воплощенная в близлежащем городе, от которой удобно отстраивать восприятие себя.

Города Южного Приладожья и Присвирья

Новая Ладога

Новая Ладога — город у впадения р. Волхов в Ладожское озеро, с населением около 8 000 человек. Он отличается от почти всех остальных в нашей выборке: он и самый маленький, и сохранность исторической застройки в центре у него значительная, и давность проживания семейств в городе гораздо больше, чем в остальных рассматриваемых городах, заселенных в разные периоды советской власти (около

³² Жен., 50–59 лет, первое поколение.

³³ Жен., 50–59 лет, четвертое поколение.

³⁴ Жен., 20–29 лет, третье поколение.

трети опрошенных семей живет в Новой Ладоге с дореволюционных времен). Также примечательно, что в опросе поучаствовало некоторое количество респондентов, переехавших из Новой Ладоги, но сохраняющих с ней связь и желающих влиять на ее благоустройство.

Илл. 9. Общий план Новой Ладоги
Ill. 9. General plan of Novaya Ladoga

Новая Ладога как поселение была заложена Петром I в 1704 году в противовес находящемуся выше по течению Волхова средневековому поселению Ладога, которая после появления Новой стала называться Старой. Город поставили под стенами находившегося недалеко от устья Волхова Николо-Медведского монастыря (его собор сохранился до наших дней, замыкает центральный проспект). В городе основали судостроительную верфь, а вдоль южного берега Ладожского озера по указу Петра прорыли судоходный канал (Петровский), чтобы уберечь корабли от прихотливой ладожской погоды. Через 150 лет параллельно ему прорыют следующий, более широкий и современный канал, и они получат названия Старо- и Новоладожского (сейчас существуют оба, хотя Староладожский уже давно не судоходный). Расположение Новой Ладоги относительно водных артерий см. на Илл. 9. В XIX веке Старая Ладога была купеческим уездным городом, а после революции наиболее примечательна ее роль в поддержке сообщения с блокадным Ленинградом — установка так называемой Дороги жизни.

План центра Новой Ладogi с важными для горожан объектами см. на Илл. 10.

Илл. 10. Центр Новой Ладogi
 Ill. 10. Center of Novaya Ladoga

Поскольку Новая Ладoga — один из немногих городов нашей выборки, основанный задолго до СССР и сохранивший часть исторической застройки, история — это главный социальный капитал города в отсутствие доминантных градообразующих предприятий. Жители Новой Ладogi выделяли в истории города гораздо более разнообразные периоды, чем в других местах. Так, наиболее актуализированными являются следующие эпизоды и связанные с ними места (в порядке убывания частотности):

- Ладoga в период ВОВ, Ладожская флотилия и Дорога жизни, адмирал Чероков;
- 1704 (год основания, рождение города, указ Петра I), строительство судовой верфи;
- Суворов, екатерининская эпоха, размещение Суздальского полка;
- 1719, 1861 годы, строительство каналов;
- разруха 1990-х, перестройка, гибель исторических памятников в наше время;
- купечество, экономический расцвет, золотая пора, процветание, уездный город;

- развитие в поствоенный индустриальный период;
- Николо-Медведский монастырь, допетровская история;
- довоенный советский период, судоремонтный завод, колхоз Калинина.

Кроме разнообразия, история Новой Ладоги гораздо явственнее *персонализирована*: в свернутом виде для жителей она укладывается в трехчастную формулу «Новая Ладога — город трех эпох (Петр I, Суворов, Чероков)». Три эпохи, три века тоже очень важны: это отсылка к «большому брату», Петербургу, родившемуся по воле того же человека годом раньше.

Итак, за первой эпохой с лицом Петра стоит основание города, строительство судовой верфи (ради которой город, собственно, и был основан) и строительство первого, Петровского (позже Староладожского) канала. К слову, к тому моменту в окрестностях уже существовали верфи на р. Сясь и р. Свирь, однако современные жители этих территорий по-разному обращаются с таким наследием: например, Сясьстрой почти не помнит о своей верфи, поскольку у него есть более актуальный сюжет с «первоЦБК», о чем см. далее, а Лодейное Поле, наоборот, старается оправдывать свое название и апеллирует к петровской истории и судостроению. Примечательно также, что одна часть респондентов знала о значительном временном расстоянии между строительством старого и нового каналов и даже зачастую приводила годы, а другая уверена, что Петр построил сразу два канала.

Вторая эпоха — екатерининская: с ней связан излюбленный в городе сюжет о том, как в Новой Ладоге был расквартирован Суздальский пехотный полк под командованием полковника А. В. Суворова. Также стоит отметить, что полк имел отношение и к соседним Сясьским рядкам, и этот сюжет в Сясьстрое также существует, однако скорее в «демонстрационном» варианте локальной истории.

Наконец, подвиг периода Великой Отечественной войны и снабжение блокадного Ленинграда продовольствием и боеприпасами по льду Ладоги зимой (известный не только в Приладожье, но и в Петербурге сюжет так называемой Дороги жизни) и маломерными речными баржами летом — самая актуализированная страница истории города.

Эпоха Петра I (строение 2х каналов), Ладога православная (до революции было 7 храмов)³⁵.

Прибывание в НЛ Суздальского полка под командованием А. В. Суворова. В годы ВОВ — дорога жизни, Наш город — город Воин³⁶.

Стоит отметить, что все три упомянутые эпохи имеют физическое воплощение в городе и вполне осязаемые места памяти: ВОВ обширно представлена на параллельной главному проспекту набережной

³⁵ Жен., 70+ лет, первое поколение. Здесь и далее до конца раздела цитаты приведены по опросу «Новая Ладога, пр. Карла Маркса» (апрель 2020 года, N=333).

³⁶ Жен., 70+ лет, третье поколение.

Ладожской Флотилии — как самим этим названием и перпендикулярной ей улицей Черокова, так и рядом военных мемориалов вдоль Волхова, включая поставленный на сушу военный тральщик и буксирный пароход; о Петре напоминает и само устройство центра города — два проспекта вдоль Волхова с перпендикулярными улицами, и Староладожский канал, и бюст императора у моста через этот канал; о Суворове — его бюст на центральном проспекте, а также сохранившиеся казармы Суздальского полка и здание офицерского собрания.

При этом, в отличие от остальных рассматриваемых городов, «золотой век» приписывается не советскому периоду, а некоей вневременной дореволюционной «купеческой Ладоге». Лицезреть ее также можно в самом центре: вдоль главного проспекта идут купеческие особняки конца XIX века, а в конце проспекта расположены церкви, построенные на деньги местных меценатов, и историческое кладбище под стенами бывшего монастыря.

Также в теме про историю горожане часто жалуются на упадок города после развала СССР, особенно на исчезновение исторических зданий в последние десятилетия (в городе распространена не только кирпичная, но и деревянная историческая застройка, которая в последние годы часто горит, и горожане подозревают, что не сама по себе):

1) Николо-Медведский монастырь , 2) эпоха Петра 1 (зарождение) , 3) эпоха Екатерины (процветание) , 4) ВОВ (ладожская флотилия , дорога жизни) , 5) послевоенное поднятие производств , 6) времена до перестройки(строительство пятиэтажек и работа всех предприятий), 7) период до 2000-х *разрывывание всего* , 8) СЕГОДНЯ- попытка что- то воссоздать!!!!?³⁷

Основание и становление, расцвет купечества, ВОВ,- подвиг города. И к сожалению постепенное превращение в *забытый провинциальный город*³⁸.

Храмы, строительство каналов, Суворов, блокада и *постепенная разруха*³⁹.

Купечество, Великая отечественная война, *современная разруха*⁴⁰.

1. Основание города. 2. Пребывание Суздальского полка Суворова. 3. Война, главная база Ладожской флотилии 4. 2014-2020 *Упадок и гибель исторических памятников*⁴¹.

Основание Петром первым, Суворовский полк, судоходные каналы, Дорога жизни и Ладожская флотилия, *разруха и запустение*⁴².

Что касается персоналий, самыми важными для города людьми ладожане называли следующих (в порядке убывания):

• А. В. Суворов,

³⁷ Муж., 40–49 лет, переехавший из Новой Ладоги.

³⁸ Жен., 50–59 лет, первое поколение.

³⁹ Жен., 40–49 лет, третье поколение.

⁴⁰ Жен., 40–49 лет, второе поколение.

⁴¹ Муж., 40–49 лет, второе поколение.

⁴² Муж., 40–49 лет, первое поколение.

- Петр I,
- В. С. Чероков, адмирал, командующий Ладожской флотилией,
- Екатерина II,
- О. П. Крылов, на протяжении 40 лет руководитель комбината «Волховхлеб»,
- А. Н. Суханов, герой войны и бессменный председатель рыболовецкого колхоза им. Калинина,
- купцы-меценаты, купечество,
- С. М. Киров, первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б),
- Н. Ф. Кулагин, купец и меценат, и его семья.

Как мы видим, абсолютные лидеры списка — три персоналии общероссийского значения, которые при этом имеют прямое отношение к городу и репрезентируют собой три основные эпохи жизни города на внутренней исторической карте жителей. Любые другие деятели собирают не более пары десятков упоминаний. Среди них есть как другие «общероссийские» личности (Екатерина II, С. М. Киров), так и деятели местного значения, так или иначе послужившие на благо города.

При этом ни Екатерина II, ни Киров не имеют настолько прямого отношения к городу, как три первых личности, а кроме того, Киров гораздо менее значим для Новой Ладоги, нежели чем для Сясьстроя и Волхова, для которых он функционально является героем-демиургом (в Новой Ладоге эта функция закреплена за Петром I). Возможно, первый секретарь Ленинградского губкома не забыт горожанами из-за того, что связанное с ним место памяти оказывается в наиболее символически нагруженной локации: центральная площадь посередине главного проспекта носит его имя, и там же находится памятник ему. Примечательно, что существует городской нарратив о том, что Киров сейчас стоит на постаменте бесследно утраченного после революции памятника Александру II (который тоже возникает в воспоминаниях горожан, но в единичных случаях).

Для понимания внутреннего «портрета» города обратимся к вопросу о трех ассоциациях (Ил. 11).

Как видно из схемы, ядро самовосприятия у горожан водное: озеро (естественно, Ладожское, но либо это настолько самоочевидно для жителей, что не требует уточнений, либо таким образом респонденты избегали омонимии Ладоги-озера и Ладоги-города), каналы, корюшка — традиционная местная рыбка. Полевая работа также свидетельствует о различных водных практиках ладожан: например, в городе существует школьный яхт-клуб, через который в детстве прошли многие горожане, и парусный опыт является объединяющим совместным переживанием.

Любопытно, что при этом некоторым респондентам доступа к воде не хватает: «Кругом вода, но выходов к ней почти нет». Скорее всего, это относится к подходам к самому Ладожскому озеру: оно оказывается фактически отрезано от города каналами, и попасть в него можно либо по воде через устье Волхова, либо через разводной понтонный мост через Новолadoжский канал (поскольку канал по-прежнему судоходный, стационарных мостов через него почти нет на всем его протяжении).

III. II. Novaya Ladoga — response to the question “Name 3 first associations with Novaya Ladoga”

Остальные доминирующие кластеры воспроизводят важные для горожан исторические мотивы – Суворов, Петр I, Дорога жизни.

Уникальность Новой Ладogi жители практически безвариантно видят в ее истории (иногда в сочетании с природой, тишиной, необычным географическим положением). Смысловые блоки этой безоговорочной исторической ценности можно выделить следующие⁴³.

- купеческий уездный город, «законсервировавший» ушедшую эпоху и поэтому не имеющий аналогов. В подобных нарративах часто возникает мотив «необходимо сохранять и восстанавливать»:

Это сохранившийся вид и *дух уездного города* Российской Империи⁴⁴.

В Ладогe жизнь течет по законам 19-го века именно в ее самобытности ее ценность⁴⁵.

⁴³Что характерно, все эти мотивы исследователь услышал еще при первом знакомстве с городской администрацией – нечастый случай общности дискурсивного поля (как правило, представления о городе у его администрации и жителей в какой-то степени расходятся, иногда довольно значительно). Возможно, на это повлияли в том числе небольшие, «концентрированный» размер города и местное происхождение сотрудников администрации.

⁴⁴Жен., 50–59 лет, второе поколение.

⁴⁵ Жен., 50–59 лет, третье поколение.

Город сохранил стиль и образ жизни 200 летней давности. Такого нигде нет⁴⁶.

Единственный в области город, сохранивший ансамбль и ауру старинной купеческой улицы⁴⁷.

Это хорошо сохранившийся купеческий город со своей уникальной историей, которую нужно сохранить, а иначе её мы можем потерять безвозвратно⁴⁸.

Новая Ладога -старый купеческий город, который может потерять свою уникальность. Исторические здания ветшают, они горят и рушатся. Кафешки, киоски с сувенирами и магазины – не то ради чего поедут туристы. Нужно восстанавливать исторический облик города⁴⁹.

В Новой Ладого, можно сказать, собраны (были) старинные дома, церкви, но всё пришло в упадок, в разруху. Уникальность и в тоже самое время отличие Новой Ладого от других городов в её людях – они ЛЮБЯТ свой разрушающийся город!⁵⁰

• ансамблевость застройки, визуальное единообразие среды, что подспудно апеллирует к «старшему брату» — Петербургу, на который ладожане часто оглядываются. Важный пункт эксплицитного сравнения с Петербургом — «города-ровесники» (Новая Ладога основана на год позже Петербурга):

Город-музей под открытым небом, уютный, зелёный, тихий, небольшой⁵¹.

Новая Ладога являлась музеем под открытым небом. В ней даже на сегодняшний день сохранились дома, построенные в разные исторические эпохи⁵².

Это единственный старинный русский город в Ленобласти, в котором сохранился исторический центр как ансамбль, а не отдельные дома. Здесь можно погрузиться в 19 век в лучшем смысле слова. В этом Новая Ладога похожа на Петербург, и это ее качества надо охранять так же строго, как это делают в Петербурге⁵³.

Город основан Петром 1, наш город ровесник Санкт Петербургу⁵⁴.

Примечательно, что в этом вопросе практически не возникала тема конкретных исторических эпох или персоналий: все высказывания апеллируют либо к текущему визуальному облику города (ансамблевое сочетание множества старинных зданий), либо к статусному сравнению с Петербургом, либо к тому и другому сразу. Исходя из нашего метаисследования, горожан в целом можно понять: в Волховском районе действительно больше нет исторических городов этой эпохи в хорошей сохранности, а Староладожская крепость относится к перио-

⁴⁶ Жен., 40–49 лет, третье поколение.

⁴⁷ Муж., 40–49 лет, переехал из Новой Ладого.

⁴⁸ Муж., 20–29 лет, переехал из Новой Ладого.

⁴⁹ Жен., 30–39 лет, третье поколение.

⁵⁰ Муж., 60–69 лет, переехал из Новой Ладого.

⁵¹ Жен., 40–49 лет, четвертое или более поколение.

⁵² Жен., 40–49 лет, третье поколение.

⁵³ Жен., 40–49 лет, переехала из Новой Ладого.

⁵⁴ Жен., 60–69 лет, первое поколение.

ду Древней Руси. Поэтому получается, что ближайший игрок на поле «исторической статусности» — это Петербург, сравнение с которым автоматически повышает престиж города в глазах жителей. Важным оказывается и то, что параметров общности сразу несколько: один возраст, один отец-основатель всероссийской величины, сходный тип застройки (пускай и несопоставимого масштаба).

Также любопытно, что во всем опросе ни разу не встречается упоминаний Старой Ладogi, горожане никак не комментируют, почему их Ладога — Новая. Несмотря на то, что Новая Ладога фактически борется со Старой за внимание туристов (и проигрывает), Старая Ладога оказывается вычеркнута из дискурсивного поля новолadoжцев. Почти то же самое происходит со Старой Ладогой и в глазах ее ближайшего соседа — города Волхова (см. далее).

Для Новой Ладogi характерно еще одно значимое отсутствие. В отличие от большинства других рассмотренных здесь городов, Новая Ладога никогда не сомневалась в собственном статусе города. Вероятно, этому поспособствовало ее появление не путем хаотического роста из деревни или поселка, а волей императора по четкому геометрическому плану. Поэтому ни размер (самый маленький из рассмотренных), ни официальное наименование «Новолadoжское городское поселение», ни отсутствие крупных производств, ни отсутствие фонтана (все то, что заставляет ее соседей сомневаться в своем городском статусе) не смущает горожан — у них был герб, каменное строительство и статус уездного города задолго до возникновения на карте большинства соседних населенных пунктов. Кроме того, нахождение в одном символическом поле сравнения с Петербургом, вероятно, поднимает Новую Ладogu в глазах жителей над всеми этими более «приземленными» доказательствами городского статуса.

Еще видно, что практически ни в каком контексте в ответах горожан не появляются никакие производственные объекты, хотя в городе они существуют (кроме, косвенно, «Волховхлеба» и рыболовецкого колхоза, чьи бессменные главы оказались в ряду наиболее важных для города людей). Исторически Новая Ладога возникла, как мы бы сейчас сказали, именно как индустриальный поселок: основным объектом была верфь, а основной задачей — обеспечение водной коммуникации (канал, шлюзы). В Великую Отечественную войну верфь была единственной на Ладогe ремонтировавшей суда Северо-Западного пароходства и Лadoжской военной флотилии, сражавшихся за Ленинград — но флотилия есть в памяти горожан, причем на доминирующих позициях, а верфи нет. Примечательно, что верфь (правда, уже скорее судоремонтная, нежели судостроительная) функционирует и сейчас. Однако престиж исторического города с сохранной застройкой полностью «перекрывает» для жителей любой другой, в том числе престиж индустриальный. Это разительно отличает Новую Ладogu от всех остальных рассмотренных здесь городов (хотя для Ивангорода его промышленная слава — тоже, некоторым образом, исторический сюжет).

Ладожское озеро-носок»⁵⁵. При этом многие, особенно старожилы, сокрушаются о текущем состоянии достопримечательностей: «в разруху гостей не приглашают»⁵⁶, «теперь уже никуда, смотреть страшно»⁵⁷, «Сейчас мне стыдно за город. Я повел бы их на рыбалку»⁵⁸ и т. д.

Итак, Новая Ладога принципиально отличается от остальных рассматриваемых городов Ленобласти по ряду параметров и гораздо больше похожа на прототипическое поле для исследований исторической памяти — удовлетворительно сохранная историческая застройка, компактный размер, достаточная провинциальность (что способствует сохранению «ядра» коренных семей и отсутствию массовой приточной миграции), хорошая осведомленность жителей о «славном прошлом» и глубокая приверженность их к родному городу дают нам классическую картину богатого локального текста. Самоощущение ладожан строится на трех веках истории («Петр–Суворов–ВОВ»), сравнении с Петербургом, ценности «остановившегося времени» купеческого городка и застройки, которая его репрезентирует — фактически весь центр является совокупностью мест памяти. Поэтому для горожан тем больнее видеть современное состояние большинства исторических зданий: это не просто сожаление о недостаточно эстетичной городской среде — это ощущение угрозы центральному элементу городской идентичности.

Сясьстрой

Сясьстрой — город с населением порядка 12 000 человек на р. Сясь: второй от Невы после Волхова реки, впадающей с юга в Ладожское озеро. Сясьстрой основан как рабочий поселок при Сясьском целлюлозно-бумажном комбинате в 1927 году. Историческое поселение к северу от центра Сясьстроя — деревня Сясьские рядки (ныне в черте города), омываемая с севера судоходными каналами, построенными частью при Петре I, частью в XIX веке для упрощения судоходства по беспокойному Ладожскому озеру. Дореволюционная застройка почти не сохранилась, из наиболее старой застройки — деревянные рабочие бараки 1920-х годов, периода основания комбината. План Сясьстроя см. на *Илл. 13*.

Вопрос о давности проживания семьи в городе показал, что семьи примерно трети респондентов живут в городе четыре поколения и более, а еще 40% — начиная с бабушек и дедушек, т. е. получается, что многие семьи живут в Сясьстрое с момента строительства комбината и заселения рабочего поселка.

В восприятии жителями истории города наиболее актуализированным оказывается сюжет строительства в 1927 году «первенца цел-

⁵⁵ Жен., 50–59 лет, третье поколение.

⁵⁶ Жен., 50–59 лет, четвертое или более поколение.

⁵⁷ Жен., 70+ лет, четвертое или более поколение.

⁵⁸ Муж., 50–59 лет, второе поколение.

люлозно-бумажной промышленности СССР», Сясьского комбината, и возникновения вокруг него рабочего поселка — «поселка бумажников». Также заметная часть респондентов отмечает, что на месте Сясьстроя до строительства комбината находилась деревня Носок (правда, есть предположение, что ряд респондентов ответили на этот вопрос, скопировав первую строку из соответствующего раздела «Википедии», и деревня Носок на самом деле не является настолько распространенным знанием об истории города). Еще ряд респондентов упоминает роль Сясьстроя в Великой Отечественной войне: героев-фронтовиков, проживавших в городе, Дорогу жизни, выпуск комбинатом боеприпасов.

Илл. 13. План города Сясьстроя
Ill. 13. Plan of Syasstroy Town

Гораздо менее актуализированной оказывается история «до комбината»: некоторые респонденты упоминают историческую деревню Сясьские рядки, которая теперь входит в черту города; судовой верфь, рыбаков и расквартированный в Сясьских рядках полк Суворова. Также некоторые вспоминают об этимологии, связывая название «Сясь» с «комариным местом», «комариным краем».

Что интересно, «докомбинатная» (и вообще дореволюционная) история оказывается гораздо актуальнее для практик саморепрезентации «чужому», чем для собственного восприятия своей истории. Это может быть связано с тем, что «старая» история кажется жителям важным «экспортным» дискурсом, тогда как для собственного употребления гораздо важнее та часть истории, которая связана с историей семьи [см. Хальбвакс 2005] — а последняя, в свою очередь, связана именно с появлением комбината.

Что касается важных для города людей, наиболее популярными ответами оказались:

- местные уроженцы, герои ВОВ Петр Лавров и В. А. Голубев;
- Жорес Алферов, проживавший со своей семьей в Сясьстрое, когда его отец работал директором ЦБК;
- В. А. Маслов, местный уроженец, скульптор, увековечивший многих известных земляков.

Также респонденты упоминали следующих лиц:

- строители и директора ЦБК: М. А. Деревянкин, руководитель стройки молодого города и его градообразующего предприятия (также горожане порой упоминают С. М. Кирова, курировавшего процесс); директора ЦБК К. И. Хайдуков, Г. А. Суханов (заметим, что один из важных для Новой Ладоги людей носил ту же фамилию);
- люди, послужившие на благо этому месту: купец Каялин — местный меценат; экс-глава администрации Сясьстроя А. М. Белицкий;
- педагоги: директор ДМШ Г. И. Щукин, основательница организации спортивного туризма Е. С. Халтурина, директор школы № 2 М. П. Корочкин;
- деятели культуры: редактор и фотокорреспондент местных газет Р. И. Филимонов, бард Ю. А. Кукин, юный вокалист Азер Насибов;
- «герои нашего времени»: герой чеченской кампании А. И. Нелов.

В Сясьстрое мы видим в списке значимых людей редкое сочетание как «этиологических героев», связанных с ЦБК, и героев ВОВ, так и деятелей науки и культуры российского и местного масштаба. Как правило, для индустриальных городков более характерны персоналии, связанные с местным производством и военной историей (они лидируют и в Сясьстрое), тогда как деятели других сфер привлекают куда меньшее внимание.

Территорией для исследования оказался символический центр города — парк на высоком песчаном берегу р. Сясь под вернакулярным названием Сосновый бор⁵⁹, что важно для понимания дальнейшего рассказа.

Образ Сясьстроя на основании трех первых ассоциаций с городом выглядит следующим образом (Илл. 14).

Как мы видим, в ядро ответов попали следующие явления или образы:

- природа: «пляж», «Ладожское озеро», «парк», «сосны», «сосновый бор», «река Сясь», «каналы» (имеются в виду Старо- и Новосясьский и Старо- и Новосвирский каналы), «корюшка»;
- Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат и его продукция: «комбинат», «ЦБК», «СЦБК», «туалетная бумага»;
- образ спокойного дома: «Родина», «дом», «спокойствие», «тишина», «детство», «друзья».

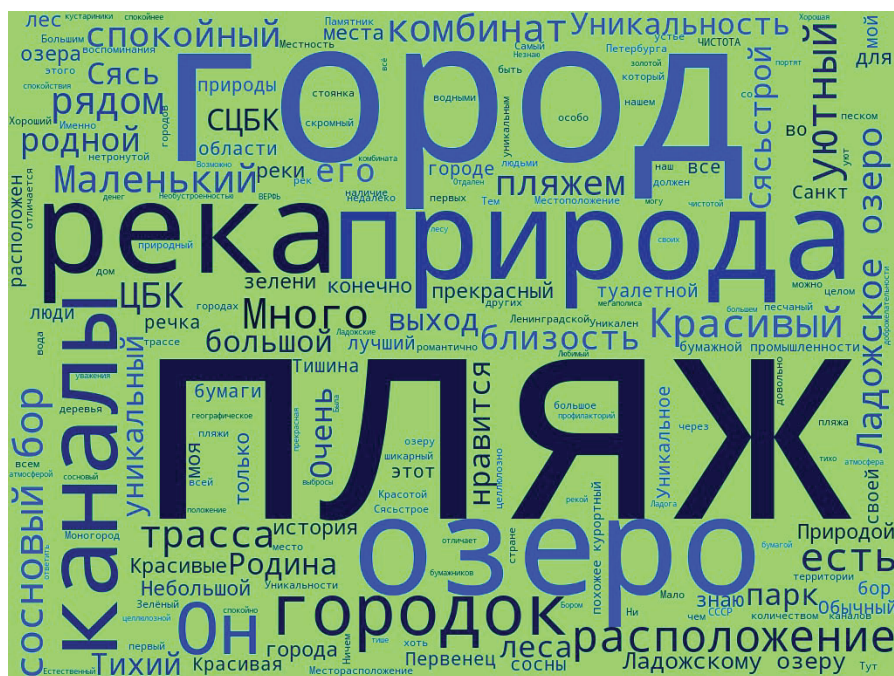
Таким образом, из общих ассоциативных ответов вырисовывается довольно позитивный образ города с доминантой природы и важным градообразующим предприятием (при этом сочетание чистой природы и вредного производства не рефлексировалось).

⁵⁹ Не путать с городом Сосновый бор в Выборгском районе Ленинградской области.

Илл. 14. Сясьстрой, вопрос «Назовите 3 первых ассоциации с Сясьстроем»
 Ill. 14. Syasstroy – response to the question “Name 3 first associations with Syasstroy”

В ответ на вопрос об уникальности Сясьстроя, его отличия от других городов картина получается следующей (Илл. 15).

Илл. 15. Сясьстрой, вопрос «В чем уникальность Сясьстроя?»
Ill. 15. Syasstroy – response to the question “What makes Syasstroy special?”

Как мы видим, уникальность Сясьстроя в восприятии его жителей заключается в первую очередь в его расположении («Ладожское озеро», «река Сясь», «каналы», «трасса на Мурманск») и его природных особенностях («природа», «пляж», «сосновый бор», «зелень»). Город воспринимается как маленький, красивый, уютный, тихий. Что интересно, комбинат в вопросе уникальности оказывается не столь важной чертой, однако не исчезает совсем, а город, отделенный от ЦБК, оказывается привлекателен в первую очередь географическими и природными красотами.

Что касается структуры городских достопримечательностей, то горожане дали следующие ответы (Илл. 16).

Илл. 16. Сясьстрой, вопрос «Куда бы вы повели иногороднего гостя?»
 Илл. 16. Syasstroy – response to the question “Where would you take a non-local guest?”

Здесь снова лидирует парк — «парк», «пляж», «сосновый бор», «бор». Кроме этого, важной достопримечательностью оказывается историческая деревня на территории города — «старый район», «Сясьские рядки», а также мост через р. Сясь, каналы и территория между ними («межканалье»), Березовая роща, устье р. Валгомки, музей, мемориал Победы, Дом культуры. Таким образом, «интересность» места репрезентируют в первую очередь природные красоты и в меньшей степени — «докомбинатная» и «послекомбинатная» история города, воплощенная в архитектуре.

Таким образом, городской нарратив Сясьстроя мерцает: жители вроде бы помнят о дореволюционной истории этих мест, однако она

актуализируется, как правило, для внешней репрезентации города «чужим». Ядром же самоощущения является гордость за свою индустриальную историю: горожанам важно, что Сясьский ЦБК — «первенец бумажной промышленности СССР» (постоянный мотив ответов), а они — прямые потомки тех самых первопоселенцев, которые обеспечили появление этого первенца. Несмотря на то, что сейчас комбинат сократился в разы и уже не является основным «патроном» города как с социальной точки зрения, так и с точки зрения трудоустройства жителей, а основным выпускаемый продукт комбината — туалетная бумага, относится к нему по-прежнему с теплом и гордостью. Второй по важности сюжет — помощь фронту во время ВОВ, переориентация ЦБК на выпуск боеприпасов и судоверфи на р. Сясь: «ЦБК в войну делал оружие и переплавляли его по воде»⁶⁰, «Но я думаю, что немало людей у нас в городе, которые прошли концлагеря, трудились на судоверфи и те, кто прошли войну и защищали нашу страну»⁶¹.

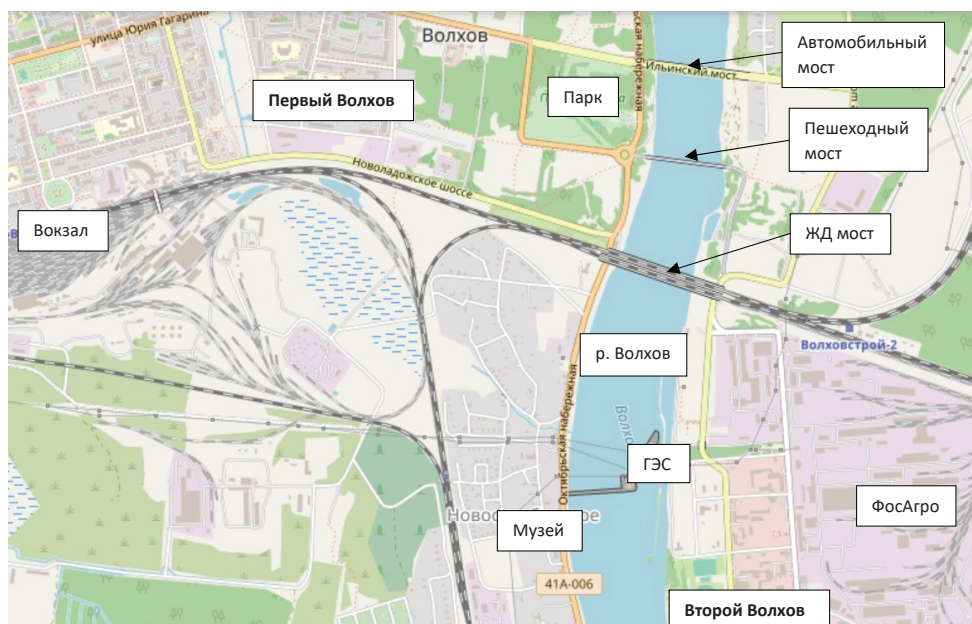
Волхов

Волхов (бывш. Волховстрой) — город на берегах реки Волхов в 20 км к югу от берега Ладожского озера, с населением порядка 43 000 человек. В отличие от большинства остальных индустриальных городов, рассматриваемых в статье, он действительно почти не имеет периода истории до XX века («историческую» функцию берет на себя соседняя Старая Ладога) и сразу развивался именно как индустриальный узел.

Важная особенность Волхова — историческая разделенность рекой на две части, отношения между которыми весьма напряженные. Левый берег, или Волхов-1, вырос из станции Званка, основанной на строившейся в 1904 году железной дороге. Правый берег, или Волхов-2 (ранее Волховстрой), появился вокруг сразу двух стратегических производств — первой в СССР крупной гидроэлектростанции (строительство 1918–1926 годов) и первого в стране алюминиевого завода (1930 год). В результате «первородство» оказалось за левым берегом, а больший престиж и комфорт проживания (а также формальный центр города) — за правым. Все это наложило большой отпечаток на идентичность горожан: Волхов-1 имеет ядром самовосприятия железную дорогу, тогда как индустриальное производство, сталинская застройка и большее внимание администрации ассоциируется в первую очередь со Вторым Волховом. Связка между двумя частями города — мост (точнее, три моста: автомобильный, железнодорожный и пешеходный), что добавляет происходящему фольклорных коннотаций (см. Илл. 17).

⁶⁰ Жен., 30–39 лет, четвертое и более поколение. Эта и следующая цитата приведена по опросу «Сясьстрой, парк Сосновый бор» (апрель 2020 года, N=415).

⁶¹ Жен., 40–49 лет, четвертое и более поколение.

Илл. 17. План города Волхов
Ill. 17. Plan of Volkhov Town

Вопрос⁶² о давности проживания семьи в городе показал, что толщина «культурного слоя» у волховчан соотносится со временем основания города: семьи примерно 22,8% респондентов живут в городе более 4 поколений, еще 34,6% – начиная с бабушек и дедушек, т. е. получается, что многие семьи живут в Волхове с момента строительства ГЭС и алюминиевого завода и заселения рабочих поселков Волховстрой и Званка, — и значительная часть приехала в город после войны.

Восприятие жителями истории города можно продемонстрировать при помощи облака слов (Илл. 18).

Таким образом, в восприятии истории Волхова можно выделить следующие периоды (даны в порядке убывания значимости):

- ранний СССР: строительство ГЭС в 1918–1929 годы и алюминиевого завода с 1929 года, появление поселка Волховстрой;
- Великая Отечественная война: Волховский фронт, Валимский рубеж, Дорога жизни, помощь блокадному Ленинграду, рубеж, остановивший фашистов, город трудовой славы, восстановление после войны;
- железнодорожная история начала XX века: станция Званка, железнодорожный узел, строительство моста через Волхов;
- древняя история: путь из варяг в греки, дорога на Новгород, Старая Ладога, Вещий Олег, Рюрик.

Таким образом, в истории города более актуализирована история Второго Волхова со строительством важных промышленных объектов, далее весь город оказывается включен в «большую историю»

⁶²Здесь и далее данные приведены по опросу «Волхов, Расстанная площадь» (апрель 2020 года, N=373).

Особенно жители Волхова-1 старались подчеркнуть свою отделенность, упирая на то, что река Волхов помогает им снизить уровень вредных выбросов от «ФосАгро», от которых страдает Волхов-2.

Что касается важных для города и его истории людей, наиболее упоминаемыми оказались следующие личности:

- инженер Г. О. Графтио, главный строитель Волховской ГЭС,
- первый мэр г. Волхова Н. М. Волчкова,
- лесничий и агроном П. Г. Антипов, герой ВОВ, создатель Антиповской дубравы,
- первый секретарь Ленинградского губкома ВКПб С. М. Киров,
- разведчица В. М. Голубева,
- В. И. Ленин,
- главный инженер Волховского алюминиевого завода В. П. Почивалов,
- генерал, остановивший гитлеровцев на подступах к Волхову, И. И. Федюнинский,
- летчик-истребитель А. М. Лукьянов,
- директор Волховского алюминиевого завода П. В. Федорин.

В этом кейсе сам запрос комментария у администрации относительно названных горожанами персоналий спровоцировал важный полевой материал. Например, такой ответ оказался уникальным источником локального знания с соответствующими коннотациями об «общероссийских» исторических персоналиях, а словоупотребление подчеркивает воспринимаемую горожанами важность города для первых лиц страны в сложный исторический период:

Киров Сергей Миронович. Часто приезжал на волховскую землю. Был на открытии Волховской ГЭС, Сясьского ЦБК. Особое внимание уделял строительству *первого в стране* Волховского алюминиевого завода, который *сразу после пуска 14 мая 1932г. начал носить его имя*.

Ленин Владимир Ильич. Ленин заинтересовался проектом Графтио и в январе 1918 года попросил дать ему все материалы, относящиеся к проекту сооружения Волховской ГЭС. Он оценил значение Волховской ГЭС для электроснабжения Петрограда, который переживал *острейший топливный кризис*. При обсуждении вопроса 22 апреля 1918 года на заседании Совнаркома о строительстве ряда гидроэлектростанций Ленин предложил Волховскую ГЭС «строить в 2–3 строительных сезона». Ленин *лично следил* за ходом подготовки документации для принятия решения Совнаркома о строительстве Волховской ГЭС. В 1920 году *по заданию Ленина* начата работа по составлению *знаменитого плана ГОЭЛРО*, была утверждена государственная комиссия по электрификации России. На VIII Всероссийском

видим те социальные программы, которые начали работать в городе. <...> Приход компании «ФосАгро» в город – это, безусловно, *позитивный момент* в жизни Волхова. <...> Я *предвижу реакцию* многих горожан, заявляющих что экологическая ситуация с появлением нового предприятия ухудшилась. Но, давайте задумаемся. Во-первых, экологическая ситуация и во времена ВАЗа у нас была очень неспокойная. Не случайно деревня Дубовики была расселена, потому что попала в зону опасности для здоровья в связи с деятельностью сернокислотного цеха, цеха двойного суперфосфата. *Экология для нашего города всегда была проблемой*. Мы не можем этого отрицать. Изначально завод построен на территории города – такова была практика 1920–1930 гг. <...> В защиту «ФосАгро» нужно сказать, что, во-первых, руководство компании *прислушивается к мнению волховчан*, к проблемам, которые высказываются. <...> Оно [«ФосАгро»] стало может быть не в промышленном, не в экономическом, *но в историческом плане приемником ВАЗа*.

Как мы видим, в восприятии города жителями доминируют следующие семантические кластеры:

- гидроэлектростанция: «ГЭС», «электростанция», «Графтио»;
- река: «Волхов»; «мост», «плотина», «пороги», «корюшка»;
- алюминиевый завод: «ВАЗ», «завод», «алюминий», «алюминиевый завод»;
- железная дорога: «вокзал», «РЖД», «железная дорога», «железнодорожный узел»;
- родной город: «дом», «семья», «родина», «детство»;
- парки: «Ильинка», «Славы», «ВЛКСМ», «во Втором Волхове», «на привокзальной площади», «зелень», «зеленый город», «леса», «поля», «деревья», «природа», «экология»;
- негативные эмоции: «разруха», «неблагоустроенность», «скука», «серость», «убогий вид», «глушь», «развал», «пустошь», «тоска», «бардак», «дыра», «грусть»; «грязь», «ямы», «болото», «лужи», «плохие дороги»;
- Великая Отечественная война: «город трудовой доблести и славы», «Волховский фронт», «город-герой», «паровоз», «памятник паровозу», «первый поезд в осажденный Ленинград», «Дорога жизни»;
- позитивные эмоции: «спокойствие», «тихий», «уютный», «доброта», «душевность», «миниатюрность».

Таким образом, восприятие Волхова горожанами строится в первую очередь вокруг индустриальной части — ГЭС, завода и железной дороги, а во вторую — вокруг характерной природы: реки и зеленых зон, важных для жителей. Примечательно, что важным ощущением города, третьим по популярности, является закрывшийся в 2013 году алюминиевый завод, при этом расположенный сейчас в тех же корпусах завод «ФосАгро» практически отсутствует в представлении горожан (его отметили 3 человека). Также в образе города важна конкретная историческая страница — Великая Отечественная война. В эмоциях относительно города преобладают положительные (семантические кластеры, связанные с семьей и идеей родного дома, а также с образом небольшого спокойного городка), однако есть и ощущение запущенности и скуки. Также в качестве важного, но менее актуализованного мотива проявляется идея «сто первого километра», куда ссылали пораженные в правах категории граждан в СССР.

Ответы на вопрос об уникальности Волхова выглядят следующим образом (Им. 20).

Из вопроса об уникальности складывается следующий комплекс: Волхов — город-первенец, первопроходец, первооткрыватель, он славен своей историей, что связывается с тремя аспектами: первая ГЭС в СССР («первенец ГОЭЛРО»), первый алюминиевый завод, а также, в меньшей степени, Волхов расположен рядом с первой столицей Руси — Старой Ладогой. Это проясняет, почему алюминиевый завод оказывается настолько более ценностно нагружен для горожан, чем появившийся на его месте «ФосАгро». Также к блоку «история» при-

Как мы видим, центром «внешней» самопрезентации, как и внутреннего восприятия города, являются все те же кластеры, выделенные еще в вопросах о трех ассоциациях: ГЭС и примыкающая к нему славная история местной промышленности, воплощенная в музеях — парки — река — железная дорога — весь остальной город, который оказывается вторичным по отношению к промышленным объектам в нем.

Илл. 21. Волхов, вопрос «Куда бы вы повели иногороднего гостя?»
Ill. 21. Volkhov – Question: “Where would you take a : non-local guest?”

Итак, образ Волхова в глазах горожан состоит из сочетания природного (река, лесные угодья) и индустриального, включающего в себя триаду «ГЭС — алюминиевый завод — железная дорога». Семиотическая нагруженность и онтологическая ценность этих промышленных объектов так велика, что складывается фактически в этиологическую легенду об эпическом строительстве города во имя нового, которого никогда раньше не существовало, культурными героями — инженером Графтио и политическим деятелем Кировым, чье имя, по всем правилам этиологической легенды, присваивается его творению — алюминиевому заводу. Развитием этого сюжета является мотив Волхова как «защитника-помощника»: основные актуализированные исторические сюжеты — это помощь блокадному Ленинграду и символический первый поезд с продовольствием (здесь мы снова наблюдаем мотив «первенства», очень важный для волховчан, а тот самый паровоз стоит в качестве монумента на станции), а также рубеж, остановивший продвижение фашистов.

При этом город драматически расколот на две части, между которыми идет соперничество. Волхов Первый, несмотря на «первородство», «застрял в 90-х», в отличие от более современного и ухоженного Волхова Второго, который и обладает основным символическим капиталом (ГЭС и ВАЗ).

Подпорожье

Подпорожье⁶⁵ — город на реке Свирь с населением около 16 000 человек. Градообразующее предприятие — Верхнесвирская ГЭС, построенная в 1930-е годы, что и позволило селу Подпорожье превратиться в рабочий поселок. Застройка советская. Важные для горожан объекты Подпорожья см. на Илл. 22.

Илл. 22. План города Подпорожье
Ill. 22. Plan of Podporozhye Town

Вопрос о давности проживания семьи в Подпорожье показал, что толщина «культурного слоя» у горожан довольно значительная: семьи четверти респондентов (25,7%) живут в городе 4 поколения и более (то есть еще со времени строительства ГЭС), более трети семей респондентов (37,4%) живет в городе 3 поколения, что тоже можно считать близким к «первопоселенцам». Еще пятая часть респондентов (20,4%) ответила, что их семья живет в городе во втором поколении, и только 14,1% живут в Подпорожье в первом поколении. Кроме прочего, это означает, что Подпорожье не выглядит привлекательным местом

⁶⁵ Автор благодарит за обработку собранных ею количественных данных коллегу социолога Георгия Медвинского, преемника автора на посту социального исследователя ЦКАО. Данные приведены по опросу «Подпорожье, парк» (апрель 2020 года, N=417).

для переезда: в нем живут скорее «по старой памяти», нежели из-за конкретных привлекательных аспектов; также горожане жалуются на отток молодежи.

Подпорожью с точки зрения статуса не повезло несколько раз. Географически оно находится дальше всех остальных рассмотренных городов от Санкт-Петербурга, что превращает его в типичный провинциальный городок без возможности хоть какого-то использования инфраструктуры и символической нагруженности мегаполиса. Символический капитал «глубинки» и «этничности» взяла на себя расположенная неподалеку деревня Мандроги, в которой обязательно останавливаются туристические теплоходы, идущие в Онегу; функцию туристического хаба для этих путешественников выполняет Лодейное Поле; а статус «первоГЭС» достался Волхову (см. выше).

Что касается восприятия жителями истории города, для них оказываются важными конкретные годы: в отличие от остальных городов (за исключением разве что историкоцентричной Новой Ладogi), респонденты чаще других приводят календарные даты. Наиболее актуализированным оказывается знание о строительстве и запуске ГЭС, произошедшем в 1952 году (некоторые респонденты сливают эту дату с датой присвоения статуса города, указывая 1956 год). Далее идет ответ о присвоении статуса города в 1956 году, что оказывается одним из центральных сюжетов разговоров о городе вообще. В итоге связка «запуск ГЭС — присвоение статуса города» оказывается свернутой формулой истории Подпорожья в целом: «1951 год — ввод Верхне-Свирской ГЭС, 1956 год — поселок Подпорожье преобразован в город»⁶⁶.

Следующий по популярности сюжет — об оккупации во время Великой Отечественной войны и последующем освобождении. Важно, что в случае Подпорожья оккупантами оказались не немцы, а финны, что жители подчеркивают: «Аккупация финами во время ВОВ, строительство ГЭС, праздники в парке»⁶⁷ (ответ на просьбу перечислить вехи истории города).

Советский период с запуска ГЭС до перестройки воспринимается периодом изобилия в противовес спаду с 1988 года. Упоминались также начало строительства ГЭС в 1936 году, открытие Аллеи героев в 1967, присвоение статуса города воинской славы в 2020 году (единственное положительно оцениваемое событие современности в жизни города, которое также помогает символически отделять Подпорожье от «негородского» статуса), открытие стелы на братском захоронении, а также Свирылаг и сплав леса для судоверфи (единственный дореволюционный исторический мотив). Как видим, большая часть воспоминаний связана с советским периодом истории.

Исподволь в рассказах об истории прослеживается горькое осознание того, что современность оказывается худшим для города периодом — ламентации о «развале» производств, инфраструктуры после

⁶⁶Жен., 40–49 лет, второе поколение.

⁶⁷Жен., 40–49 лет, третье поколение.

распада СССР прослеживаются в большинстве попыток пересказать «полную» историю Подпорожья: «Строительство ГЭС, жилое строительство, Развал всего»⁶⁸, «Строительство ГЭС, расцвет города в 80-х годах, упадок с начала 90-х и до сих пор»⁶⁹, «Маленькая деревенька на берегу Свири, Рождение города в человеческих муках тысяч людей! Советский подъём промышленности уровня жизни людей Присви́рья, упадок в пропасть и 30-ЛЕТИЕ ПОПЫТОК ЧТО-ТО восстановить! Графтио Спасибо!»⁷⁰

Из этой приоритизации исторических событий заметно, что факт основания города и начала строительства ГЭС для горожан не настолько важен, как его окончание и запуск. Это, скорее всего, связано с вопросом престижа и символического капитала: у закладки ГЭС этот престиж не так высок (она была далеко не первой в регионе, этим сложно гордиться), тогда как запуск связан ассоциативно с присвоением городского статуса и «облагодетельствованием» окружающих территорий (электрификация как самого города, так и окрестных поселков), что является одним из центральных ощущений городской, то есть «не-сельской» идентичности подпорожцев (которая, как кажется, все время находится под вопросом и поэтому требует все новых подтверждений):

Жизнь «закипела» после постройки ГЭС. До этого события была большая деревня, которую в округе населяли деревни поменьше. Преимущество поселения–река Свирь, дающая все необходимое для жизни и торговли»⁷¹.

От деревни к районному центру»⁷².

Построена наша ГЭС. Присвоение статуса город в 1956 году. В этом году присвоено Подпорожью статус Город воинской славы»⁷³.

Кроме того, основание ГЭС связано с не самыми радужными ассоциациями: Сви́рьлагом, а само это событие «размывается» перебившей строительство войной, на фоне которой «славная раннесоветская индустриальная история», не дающая жителям при этом значимого символического капитала, оказывается гораздо менее важной.

Что касается важных для города людей, наиболее популярными ответами оказались следующие персоналии (по убыванию):

- Яковлев Лев Александрович (доктор, хирург),
- Графтио Генрих Осипович (инженер, автор проекта ГЭС),
- Гнаровская Валерия Осиповна (герой Советского Союза),
- Смирнов Иван Григорьевич (герой Советского Союза),
- Исаков Василий Григорьевич (герой Советского Союза),
- Волков Иван Архипович (герой Советского Союза),

⁶⁸ Жен., 60–69 лет, третье поколение

⁶⁹ Жен., 40–49 лет, третье поколение.

⁷⁰ Муж., 60–69 лет, первое поколение.

⁷¹ Муж., 30–39 лет, второе поколение.

⁷² Жен., 30–39 лет, третье поколение.

⁷³ Жен., 70+ лет, второе поколение.

- Зими́на Тама́ра Гео́ргиевна (председатель совета ветеранов),
- Гавро́ев Гаври́ил Игна́тьевич (почетный гражданин Подпорожья, ветеран ВОВ),
- Сула́ва О́льга Никола́евна (врач).

Из списка «топ-персоналий» можно заметить следующее: отдельный блок составляют фронтовики, фигуры которых воплощены в месте памяти — в бюстах на Аллее героев (соответственно, горожане регулярно видят эти имена), самым важным человеком оказывается врач-онколог городской больницы советского периода, а единственный представитель «большой» истории в этом списке — проектировщик ГЭС Генрих Графтио, встречавшийся нам в Волхове.

Реже в ответах респондентов упоминаются люди самых разнообразных профессий: учителя местных школ, руководители предприятий, не попавшие на Аллею героев ветераны, местные художники и журналисты и др. Нередки ответы вида «мой отец» или «мой дед», который строил ГЭС, школы, жилые дома, партизанил в войну, был передовиком производства и т. д. Также привлекает внимание, что практически не встречаются упоминания общероссийских персоналий (Петр I, Ленин, Киров, Сталин): локальная и семейная история оказывается для горожан важнее, чем вписанность в «большую».

Образ города, исходя из трех первых ассоциаций, выглядит так (Илл. 23).

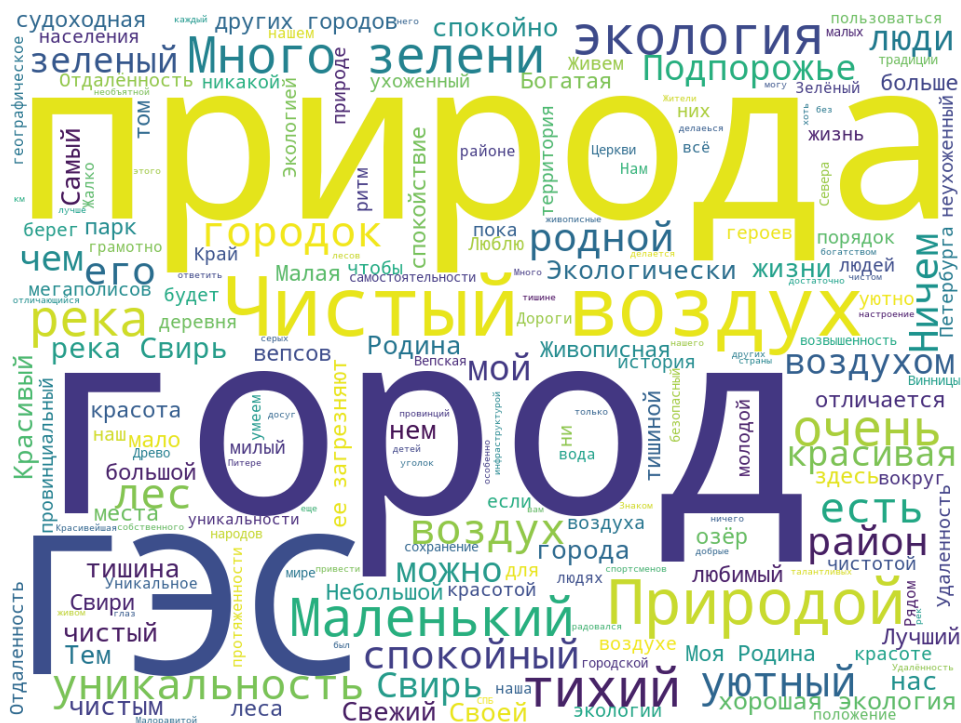
Илл. 23. Подпорожье, вопрос «Назовите 3 первых ассоциации с Подпорожьем»
 Ил. 23. Podporozhye – Question: “Name 3 first associations with Podporozhye”

Как мы видим, в ядро ответов попали следующие явления или образы:

- «гидроэлектростанция», «ГЭС»;
- «Свирь», «река», «воздух», «природа»;
- образ дома и малой родины («дом», «родина», «детство», «спокойствие»);
- определенные места в городе («парк», «аллея героев», «братское кладбище»).

Таким образом, из общих ассоциативных ответов вырисовывается образ маленького города на реке Свирь с доминантой природного и важным техногенным объектом (ГЭС). Примечательно также, что практически все названные понятия — предельно конкретные, в основном это пространственные объекты города, к которым можно прийти.

Уникальность Подпорожья горожане видят в следующем (Илл. 24).

Илл. 24. Подпорожье, ответ на вопрос «В чем уникальность Подпорожья?»

Ill. 24. Podporozhye – Responses to the question: “What makes Podporozhye special?”

Таким образом, уникальность Подпорожья в восприятии его жителей заключается в первую очередь в его природных особенностях (река Свирь, красивая природа, чистый воздух) и наличии гидроэлектростанции. Город воспринимается как маленький, окруженный красивой природой, с большим количеством зелени. ГЭС, тем не менее, выделяет его среди ближайших городов региона. Исторический аспект не проявляется ни в идентичности, ни в «демонстрационном» варианте.

Репрезентативными достопримечательностями горожане видят следующие (Илл. 25).

Илл. 25. Подпорожье, ответы на вопрос «Куда бы вы повели иногороднего гостя?»
 Ill. 25. Podporozhye – Responses to the question “Where would you take a non-local guest?”

Как мы видим, лидирует ГЭС, однако парк тоже занимает важное место, наряду с Аллеей героев, братским захоронением, Свирью и площадью. Вот одна пространная цитата:

[повел бы гостя] В первую очередь на братское кладбище, чтобы показать сколько людей отдали свою жизнь за защиту нашего города. Чтобы человек проникся тем чувством, что не можем мы не любить наш город, он нам *очень дорого достался*. Пусть гость посмотрит на ГЭС. Объяснить ему что это *не просто дамба, а часть истории*. Рассказать с какими трудностями столкнулись строители и проектировщики при возведении этого сооружения, это был *подвиг и блеск технического решения*. И потом я бы сводил его в парк, но только после приведения территории в порядок. Мне любить парк помогают воспоминания и надежда на будущее, вот и гость должен увидеть кусочек нашей природы и спокойной жизни рядом с каменными домами⁷⁴.

Сюжет с парком в свернутом виде воспроизводит главный городской текст о славном прошлом и печальном настоящем Подпорожья, тоску по понятным и уважительным к «рабочему человеку» советским временам: «Тихое, спокойное место, где приятно проводить досуг для

⁷⁴Муж., 50–59 лет, второе поколение.

отвлечения от повседневных хлопот и рабочих моментов. В 90-х парк потерял свою репутацию и привлекательность на фоне анархии и беспредела»⁷⁵. Респонденты часто оперируют советскими формулами и клише, описывая свой восторг от былой славы парка и «искреннего, настоящего» веселья, которое невозможно сейчас.

Вот некоторые развернутые комментарии о прежней и нынешней роли парка в жизни города:

*Общественное место для прогулки и празднования важных городских событий. Основано в СССР на благо рабочего человека, как место гордости за отчизну и рабочие показатели*⁷⁶.

Помню с детства, когда каждый выходной ходили, смотрели как выступают самодеятельные коллективы различных предприятий, сама выступала в составе танцевального коллектива «Свиранка»⁷⁷.

Парк — одна из *нерукотворных жемчужин* Подпорожья. В советское время летом каждый воскресный денёк там проходили *народные гуляния*, звучала музыка, которую было слышно на пол города и которая *созывала всех*, я была маленькой девочкой и заслышав этот музыкальный призыв бежала со всех ног на этот праздник, благо жили мы совсем рядом, на садовой улице. Праздники были такими искренними, весёлыми, что вспоминаются до сих пор... Помню два фонтана⁷⁸.

Немного вглубь парка были ямы картофельные, *огороды*, много огородов. И у нас был такой огород, мы его называли «дальний»... Хорошее было времечко...⁷⁹

История парка — это *праздники*, которые проводились раньше, это наши *подпорожцы*, люди старшего поколения, которые приходили в парк и *по настоящему веселились* и слушали приезжих артистов. Я думаю это *вернуть уже невозможно*, не то время, *не та молодёжь* и слишком большой отток молодёжи из города из-за отсутствия работы⁸⁰.

На самом деле там *не хватает веселья* и людей, когда в парк заходишь — видишь ничего. Никто не ходит особо, *как будто вовсе не нужен парк*. Это не так. Я считаю просто нужно больше каких-либо мероприятий (лыжные гонки, велогонки, и так далее, почаще)⁸¹.

Примечательно, что парк не имеет никакого названия — ни официального, ни вернакулярного. Он в Подпорожье единственный, так что жителям название для него и не требуется. Это ввело в замешательство архитектурное бюро, занимавшееся проектом, поскольку для подачи заявки каждый проект должен иметь уникальное название. В результате архитекторы сами придумали ему название («Электрический лес»), к которому, однако, жители остались равнодушны.

⁷⁵ Муж., 30–39 лет, второе поколение.

⁷⁶ Муж., 30–39 лет, второе поколение.

⁷⁷ Жен., 40–49 лет, четвертое и более поколение.

⁷⁸ Жен., 40–49 лет, второе поколение.

⁷⁹ Жен., 50–59 лет, второе поколение.

⁸⁰ Муж., 50–59 лет, третье поколение.

⁸¹ Муж., 14–19 лет, четвертое и более поколение.

История парка как цепочка событий здесь не имеет самостоятельной ценности, она глубоко интегрирована в личные и семейные воспоминания циклического, календарного свойства, из которых складывается следующий образ: парк — не только и не столько природная зона, сколько центр актуализации групповой принадлежности, главное место социального времяпрепровождения: именно в парке проводились как городские, так и профессиональные календарные праздники (мотив профессиональной привязки, «трудящихся людей» особенно важен для жителей); инфраструктура позволяла полностью переключиться от забот и отдохнуть — в парке работал фонтан, детские аттракционы, торговали ларьки с мороженым и сладостями, проводились концерты местных и приезжих артистов, устраивались спортивные соревнования, зимой катались на лыжах. Иными словами, центром города и подателем символического городского статуса вкупе с возможностью не только созерцания, но и соучастия — в празднике, соревновании, концерте — оказывался именно парк (а не, скажем, ГЭС, площадь у администрации и иные теоретически подходящие для этого локации).

Природный аспект тоже важен, хотя гораздо менее частотен: это сюжеты о сборе грибов и ягод, использовании погребов и огородов, хождения за водой на родник⁸². Стоит отметить, что парк действительно представляет собой чудесный сосновый лес с чистым воздухом и характерным карельским ландшафтом.

Как мы видим, нарратив Подпорожья воспринимается жителями как череда испытаний и тяжелого труда, которая привела город к «золотому веку», однако сменилась новым испытанием — разрухой и запустением, выхода из которого жители не видят. При этом сохраняется их приверженность городу, поскольку в его историю тесно вплетена история их предков — что, впрочем, не мешает отточной миграции молодежи.

Города-сателлиты

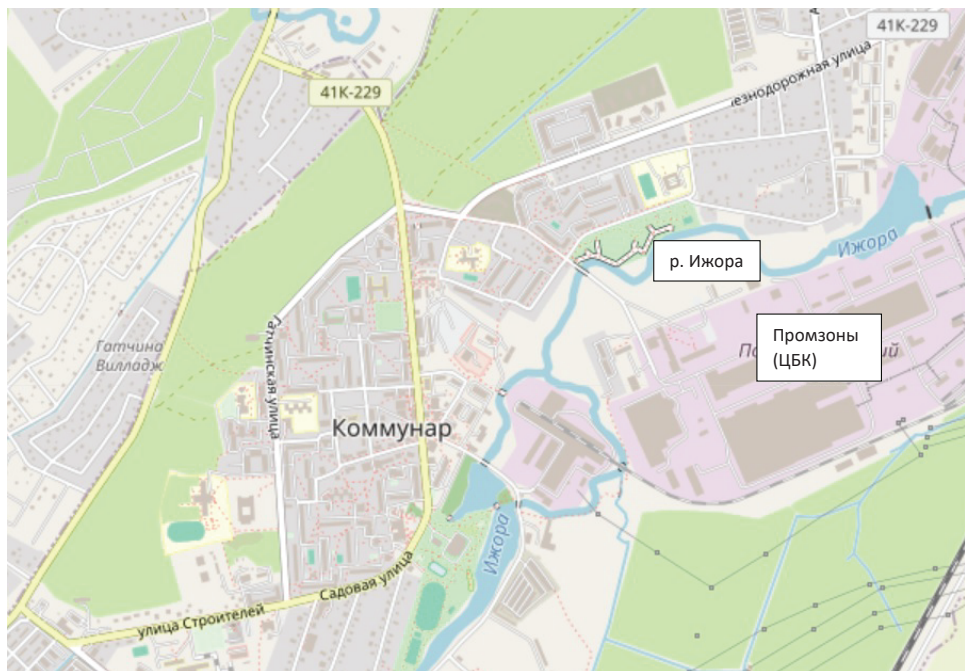
Коммунар

Коммунар⁸³ — город на берегах реки Ижора в Гатчинском районе с населением около 20 000 человек. До революции вырос как рабочий поселок при бумажной фабрике на месте мызы и деревни, находившихся в окружении императорских вотчин (Павловск, Гатчина, Царское село). В Великую Отечественную войну перед приходом фашистских войск был эвакуирован. На данный момент сочетает функции

⁸² Хождение или даже автомобильные поездки с канистрами за водой на родник, обычно находящийся в лесопарковой зоне (один из таких благоустроен в подпорожском парке, а еще несколько «разбросаны» по городу) — довольно частая бытовая практика многих поселений Ленинградской области. При этом у родников нет статуса «святых» или «чудодейственных» — за водой ездят потому, что она, по мнению практикующих, «чище» водопроводной. Такие практики обычно мало эксплицированы, исследовать их можно, только найдя родник самостоятельно и проведя полевую работу с посетителями.

⁸³ Не путать с г. Коммунар Кингисеппского района Ленинградской области.

отдаленного спального района Петербурга и промышленного центра, доминирующую роль в котором по-прежнему играет картонно-полиграфическое производство. Важные для горожан объекты см. на Илл. 26.

Илл. 26. План города Коммунар Гатчинского района
Ill. 26. Plan of Kommunar Town, Gatchina District

Что касается восприятия своей истории жителями Коммунара, содержательных ответов оказалось только около трех десятков. В этих ответах доминирует семантический кластер «Коммунар — город бумажной промышленности», что, строго говоря, является текущей характеристикой, а не исторической вехой. При этом некоторые горожане полагают, что фабрика, а при ней и поселок, появились в советские времена, и населенный пункт сразу назывался Коммунар. Следующие три мотива упомянули примерно равное количество людей (считанные единицы): что бумажная фабрика существовала еще до революции (при этом название фабрики — Роджерса и Пейффера — не появилось ни разу); что Коммунару недавно присвоили статус города (и некоторые в этом статусе сомневаются); что до фабрики существовала деревня Графская (после Царская) Славянка, принадлежавшая графине Самойловой.

Приведем наиболее примечательные цитаты:

Что это очень молодой город и ему ещё стоит много времени чтобы действительно стать городом⁸⁴.

Коммунар образовался с вводом бумажной фабрики Коммунар⁸⁵.

⁸⁴ Жен., 31–35 лет, второе поколение. Цитаты приведены по опросу «Коммунар — Ижора» (март 2020 года, N=188).

⁸⁵ Муж., 50–59 лет, первое поколение.

Существует около полутора веков. Изначально был *деревней при писчебумажной фабрики* с водяной мельницей. Следом переименован при начале советского государства в одноименный с фабрикой рабочий поселок Коммунар, в 1994 году присвоен статус города. Богатую историю имеет Антропшино, в 19 веке *Графская Славянка при графине Самойловой*, район Ремиза–бывший графский зверинец. Богатое прошлое города в 22 тысячи человек⁸⁶.

Коммунар был основан как *рабочий поселок при бумажной фабрике* в 19 веке. В конце 70 ых началось строительство Ленинградской картонной фабрики, произошел резкий рост населения. В 1993 году присвоен *статус города*. В настоящее время ведется активное жилищное строительство⁸⁷.

Как мы видим, в исторической памяти Коммунара по сравнению с вышеописанными городами наблюдаются и уже знакомые нам мотивы, и несколько любопытных лакун.

Во-первых, в истории важным оказывается факт индустриального происхождения, а также обретение городского статуса, что вообще типично для рассмотренных промышленных городов. Также довольно типично то, что «докомбинатная» история оказывается мало релевантной и не связана напрямую с Коммунаром как таковым. При этом любопытно, что с фабрикой не связано никакого имени, отсутствует фигура основателя (как дореволюционных владельцев фабрики, так и деятелей эпохи переименования после революции).

Во-вторых, привлекает внимание сравнительная бедность исторических мотивов — фактически их всего четыре, и носителей этого знания очень мало. Это отчасти коррелирует с давностью проживания семей респондентов в Коммунаре: 67% живут в городе 1–2 поколения (что разительно отличается от рассмотренных выше городов). Это связано с тем, что Коммунар в последние десятилетия развил активное жилищное строительство, и туда переезжают молодые семьи как из Петербурга, так и из более дальних городов вследствие сравнительной дешевизны жилья при относительно удобной транспортной доступности мегаполиса. Низкий же процент старожилов может объясняться тем, что в период ВОВ население поселка было эвакуировано перед тем, как фашистские войска оккупировали территорию.

Что особенно удивляет, в этом историческом нарративе полностью отсутствует самый важный в исторической памяти остальных городов аспект — Великая Отечественная война⁸⁸. Отчасти это может быть связано с тем, что фактически мало кто из семей текущих жителей пережил ее в Коммунаре. Однако, как мы видели в примерах аналогичной стратегии послевоенного заселения городов (Ивангород, Светогорск), даже если семьи жителей не застали войну в этом городе, какой-то нарратив о ней все-таки присутствует, притом даже с конкретными персоналиями

⁸⁶ Муж., 20–29 лет, четвертое поколение.

⁸⁷ Жен., 50–59 лет, первое поколение.

⁸⁸ Этот исторический период полностью отсутствует даже в статье о Коммунаре в «Википедии» [[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80_\(%D0%93%D0%B0%D1%82%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80_(%D0%93%D0%B0%D1%82%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD))]

Доминируют кластеры «река Ижора» и «бумажная фабрика». Также важен образ родного места: «дом, семья, друзья, Родина». При этом этот дом не так уж ухожен: «разбитые дороги, мусор, грязь», хотя есть и позитивные аспекты: «тишина, природа, чистый воздух».

В вопросе об уникальности заметно, что аспект близости к мегаполису оказывается гораздо важнее, чем любой другой признак (это говорит о том, что Коммунар для жителей — в первую очередь город-спутник, транзитное пространство, а уже потом индустриальный моногород): большинство отмечает, что Коммунар находится близко к Петербургу, и до него удобно добираться. При этом некоторые дополнительно отмечают близость к другим историческим городам района: Павловску, Гатчине, Царскому Селу.

Следующий важный кластер — производство: «комбинат, фабрика (несколько бумажных фабрик)».

Отдельный смысловой блок — идиллический: «небольшой, тихий, уютный городок с хорошей экологией, добрыми отзывчивыми людьми и достаточной инфраструктурой». Также в этих характеристиках встречались сомнения в городском статусе Коммунара. Респондентам было очевидно, что это описание само по себе не может считаться уникальностью, поэтому оно обычно идет в дополнение либо к географическому положению, либо к «производственному» сюжету. При этом сочетание промышленного производства и хорошей экологии не вызывает рефлексии (как, впрочем, и в ряде других рассмотренных нами промышленных городов — Сясьстрое, Подпорожье).

Несколько человек охарактеризовали Коммунар как «молодой» город. Это может относиться как к недавно обретенному статусу города (в том смысле, что именно как город Коммунар появился недавно), так и к составу жителей: Коммунар — редкий пример города Ленинградской области, где возрастное распределение действительно сдвинуто в сторону молодежи.

Уникальность в том, что на территории города находится *СПб картонно-полиграфический комбинат*, а это рабочие места для жителей. Хорошее транспортное обеспечение, в «шаговой» доступности *СПБ, Пушкин, Павловск*⁹⁰.

Развитая *индустрия* на ряду с близостью к области и природе. На распутии между мегаполисом и селянством⁹¹.

Он *небольшой, близко от СПб*. Но увы не город в полном понимании этого слова, хотя по численности проживающих в нём людей...⁹²

Также примечательны некоторые значимые лакуны. Так, река Ижора, важный аспект самовосприятия, почти не встречается в ответах на вопрос об уникальности. Также нет никаких попыток апелляции к какой бы то ни было истории. Коммунар в основном описывается

⁹⁰ Жен., 50–59 лет, первое поколение.

⁹¹ Муж., 20–29 лет, четвертое поколение.

⁹² Жен., 30–39 лет, второе поколение.

через отрицание, «промежуточность» или «безликие» характеристики. Если бы «не-местом» в концепции Марка Оже могли быть целые города, то Коммунар, возможно, довольно значительно приблизился бы к этому понятию: «Если место может определяться как идентифицирующее, связующее (диалоговое) и историческое, то пространство, которое не может себя определить как идентифицирующее или как связующее, или как историческое, будет определяться как не-место» [Оже 2017: 84].

Коммунар — важная часть нашего метаанализа, поскольку в нем на фоне предыдущих городов заметен масштаб «значимого отсутствия», которое в противном случае было бы сложно отследить. В отличие от схожего по характеристикам Светогорска, где смысловой центр стерт, но очертания его угадываются, а в городе чувствуется жажда этот центр обрести — в Коммунаре этот смысловой центр практически отсутствует, и отсутствие это не вызывает дискомфорта. Отчасти это произошло из-за резкой смены населения вследствие войны, отчасти, возможно, из-за отсутствия других достаточно ярких характеристик (так, новозаселенные и Ивангород, и Светогорск — еще и приграничные города, и эта приграничность для них работает в качестве «базового» уровня идентичности, на который наслаиваются все остальные), отчасти из-за значительной приточной миграции в последние десятилетия. Наличие бумажного производства почему-то не закрыло эту смысловую лауну — возможно, потому, что бумажная фабрика сейчас в городе не одна, а потому никакой конкретный индустриальный объект не может выступать в восприятии горожан отдельным «персонажем» со своим лицом и характером. Поэтому город фактически живет сегодняшним днем и «сателлитно-промежуточной» идентичностью, не помня ни старых событий, ни людей предыдущих поколений.

МЕТАУРОВЕНЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Несмотря на краткость исследований, эта совокупность кейсов дает редкую возможность посмотреть на идентичность и историческую память жителей городов одного региона на метауровне. На нем можно заметить ряд «бродячих» мотивов (сюжетов, дискурсов), которые распределяются между городами на основании определенных признаков и особенностей исторического развития. Рассмотрим те, которые нам удалось выявить.

Основным объединяющим дискурсом является *Великая Отечественная война*. В силу драматической истории региона сюжетная наполняемость в этих городах будет разной: города южного Приладожья (Волхов, Сясьстрой, Новая Ладога) рассказывают о помощи осажденному Ленинграду: едой, топливом, боеприпасами и эвакуацией — и о своем участии в прорыве блокады (статус не сдавшихся врагу прифронтовых территорий придает этим рассказам особую гордость), при этом эта помощь тесно завязана на ядро идентичности горожан —

воду (Волхов и Ладугу) и железную дорогу; Подпорожье было оккупировано, однако не привычными российскому военному дискурсу немцами, а финнами; воспринимаемая жителями «актуальная» история Ивангорода и Светогорска вообще начинается с войны, поскольку до нее эти города принадлежали другим странам и потому были «вычеркнуты» из восприятия современных жителей. Единственное исключение в нашей выборке — Коммунар, отсутствие военного нарратива в котором можно объяснить массовой послевоенной заменой населения после полной эвакуации.

Как правило, герои войны, чтимые в этих городах — либо местные уроженцы, либо бойцы, погибшие в этих местах (для подростков и партизан характерно и то, и другое одновременно). Однако порой наблюдаются и «сквозные персонажи», причем они могут объединять находящиеся довольно далеко друг от друга города: так, генерала И. И. Федюнинского помнят как в Волхове, так и в Ивангороде (под Волховом он остановил продвижение фашистских войск и не дал взять город, что очень важно для самовосприятия горожан, а около Ивангорода с так называемого Федюнинского плацдарма руководил Нарвской операцией по освобождению этой территории). Не исключено, что генерал встретился бы нам и в других городах региона (например, Тихвине, Любани, Ропше), где он также проявил свои полководческие таланты, однако эти города не вошли в материалы нашего исследования.

Также исследователю как петербурженке и фактически носительнице этого дискурса бросилось в глаза отсутствие значимых военных персоналий в «блокадном нарративе» Петербурга, тогда как в областных городах именно военные (рядовые и полководцы) оказываются в центре сюжетов о войне. Возможно, это объясняется тем, что ленинградская «точка отсчета» фактически тыловая: военные действия как таковые происходили на периферии города, и поэтому имена военных, защищавших и освобождавших город, не попадали в центр внимания, в отличие от «блокадного подвига», к примеру, Тани Савичевой.

Вторым важным дискурсом, объединяющим многие из рассматриваемых городов, является *индустриальная слава ранней Советской власти*. Поскольку жители бывших рабочих поселков обычно воспринимают историю своих городов именно с этого момента безотносительно существования на этом месте или поблизости более ранних поселений, то сюжет об основании производства (и поселка вокруг него) приобретает статус этиологической легенды, которая тем более сакральна, что апеллирует к «первотворению» — многие из производств региона были первыми (или одними из первых) в своем роде в Советском Союзе. Поскольку жители таких городов зачастую являются потомками рабочих-первопоселенцев (значительная доля респондентов указывает длительность жизни семьи в городе в 3–4 поколения и более), эта связь и гордость за нее до сих пор остается важным компонентом

самоощущения горожан: мотив «первенца (такого-то производства в России/СССР)» появляется во всех этих городах. Демииургами этого первотворения, героями-основателями оказываются два типа персоналий: это ученые либо администраторы, основавшие и управлявшие данными производствами с самого начала (Графтио, Алферов-старший), а также члены правительства (в первую очередь С. М. Киров, курировавший эти «первопроизводства», и отчасти В. И. Ленин, подготовивший для этого почву).

Примечательно, что в случае, если эти производства входят в ядро идентичности горожан, их наличие в городе воспринимается как нечто положительное, родное, вызывающее гордость, а если нет — как нечто чуждое, вредное и нечистое. Важный диагностический кейс для этого — сюжет с алюминиевым заводом в Волхове: как только завод перестал ассоциироваться с «тем самым» первопроизводством, сменив собственника, название и направленность с эпической в глазах волховчан алюминиевой промышленности на профанные фосфоросодержащие удобрения, он из «родного», «своего», «первенца цветной металлургии в России» превратился во врага, который отравляет воздух и не дает горожанам жить. То же отчасти характерно и для Светогорского ЦБК (International paper). Символическая преемственность оказалась критически важна.

Слегка отличаются от этой схемы индустриальные кластеры, перешедшие к СССР после войны (Кренгольмская мануфактура на Парусинке в Ивангороде и Светогорский ЦБК, ныне International Papers), однако это не мешает воспроизводить общую структуру нарратива, только демииургами и «первопроходцами» оказываются более отдаленные во времени деятели: барон Штиглиц и барон Стандершкёльд (последний эксплуатируется в качестве «основателя первенца» в том числе и руководством комбината)⁹³. И только Нарвская ГЭС в Ивангороде остается без отца-основателя, однако все равно присутствует в воспоминаниях горожан.

Третий важный нарратив, касающийся практически всех рассмотренных городов (и имеющий некоторое отношение к предыдущему) — это *утраченный рай*, «былая слава» и процветание советского периода, и, контрастом к ним, состояние *разрухи* после перестройки. В этих нарративах горожане опираются на свои собственные воспоминания молодости и с романтизированной ностальгией относятся к жизни в своих городах в советское время. В первую очередь это выявляется в сюжетах о важных городских территориях, которые в те годы имели гораздо лучшую инфраструктуру и гораздо более насыщенный график общегородских мероприятий, позволяющих почувствовать коллективность и положительный совместный опыт, а также

⁹³Статья «International Paper отмечает 130-летие Светогорского ЦБК» в издании «Леспром информ»: «История комбината началась в 1887 году, когда шведский барон Карл Август Стандершкёльд начал на р. Вуоксе строительство завода древесной массы под названием Enso («Первенец») (sic!): [https://lesprominform.ru/articles.html?id=4804].

в сюжетах о городских производствах (если они есть), которые давали рабочие места всему городу и курировали социальную сферу: проводили праздники, отправляли сотрудников и их детей на отдых, строили общественные здания и благоустраивали публичные территории, а теперь либо закрылись совсем, либо критически сократились в объемах и сняли с себя социальную нагрузку, либо сменили вывеску и владельцы и более не ассоциируются с чем-то «своим».

Отдельным важным отчасти историческим сюжетом для многих рассмотренных малых городов является *городской статус*. Что интересно, населенный пункт может задаваться этим вопросом безотносительно фактического размера. Так, ряд рассмотренных нами мест выделяет присвоение городского статуса в качестве важной вехи истории своего города (особенно это заметно в Подпорожье, но также это большой вопрос для Коммунара и Светогорска). При этом самый маленький город — Новая Ладога — подобных вопросов не ставит, поскольку имеет этот статус априорно по факту рождения.

Важный компонент идентичности — *большая вода*, на которой стоит город: во всех ассоциативных экспериментах обязательно появляется имя реки, а в случае Новой Ладоги — «озеро» (вероятно, чтобы избежать омонимии города и озера); при этом в репрезентациях для «других» реки может и не быть. Получается, что река/озеро — один из центральных объектов на воображаемой карте всех этих городов.

Более «глубокие» исторические сюжеты гораздо раздробленней и, как правило, менее проявлены в ассоциациях жителей (за исключением собственно «исторических поселений» в понимании Федерального закона «Об объектах культурного наследия»). Так, актуализированность памяти о дореволюционной истории характерна в первую очередь для Ивангорода и Новой Ладоги (для последней фигурой демиурга выступает Петр I, что большая редкость для рассматриваемых городов), тогда как в остальных случаях индустриальная история «первенства» побеждает на символическом поле дореволюционную, даже если последняя присутствовала в этих местах, и «глубоко исторические» сюжеты в этих городах скорее оказываются в некотором роде «экспортным товаром» для гостей, чем объектом внутреннего потребления.

Остальные мотивы более локальны и имеют большую территориальную привязку.

Так, треугольник южного Приладожья «Волхов — Новая Ладога — Сясьстрой» имеет интересное распределение мотивов между собой. Например, Сясьстрой делит с Новой Ладогой «исторические» сюжеты: о Суворовском полке и о купцах-меценатах, а также особенности близости к Ладоге — приладожские каналы, привычку повседневного взаимодействия с водой; а с Волховом — сюжеты «индустриальной гордости первенства» и признательность С. М. Кирову. Для всех трех при этом характерен военный дискурс, описанный выше.

Инженер Графтио чрезвычайно важен для обоих городов с гидроэлектростанциями — как Волхова, так и Подпорожья. Основатель

третьей ГЭС в нашем списке оказался на перевернутой исторической странице другой страны.

В трех городах идентичность завязана на целлюлозно-бумажный комбинат: это Сясьстрой, Светогорск и Коммунар. При этом конкретика отношения к градообразующему предприятию варьирует между городами.

Городской парк, больше похожий на лес — сосновый бор на берегу реки — центральное место символического объединения города для Сясьстроя и Подпорожья. При этом пойма реки в Коммунаре, не имеющая такого символического статуса, оказывается для горожан «чистым листом».

Мотив разделенности города на две части и соперничества этих половин характерен для Волхова и Мурина⁹⁴. В обоих случаях есть граница (река или железная дорога, перейти через которую можно буквально в паре мест), есть более старая половина с «правом первородства», которая, тем не менее, на данный момент оказывается менее престижной, современной, комфортной, чем более новая. При этом обе половины смотрят друг на друга с неприязнью и иногда с неосознанной завистью и используют все символические ресурсы для отделения от ближайшего «другого». В определенном смысле такая разделенность характерна и для представлений ивангородцев, у которых граница вполне реальная, но в их случае эстонский город Нарва воспринимается не соперником, а насильно разлученным собратом.

Упомянем отдельно и лакуны на тех местах, которые мы ожидали увидеть заполненными. Например, это касается *этнического компонента*: территория Ленинградской области исторически была местом проживания разнообразных финно-угорских групп, как малых (вепсы, водь, ижора и др.), так и относительно многочисленных (финны). При этом, если в соседней Карелии этнический компонент так или иначе проявлен в дискурсе жителей, то в Ленинградской области он либо стыдливо замалчивается в силу геополитических причин (Светогорск), либо проявляется в виде симулякров вроде «этнических» народных ансамблей, выросших из советской сконструированной «демонстрационной» традиции, либо чаще всего полностью выпадает из поля зрения горожан, изредка проявляясь в топонимах и особенно гидронимах (см. известную горожанам этимологию Сяси и других мест). Возможно, во многом это связано с новозаселенностью этих городов в советский период: большая часть жителей массово перееха-

⁹⁴Мурино — город-сателлит на северо-востоке Санкт-Петербурга. Он не вошел в эту подборку, потому что методология работы с ним отличалась от описанной, однако по своим признакам он вполне встраивается в указанные кластеры. Мурино состоит из собственно Мурина (теперь Восточного Мурина), бывшего поместья графа Воронцова, ныне с частной и советской застройкой, и Западного Мурина — новейшего микрорайона, появившегося «на капустном поле» около 15 лет назад и растущего с огромной скоростью (на 2020 год совокупное население Мурина составляло 65 000 человек, притом, что в 2010 было 7000). Это, к слову, не мешает городу тоже сомневаться в своем городском статусе. Восточное и Западное Мурино, разделенные железной дорогой, используют друг друга в качестве ближайшего «чужого», от которого можно отстроиться и приписать соседу все то, что сам считаешь неприемлемым.

ла в рассмотренные города, в том числе из других регионов страны, либо в 1920-е годы (Волхов, Сясьстрой, Подпорожье), либо после 1945 года (Ивангород, Светогорск, Коммунар), тем самым «размыв» более давние группы жителей. Кроме того, этнические группы Ленинградской области скорее ассоциируются с сельскими поселениями, нежели с городскими. Хотя при учете размеров рассматриваемых городов формальная разница не так велика, основное различие приходится на уклад и бытовые практики, в том числе традиции языковой трансляции (точнее, в данном контексте ее отсутствия).

Выводы

Во-первых, нарративы, которые проходят «фильтр» исторической памяти, тесно завязаны на идентичность жителей, престиж и символический капитал. Если город «играет на общероссийском поле», то актуализированность исторических деятелей общероссийского масштаба будет гораздо выше, чем в тех городах, к которым эти деятели имели примерно то же отношение, но город при этом не имеет подобных амбиций. Так, Ленин и Графтио гораздо чаще встретятся в ответах волховчан, чем подпорожцев, Петр I — в ответах ивангородцев и ладожан, чем тех же подпорожцев, Суворов — в ответах ладожан, чем сясьстройцев, и т. д.

Во-вторых, в исторической памяти горожан, как правило, отражается то, что воплощено в пространстве в виде физических объектов или топонимики, то есть представляет собой место памяти [Нора 1999]. Ивангородская крепость напоминает о бесконечных войнах со шведами, о царях Иванах и Петре I; герои Великой Отечественной войны воплощены в монументах, бюстах на аллеях памяти и в табличках с названиями улиц; гордость индустриального первенства зримо присутствует в ГЭС и корпусах ЦБК. Обратное тоже верно: если в городе не сохранилось исторической застройки (как в Волхове, Сясьстрое, Подпорожье, Коммунаре) или она не распознается как таковая (Светогорск), то жители чаще всего равнодушны к той истории, которую не застали они лично или их семья.

То есть идеальное сочетание факторов для попадания в дискурсивное поле горожан — вхождение в ядро идентичности в сочетании с физической представленностью в городском пространстве. При этом одно может усиливать и провоцировать другое: при общем мотиве «Великой Отечественной» в каждом городе помнить будут именно тех героев, кто институционально увековечен в памятниках, названиях улиц и др.

Глубина «непосредственной» исторической памяти [Хальбвакс 2005], в том числе памяти, не воплощенной в физической среде — например, об утраченных объектах или о событиях и лицах без привязки к ландшафту коррелирует с давностью жизни большинства семей в городе. На территории Ленобласти ряд исторических горо-

дов оказался массово заселен современными жителями после Второй мировой войны; это привело к тому, что актуальной городской памятью большей части жителей стали их собственные воспоминания, а остальная «книжная» история актуализирована постольку, поскольку имеет проявления в городской среде. Для тех же городов, в которых «укорененность» семей восходит к моменту основного заселения города, такая топографическая привязка гораздо менее важна, а значимое отсутствие может вызывать конфликты (как случилось с ныне несуществующим Волховским алюминиевым заводом). При этом важно, что из рассмотренных городов только в одном — Новой Ладоге — многие семьи проживают с дореволюционного периода, остальные города оказываются в той или иной степени «новозаселенными».

Существование и сохранность исторических нарративов в рассмотренной выборке обратно коррелирует с динамикой прироста населения. Это связано с тем, что исторические сюжеты более распространены в тех городах, где заметная часть семей живет не первое поколение, а иммиграция из других регионов при этом низкая. При этом из-за второго демографического перехода вместе с систематическим оттоком молодежи в результате наблюдается убыль населения. Это характерно для всех рассмотренных городов, за исключением сателлитов: находясь рядом с мегаполисом, они, наоборот, привлекают переселенцев, и за счет этого потока «вымываются» те исторические нарративы, которые там, возможно, существовали раньше.

Литература

- Алексеевский, М. Д. (2015). Прикладная городская антропология. *Управление развитием территорий*, 2015(1), 20–24.
- Воробьева, О. В. (2021). Разработка количественного опроса в прикладных городских исследованиях. *Городские исследования и практики*, 6(2), 85–95. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp62202185-95>
- Линч, К. (1982). *Образ города*. М.: Стройиздат.
- Методическое руководство по проведению проектных семинаров — публичных встреч с жителями, посвященных выработке общественных заданий на благоустройство территории. (2019). Ижевск: Центр развития городской среды Удмуртской республики.
- Нора, П. (1999). Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. В П. Нора, М. Озуф, Ш. Пюимежа, М. Винока. *Франция — память*, 17–50. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Оже, М. (2017). *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение.
- Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 2/3(40/41). Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>
- Kuzenbach, M. (2003). Street phenomenology: the go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485. DOI: 10.1177/146613810343007

References

- Alekseyevskiy, M. (2015). Applied urban anthropology. *Territory development management*, 2015(1), 20–24. (In Russian).

- Halbwachs, M. (2005). Collective and historic memory. *Reserved funds*, 2/3(40/41). Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (In Russian).
- Kuzenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3), 455–485. DOI: 10.1177/146613810343007
- Lynch, K. (1982). *The image of the city*. Moscow: Buildpress. (In Russian).
- Methodological guide in democratic design sessions – public meetings with citizens dedicated to development of design assignments for public amenities*. (2019). Izhevsk: Center of Urban environment development in Udmurt republic. (In Russian).
- Nora, P. (1999). Between memory and history. Problematics of places of memory. In P. Nora, M. Ozouf, G. Puimegea, M. Winock. *France – memory*, 17–50. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Ozhe, M. (2017). No-places. Introduction to the anthropology of hypermodernity. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Vorobyeva, O. (2021). Quantitative survey design in applied urban studies. *Urban studies and practices*, 6(2), 85–95. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp62202185-95> (In Russian).

ДЕТАЛИ ГОРОДА

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Семейные архивы жителей Луганщины

Вадим Феликсович Лурье^[1]

✉ vadimflurie@gmail.com

ORCID: 0009-0008-2422-9009

^[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Лурье, В. Ф. (2024). Семейные архивы жителей Луганской области. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 160–186. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-160-186.

Статья основана на материале семейных архивов жителей Луганщины, оцифрованных в рамках проекта «Донбасс: семейный фотоархив» в экспедициях 2018–2019 годов. Материал (фотографии, сделанные любителями и снятые в ателье) относится по преимуществу к 1960–1980-м годам — времени расцвета фотолюбительства, но в целом хронологически охватывает весь XX век, включая и дореволюционные фотокарточки, и снимки 1990-х годов. В статье охарактеризован сюжетный состав фотоархивов; особое внимание уделяется представлению в них хроники жизни семьи и сохранению памяти о различных знаковых для нее событиях, таких как свадьба (роспись в ЗАГСе, посещение молодоженами мемориалов, ряжение участников свадебного празднования и т. д.), рождение ребенка, жизнь ребенка (в частности, поступление в первый класс и выпускные мероприятия), домашнее празднование Нового года и дней рождения членов семьи, служба в армии (в частности, принятие присяги), участие в праздничных демонстрациях 1 Мая и 7 Ноября и, наконец, похороны. Кроме того, архивы содержат фотографии членов семьи, их друзей и родственников (такие фотографии было принято дарить на память, о чем свидетельствуют надписи на оборотах): фотография, помимо фиксации семейных сюжетов, имела коммуникативную функцию. Отдельно описывается созданная автором на платформе Daminion база данных, предоставляющая возможность тегировать загруженные медиафайлы и осуществлять поиск по ключевым словам. Приводится список ключевых слов, характеризующий сюжет фотографий донбасского фотоархива, и количество фотографий, тегированных таким образом.

Ключевые слова: фотография, семейный архив, историческая память, Донбасс, Луганщина, база данных Daminion

Family archives of the residents of the Luhansk Region

Vadim F. Lurie^[1]

✉ vadimflurie@gmail.com

ORCID: 0009-0008-2422-9009

^[1] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:

Lurie, V. (2024). Family archives of the residents of the Luhansk Region. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1-2), 160-186. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-160-186.

The article is based on the materials from the family archives of residents of the Luhansk region, digitized as part of the project “Donbas: Family Photo Archive” during the expeditions of 2018–2019. The material (both amateur photographs and studio shots) predominantly dates back to the 1960–80-s, a time of flourishing amateur photography, but chronologically it covers the entire 20th century, including pre-revolutionary photographs and also pictures from the 1990-s. The narrative composition of the photo archives is characterized; special attention is paid to the representation of family life chronicles and the preservation of memories of various significant events, such as weddings (civil registry office registration, newlyweds visiting memorials, wedding celebration participants dressing up, etc.), the birth of a child, the child's life (in particular, starting school and graduation events), home celebrations of New Year's Eve and family members' birthdays, military service (in particular, taking the oath), participation in May Day and November 7th demonstrations, and finally, funerals. Besides, the archives contain photographs of family members, their friends, and relatives (such photographs were customarily given as mementos, as evidenced by inscriptions on the back): photography, in addition to capturing family scenes, had a communicative function. The author also describes a database created on the Daminion platform by himself, which provides the ability to tag uploaded media files and search by keywords. A list of keywords characterizing the subjects of the Donbas photo archive and the number of photographs tagged accordingly is provided.

Keywords: photography, family archive, historical memory, Donbas, Luhansk region, Daminion database

Считается, и не без оснований, что в каждой стране можно выделить свои особенности, просто указав на части света, к которым относятся те или иные ее области. Даже в небольшом государстве могут различаться условный север и юг, запад и восток, а в странах многонациональных, с разным географическим положением, со сложной политической историей такое деление неизбежно подчеркивает сложившиеся стереотипы отношений между жителями различных регионов. Это в полной мере относится и к Донбассу.

Неоднократно заявлялось, что в наше время это название стало анахронизмом и не отражает реалии двух областей, во многом между собой отличающихся — Донецкой и Луганской.

Когда я впервые поехал «на Донбасс», т. е. в Луганскую область зимой 2018 года, меня интересовала визуализированная память о повседневной жизни. Я искал местных жителей, которые были бы готовы поделиться своими семейными фотоархивами. Эта идея возникла после того, как мы с руководителем Арт-резиденции Катериной Сирик обсуждали, что можно сделать — нашими небольшими, скромными силами — для того, чтобы сделать Донбасс, его историю и идентичность его жителей более понятными для людей, незнакомых с этим регионом¹.

Местные арт-активисты сформировали запрос на создание культурного продукта, который мог бы презентовать их родную местность и регион в целом. В качестве одного из способов решения этой задачи я предложил обратиться к личной памяти жителей, найти в ней то, что было бы непосредственно связано с памятью коллективной, собрать достаточный массив таких данных и начать создавать на его основе культурные продукты. Именно такая задача, на мой взгляд, непосредственно связана с мирной, ненасильственной трансформацией коллективной памяти. Мы обратились к семейным фотоархивам как к независимым источникам, хранящим информацию о повседневных частных и общественных практиках разных лет, увиденных изнутри, с точки зрения обычного человека с фотоаппаратом, снимающего для себя и своей ограниченной группы зрителей (друзей и семьи). Так появился проект «Донбасс — семейный фотоархив». Его цели можно сформулировать как поиск и вычленение визуальных сюжетов, маркированных как специфически донбасские, попытка ответа на вопрос, из чего же состоит визуальная память семей, проживавших в одном небольшом регионе.

Когда мы стали готовиться к первой экспедиции и искать информацию по истории фотографии в Донбассе, неожиданно обнаружилась важная для меня история. Оказалось, что первым фотографом Лисичанска был мой однофамилец Соломон Ионович Лурье. Мне прислали фотографию с его кабинетным штампом. Согласно справочнику дореволюционных фотографов, его ателье работало с 1906 по 1916 год. Информация в справочнике была очень скудная, даты жизни и место рождения не указывались. Был известен только адрес, который указывался на каждой кабинетной фотокарточке: Лисичанск, отделение в Третьей Роте².

¹ По материалам экспедиций была написана книга: [Лурье 2022]. В статье есть пересечения с текстом книги и используются представленные там материалы.

² Третья Рота — историческое название поселения недалеко от древнего Лисичанска; село, впоследствии город, вошедший в состав Лисичанска. По указу Сената от 29 мая 1753 года в числе других воинских подразделений, которые состояли из бежавших из-под турецкого ига сербов, хорватов, болгар и волохов, на реке Верхней Бельской была поселена третья рота Бахмутского гусарского полка. Возникшее поселение получило двойное название: Третья Рота — по номеру подразделения и село Верхнее — по названию реки. См. статью [http://www.lisichansk.in.ua/history].

В Лисичанском краеведческом музее я нашел фотографии С. И. Лурье, сделанные в середине 1920-х годов. Дальше следы его теряются³.

Каково это — жить в таком месте и быть уездным фотографом? Переводить трехмерное и живое в двумерное и — все равно живое? Какова была судьба его? Может быть, он умер от старости, а может быть, погиб во время фашистской оккупации. Пока в открытых источниках обнаружить что-либо о его судьбе не удалось.

В память о нем, в качестве своеобразного посвящения и потому, что я хотел испытать хотя бы подобие того, что переживал и делал фотограф начала XX века (конечно, это в полной мере невозможно, но — он Лурье, я Лурье; мы оба фотографы, а это уже много), я решил открыть ателье одного дня: обустроить пространство и позвать людей для фотосъемки. В первый раз я это сделал на территории Арт-резиденции «+/-» в бывшем кафе «Шахматное» (Северодонецк). Второй раз нам удалось организовать фотоателье в краеведческом музее Лисичанска. Там было замечательное помещение, где стояли принесенные горожанами вещи: шкафчики, советская школьная парта, круглый стол с самоваром, пишущая машинка, детская кроватка и настенный коврик с изображением Волка и Красной Шапочки; в этом интерьере я и производил съемку. Пришло неожиданно много людей, около 50 человек. Это был очень интересный опыт: и для меня, и для тех, кто пришел на съемку. Музейные экспонаты были знакомы всем, рожденным в СССР (да и не только). В интерьере люди преображались, и память тела диктовала их поведение. Женщины и мужчины поднимали тяжелые телефонные трубки, садились за пишущие машинки, брали в руки шахтерские инструменты так непринужденно, как будто делали это всю свою жизнь. Все было как в настоящем ателье. Заходили семьи с детьми, компании друзей, одиночки. Они улыбались или делали серьезные лица — не для меня, а для камеры. Хотя, конечно, немного и для меня...

Исследование повседневности невозможно без обращения к визуальному фотографическому наследию. Однако то, что представляется нам сейчас важным для понимания какой-либо локальной культуры, далеко не все ценили и собирали. Но есть важный источник — любительская фотография. В разных странах постоянно «открывают» кого-то из любителей, вводя их фотоархивы в общее культурное поле. Например, Юрий Галёв (1929–2006), учитель из села Вождора Архангель-

³ Возможно, информация о нем хранится в Луганске, областном центре (хотя в те времена Лисичанск относился к Бахмутскому уезду Екатеринославской губернии). Соломон Ионович фотографировал мещан, сельских жителей, военнослужащих, казаков. Погуглив, я нашел на разных сайтах, в том числе антикварных, довольно много фотографий с паспорту его ателье и с его напечатанной подписью. Мне очень хотелось разузнать о его судьбе. В базах данных репрессированных я нашел запись «Лурье Семен Ионович. Год рождения 1900, место рождения г. Луганск. Год репрессии 1936, 5 лет ИТЛ». Источник — Книга памяти Смоленской области. Приходился ли он родственником Соломону Ионовичу, неизвестно, но это вероятно.

ской области⁴, или Вивиан Майер (1926–2029), няня из Чикаго⁵, — их работы становятся важнейшими источниками для понимания культуры, не говоря уже об эстетическом компоненте их работ. И очевидно, что таких фотолюбителей будет открыто еще много. Главное — искать и создавать в обществе представление о том, что семейные архивы очень ценны, ведь часто их участь печальна.

Общая проблема существующих доступных фотоархивов в том, что в основном это архивы государственные, они хранят приемлемую с официальной точки зрения информацию, которая подходила по цензурным и идеологическим требованиям. Как отмечает Марианна Хирш, «люди, работавшие в колониальных архивах, задаются вопросом — как рассказать историю колонизированных, если архив — это архив колонизатора? Приходится работать с пустотами, но вы можете указать на них, вы все равно можете найти способы реконструировать историю даже там»⁶. Домашняя фотография была неподцензурна, в ней было что-то от самиздата. В этих фотографиях, которые часто не постановочные, живые, выражается та часть жизни людей, которая нашла свое художественное воплощение в фотографиях известного украинского фотографа Бориса Михайлова. Эти архивы имеют большой потенциал как художественные и документальные свидетельства жизни обычных людей Донбасса на всем протяжении XX века и очень ценны для нас.

* * *

Итак, в 2018–2019 годы мною были предприняты три экспедиции на Донбасс. Агломерация из нескольких городов и поселков представляет собой подходящее место для изучения советской и постсоветской повседневности. Город Лисичанск (образован в начале XVIII века) — это «колыбель Донбасса», именно здесь было открыто месторождение угля. Соседний Северодонецк, возникший в 1934 году, — моногород, в нем находится ранее известное во всем Советском Союзе предприятие «Азот». Рубежное — город химических НИИ. За XX век в этих городах перемешалось местное украинское и приехавшее для освоения Донбасса население, городское и сельское, образованное и рабоче-крестьянское, украино- и русскоязычное.

Всего за период этих трех экспедиций было оцифровано 50 архивов (14 948 файлов). Материал показывает, что понятия «домашний архив» и «фотоархив» применительно к нашему материалу практически тождественны. В альбомах или отдельных пачках, в конфетных или обувных коробках вместе с фотографиями хранятся различные письма, открытки, пропуска на работу или в учебные заведения, гра-

⁴ См. материалы выставки в Государственном музейно-выставочном центре РОСФОТО (2015). [<https://www.foto-video.ru/art/exhibition/68467>].

⁵ См. официальный сайт работ фотохудожницы [<https://www.vivianmaier.com>].

⁶ Лозинская А. «Есть разница между постпамятью и мобилизацией патриотических чувств»: [Интервью с М. Хирш] // Уроки истории. 2016. 21 окт. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53499>. Дата обращения 10.06.2021.

моты, газетные вырезки, детские рисунки; в одном из таких архивов мне попался даже кусочек пеленки с именем ребенка. Хотя обычно исследователи эго-документов считают таковыми письменные источники, вполне можно включить в их состав и фотографии из личного архива, особенно если они подписаны или имеют расширенные подписи на обороте⁷. Моя собирательская задача заключалась в том, чтобы скопировать совершенно все, включая фотографии плохого технического качества. Практически всегда это удавалось сделать, и это не вызывало неприятия владельца архива. Никаких выборов, субъективных отборов: «это надо — это не надо». Единственное, чем мы себя ограничили, — это временной период. В начале 1990-х люди перешли на «мыльницы», снимающие на цветную пленку, и это в корне изменило культуру, эстетику и стилистику фотоальбомов. Таким образом, верхняя граница нашего архива — середина 1990-х годов. Все, снятое до этого времени, мы копировали целиком, практически без лагун, ведь только имея в базе данных весь материал фотоархива, можно делать достоверный статистический анализ, касающийся содержания архива. Из массива исключались только копии. Некоторые фотографии из этих архивов мы приводим на стр. 179–186.

После обработки (заклучавшейся в обрезке фона и выправлении баланса белого) и исключения дублей все файлы помещались в специализированную базу данных, и там им присваивались теги. Я разметил их согласно темам, сюжетам и содержанию (см. список тэгов в конце статьи).

Кроме того, были скопированы три собрания: домашний архив бывшего городского фотографа, архив школы (Рубежное) и Центра детско-юношеского технического творчества (Лисичанск). В двух последних представлены визуальные образы детства, школы, пионерии, официальных социальных практик с точки зрения самих этих институций, т. е. «официальный» взгляд, но изнутри самого сообщества.

По ходу работы, во-первых, стали очевидны особенности работы с архивом, который собирается непосредственно в поле, а не является выборкой «лучшего». Во-вторых, стала более или менее понятна содержательная специфика донбасского архива. В-третьих, были обнаружены сюжетные и визуальные особенности региона — луганской части Донбасса.

Все мы имеем представление о том, из чего состоит усредненный семейный фотоархив: его содержание достаточно универсально. Детство, школа, служба в армии, свадьба, календарные события и элементы семейной обрядности. Но детальное исследование, анализ фотоснимков разных сюжетов, мужских и женских портретов и многое другое, внимание к локальным деталям — все это позволяет узнать, что составляет коллективную память жителей конкретного региона [Лурье 2019].

⁷ Эго-документы чаще всего описываются как «источники личного происхождения». См., например: [Голубинов 2019].

Архив позволяет проследить как глобальную историю большой страны — с войнами, индустриализацией и т. д., так и личную — историю конкретной семьи, и локальную — историю территории, которая всегда была местом пересечения наций, культур и государств: своеобразным фронтиром. Из полученного материала видно и то, что Донбасс — место встречи традиционной сельской и городской, промышленной культуры переселенцев из разных мест. В архивах сталкиваются и соединяются сюжеты и мотивы советского, украинского и регионально-го — донбасского, создавая неповторимое визуальное полотно.

Из чего состоит домашний фотоархив жителя Донбасса? Большая часть фотографий относится к 1960–1980-м годам — времени расцвета фотолюбительства. Но в оцифрованных архивах отражен весь XX век, в них представлены и дореволюционные фотопортреты, и фотографии, сделанные до середины 1990-х годов.

При разборе массива архивов становится понятно, что они пополнялись из самых разных источников. Это происходило даже в случае, когда архив создавался в семье активно снимающих фотолюбителей. Даже при наличии собственного фотоаппарата люди ходили сниматься в фотоателье. Канону, созданному ателье, следовали и некоторые фотолюбители: повторяя минимализм, отсутствие отвлекающего постороннего фона, даже если фото делали на улице, постановку фигур и общую композицию кадра.

Кроме фотографий, созданных в семье или сделанных в ателье по каким-то особым случаям, это могут быть фото, которые были сделаны другими фотолюбителями, друзьями и знакомыми, в том числе профессиональными и полупрофессиональными фотографами заводских газет, профкомов, фотоклубов и так далее. Разница в точке съемки, в разных задачах фотографов (осознанных или нет) приводит к разнообразию в репрезентации события. «Это я снимаю демонстрацию» дополняется «это я на демонстрации», и так далее.

Долгое время советская документальная фотография была в большой степени постановочной — и не только потому, что таково было требование идеологических редакторов: сама идея документальности, невмешательства в то, что фотографируешь, появилась не сразу. Не сразу она была востребована и зрителями, предпочитавшими смотреть на, скажем так, «подготовленные» образы.

Фотографы-любители находились под влиянием господствующих эстетических и этических норм съемки (снимали «как в ателье», рассаживали родственников за столом и так далее), но при этом, возможно, предвосхитили и сами создали некоторые стандарты документальной фотографии. Застать объект съемки врасплох, снять, когда никто этого не замечает и выражает свои естественные эмоции — такие снимки были удачами для фотолюбителя.

Фотографы-любители в основном снимали хронику своей жизни и жизни своего ближайшего окружения. Несмотря на это, обыденное, повседневное фиксируется на фотографиях достаточно редко. Прак-

тически никому не приходило в голову делать снимки окружающих вещей или пейзажей — таких фото очень мало, они свидетельствуют о том, что любитель имеет склонность художника. Такое любители начинают снимать, только попав в экзотическую для себя обстановку — в отпуск в Крым или в командировку в Среднюю Азию.

Поколения владельцев архивов меняются, и исчезает понимание контекста, существующего вокруг изображения. Изображенный на фотографии может помнить детали происходящего, почему он оказался в этом месте в это время, кто рядом с ним, что стало с окружающими его людьми и все прочее. Но когда я сам смотрю на фото своих родителей или рассматриваю фото бабушки и дедушки, родившихся в 1905 году, конечно, мое понимание того, что там изображено, сильно ограничено. Даже если на картине изображены конкретные люди, они уже лишь «идеи» этих людей, своего рода иконические изображения. И тут я не могу не согласиться с авторами высказывания: «Вместо того чтобы быть “зеркалом с памятью”⁸ или инструментом для критического исследования прошлого, семейная фотография позволяет своим владельцам одновременно критиковать и ностальгировать, забывать, вспоминая, и чтить придуманную ими же самими историю» [Саркисова, Шевченко 2015]. Потеря контекста позволяет очень широко трактовать фотографический образ.

Встреча внешней, общественной и частной жизни в пространстве домашнего фотоархива случается нередко. Например, это фотографии военнослужащих срочной службы, которые присылали родственникам и знакомым, фотографии, сделанные на рабочем месте или во время учебы. Они фиксируют общественное положение фотографируемого, демонстрируя его статус и само течение жизни.

Отдельный интерес представляет то, как в домашнем архиве представлены государственные праздники и как они сочетаются с праздниками домашними. Я не хочу углубляться в теоретический анализ того, как именно частное взаимодействовало с официальными дискурсивными практиками — было ли то позицией вненаходимости, см.: [Юрчак 2014], или существовало параллельно, независимо, или же, наоборот, частное полностью подчинялось государственному. Я хочу рассмотреть конкретные случаи фиксации в домашних фотоархивах официальных событий, праздников, различных практик на примере собранного в Луганской области материала.

Снимки из домашних фотоархивов свидетельствуют о том, что государственные и семейные праздники зачастую переплетались и объединялись между собой. Например, после официальной уличной демонстрации 1 Мая или 7 Ноября люди собирались за домашними столами — и совсем не для выражения политической позиции. При чем 1 Мая такие застолья могли происходить сразу после демонстрации на природе в виде пикника.

⁸ Метафора восходит к работе [Holmes 1980].

Ситуация городского (государственного) праздника разрешала и поощряла то, что в обычные дни нельзя было представить советскому человеку — массовые гуляния по городу, активное выражение эмоций, допускались некоторые нарушения общественного порядка (вроде перехода улицы в неположенном месте, распития напитков и прочее). Подобное описание наводит на мысли о карнавале, и нередко именно такие «паракарнавальные» моменты фотографировали фотолюбители и потом сохраняли в своих архивах.

Кроме различия по осям «частное» и «общественное», есть отличия по тому, где проживает семья фотолюбителя. Семьи и небольшие коллективы по-разному коммуницируют между собой в селах и городах; очевидно, что село общается внутри себя гораздо теснее, и это подтверждают фотографии различных праздников и объединяющих людей событий (например, похорон). В селе фотограф сам становится актором, объединяющим отдельные семьи между собой: фотографируя и распространяя карточки совместных трудовых или праздничных, памятных событий, детских праздников и так далее. Это видно по деятельности таких сельских фотографов, как уже упоминавшийся учитель Юрий Галёв и Параска Плитка-Горищвит (1927–1998), которая прошла сталинские лагеря, а потом почти всю жизнь прожила в гуцульском селе Криворивня Ивано-Франковской области Украины. Фотолюбитель, активно снимающий окружающую жизнь, являющийся «своим» для тех, кого он снимает, видит гораздо больше, чем любой профессиональный документалист, к которому не испытывают доверия. При этом, конечно, любителям может не хватать рефлексии и отстраненности, не говоря уже о часто более слабой технической стороне съемки. Роль фотолюбителя, раздающего друзьям и родственникам фотографии, формирующего общую память о прошедших событиях в небольших сообществах, нуждается в отдельном исследовании.

Перейдем к конкретным примерам того, как именно в домашнем фотоархиве сохраняется память о различных знаменательных и просто памятных событиях. В них, в основном, и заключается основная хроника семейной жизни.

1. Свадьба. Важнейшее событие в жизни семьи и того сообщества, к которому принадлежат вступающие в брак. В домашних фотоархивах это событие предстает в нескольких вариантах. Прежде всего, это стандартная свадебная фотосессия, которую делают в ЗАГСе. Советский обряд состоял из нескольких частей. Во-первых, это момент обращения к собравшимся работника ЗАГСа: зрители сидят или стоят немного в отдалении, а новобрачные со свидетелями стоят у стола, за которым их «распишут». Обязательно фиксируется советская составляющая обряда — памятник Ленину или различная символика. Во-вторых, фиксируется момент росписи в книге Актов гражданского состояния, обмен кольцами и первый поцелуй в новом статусе. В-третьих, часто предполагается посещение главного городского мемориала для возложения цветов и, по сути, демонстрации «городу и

миру» своего нового статуса (а возложение цветов павшим землякам похоже на обращение к духам предков). Официальный обряд продолжался или в доме, или в ресторане. Домашний традиционный обряд (более характерный для сельской местности, но порой в той или иной степени сохранившийся и в городе) предполагал трехдневное празднование, причем на третий день было распространено ряжение, переодевание мужчин в женщин и наоборот. Венчание, как и обряд крещения, фиксируется в архивах с 1990-х годов.

2. Рождение ребенка. Обязательно фиксируется как фотолюбителями, так и в ателье. В ателье родители снимаются вместе с ребенком и снимают ребенка отдельно, в домашних фотоархивах (где часто снимает отец семейства) появляется сюжет «мать с ребенком» (неизбежно напоминающий Мадонну с младенцем). Советская обрядность включала в себя сюжет «регистрация рождения ребенка в ЗАГСе» — своеобразная замена акта крещения ребенка в церкви. При этом часть родителей ребенка все равно крестила. В нашем архиве фотографии крещения относятся только к 1990-м годам, когда давление государства на церковь снизилось, и в городах стали вновь открываться храмы.

3. Жизнь ребенка. От рождения до поступления в ВУЗ или техникум, а в случае мальчиков, до ухода в армию, жизнь детей и подростков фиксируется в семье очень подробно: фото в яслях, детском саду, на различных праздниках, в пионерском лагере, отдельные портреты. Главные праздники, связанные со школой и фиксируемые в архивах — это поступление в первый класс и выпускной, день окончания школы. Обе «инициации» очень важны. Поступление в первый класс — это начало общественной жизни, своеобразный выход из семьи в мир. Окончание школы — выход во взрослую жизнь, часто связанный (особенно в сельской местности) с уходом из семьи, переездом к месту учебы, военной службы или работы.

4. Новый год зафиксирован в архивах во всех возможных вариациях: в детских учреждениях, дома, в гостях, на улицах города. В советское время это был самый неидеологизированный общественный праздник, тем не менее, фотографии фиксируют в детских учреждениях обязательную советскую атрибутику. Кроме Нового года, нужно назвать и другой семейный праздник — **день рождения** члена семьи, также сопровождаемый застольем и приглашением гостей. Если день рождения приходится на теплое время года и проходит в сельской местности, скорее всего его будут отмечать за столом под открытым небом.

5. Служба в армии. Главные события этого периода — принятие присяги (это торжественный акт, после которого солдату доверяется оружие, и он становится полноправным военнослужащим) и «дембель», т. е. приказ о демобилизации, после которого будет отправка домой и возвращение в гражданскую жизнь (если, конечно, солдат не остается на сверхсрочную службу). Сама по себе армейская (или флотская) жизнь часто фиксируется довольно подробно, особое внимание

обращается на наиболее эффектные виды вооружения или детали службы на территории стран Восточного военного блока: ГДР, Польши, Венгрии и т. д.

6. Советские праздники. Праздничные даты, фиксируемые в архивах, помимо упомянутых выше, в основном относятся к советской обрядности. Это два главных советских праздника, во время которых проводились демонстрации трудящихся: 1 Мая (День международной солидарности трудящихся) и 7 Ноября (День Великой Октябрьской социалистической революции). Оба праздника предполагали активное передвижение колонн трудящихся, объединенных по месту работы, с транспарантами и портретами руководителей советского государства к месту, где произносились речи официальными лицами (обычно это была главная площадь города). После чего наступал момент некоторой разрешенной анархии — люди расходились по домам, продолжали праздновать на улицах и в скверах, а вечером в домашней обстановке. Такие фотографии запечатлевают общение с коллегами в формате «общего выхода в город с детьми и шариками», черты времени — плакаты и портреты вождей. Для фотолюбителя в эти дни легитимизируется открытая фотосъемка в городе, появляется возможность снимать репортаж.

7. Помимо всех вышеупомянутых важных дат в семейной хронике стоит сказать о еще нескольких, не столь явно и массово представленных в домашних фотоархивах. Их можно назвать **хроникой частной жизни** — и часто глубинный смысл этих фотографий размывается и становится непонятным представителям другого поколения или исследователям. Конечно, «памятной» можно считать практически любую фотографию, она фиксирует какой-то определенный момент жизни человека. Но есть и более четкое понятие «памятное фото». Во-первых, это портреты — свои (владельцев архива) и чужие — их друзей и родственников. Часто такие фото делались для подарка при расставании. Об этом свидетельствуют и подписи на оборотах фотографий. Здесь важен факт того, что фото сделано специально для кого-то конкретного, и пусть копии хранятся в собственном альбоме, смысл этой фотографии, ее месседж, совершенно определенный. Во-вторых, такие сделанные «на память» фото фиксируют важные для конкретного человека моменты жизни, его собственные «памятные даты». Это может быть переезд в другое место (часто отдаленное), связанный, в свою очередь, с поступлением в образовательное учреждение или на новую работу. Очень важен был переезд из деревни в город, таким образом человек переходил практически в другое сословие, гораздо более свободное в выборе своих занятий (как известно, паспорта, без которых было невозможно перемещение по стране, крестьянам окончательно выдали только к концу 1970-х годов, а где-то и позже). Такого типа события очень важны для истории конкретного человека, и их фиксация была необходима для коммуникации с друзьями и родственниками.

8. Похороны. Традиция посмертных фотографий или фотографий похорон распространена не везде. В России и Украине такие фотографии более характерны для сельской местности, и фиксация их относится в большей степени к 1960-м и 1970-м годам, см. [Бойцова 2010]. Необходимость фотосъемки порой объяснялась тем, что такие фотографии высылали близким, друзьям и родственникам покойного, которые не могли присутствовать на похоронах по каким-то существенным причинам. В архиве фотографий, собранных в Луганской области, похоронные фотографии можно разделить на несколько типов. Во-первых, это посмертная фотография в гробу. Во-вторых, общий памятный снимок пришедших на похороны с покойным в открытом гробу. В-третьих, это фиксация процесса похорон: вынос гроба из дома, перевозка гроба на грузовике на кладбище, похоронная процессия. В-четвертых, это фотографии на кладбище, снятые как в день похорон, так и на годовщины или в принятые дни посещения кладбища и поминания усопших.

Примерно десятую часть базы данных составляют тексты на оборотах фотографий, в том числе формульные, см. о них [Бойцова 2006]. Эти тексты позволяют понять контекст, в котором существовали фотографии. Одни фотографии, оформленные в ателье или при самостоятельной печати, как открытки (например, с подписями на портрете), отправляли по почте. Другие дарили друзьям и подругам.

Описывая найденное, сравнивая разные коллекции, неизбежно обращаешь внимание и на то, какие типы снимков в фотоархиве не представлены. Благодаря базе данных можно увидеть, каких изображений крайне мало: это фотографии пейзажей и ландшафтов, отдельных предметов, интерьеров. Во всем архиве из 15 000 фотографий всего на 140 отсутствует изображение человека. В то же время сюжет, который максимально представлен в архивах и занимает треть всего массива, — однофигурные портреты, их более 3 000. Портретов пар или групп из трех людей гораздо меньше (примерно по 300). Групповые, коллективные портреты также составляют примерно треть архива (почти 3 000).

Какие из этого можно сделать выводы?

Во-первых, фотография помимо фиксации семейных сюжетов имела коммуникативную функцию. Из надписей на фотографиях понятно, что они подарены кем-то владельцу архива. Соответственно, и хозяин архива ходил в ателье делать свои портреты для того, чтобы дарить их друзьям и подругам и чтобы в семье сохранялась память о людях и событиях. Мы наблюдаем ситуацию диалога, выражающуюся в обмене фотографиями (с текстами и без них). И семейный альбом сразу перестает быть просто поступательной развивающейся хронологической историей семьи, он многократно усложняется через дополнение различными параллельно развивающимися историями.

Из выбранных фото владельцы зачастую составляют идеализированную историю семьи. Но основная функция фотографий — комму-

никация, обмен фотографиями сродни обмену писем между близкими или знакомыми людьми, и в нем важна максимально четкая фиксация образа человека без каких-либо лишних предметов и объектов: сообщение этого образа и есть главный месседж фотографии.

Во-вторых, очень существенным мне представляется сохранение в течение длительного времени традиции фотосъемки человека на однотонном фоне — без дополнительных примет места; важным для фотографируемого является лишь он сам, его поза, одежда, но не социальное (или географическое) окружение.

Можно заметить, что в подавляющем числе случаев авторы фотографий не ставили привычные в нашем понимании задачи — ни художественную (таких попыток очень мало), ни строго документальную (человек в контексте, съемка посторонних людей скрытой или незаметной камерой). Фотосъемку по канонам ателье сложно назвать художественной. Можно предположить, что съемка человека, его портрета — с минимумом информации о контексте, в котором человек существует, — говорит о том, что фотографирующий и фотографируемый стремятся к позиции вненаходимости в понимании М. М. Бахтина: «Эстетически значимая форма есть выражение существенного отношения к миру познания и поступка, однако это отношение не познавательное и не этическое: художник <...> занимает существенную позицию вне события, как созерцатель, незаинтересованный, но понимающий ценностный смысл совершающегося; не переживающий, а сопереживающий его <...>. Эта вненаходимость (но не индифферентизм) позволяет художественной активности извне объединять, оформлять и завершать событие» [Бахтин 1975: 33]. Значимым контекстом на одиночной фотографии становится одежда и поза, а на коллективной — собственно акт коммуникации, нахождения рядом с другими людьми; фотограф и фотографируемый оказываются соавторами фотографии.

Вопрос о том, кто является автором фотографий и осознавал ли себя автором человек, который нажимал на кнопку затвора, постоянно возникает при исследовании домашних фотоархивов. Часто и потомки не знают, кто снимал, или могут сказать: «У дедушки был фотоаппарат ФЭД». Но вот на фотографии и дедушка — кто его снимал? Представление об авторе размывается. Когда мы смотрим чей-то семейный архив, возникает ощущение, что у всех фотографий один автор, просто он использовал разные приемы и прожил не меньше ста лет. Просмотрев 50 архивов, я подумал, что в них можно выделить не более 10 оригинальных авторов (хотя фактически их не менее 450).

* * *

Все файлы оцифрованных фото после небольшой коррекции загружались в базу данных Daminion. Это специализированная база данных, предназначенная для работы с медиафайлами (фото-, аудио-, видеофайлы). Она позволяет назначать файлам различные теги — ключевые слова и делать комбинированные запросы. Набор ключе-

вых слов я формировал эмпирическим путем, сортируя фотографии. Понятно, что каждый снимок можно описывать очень подробно, присваивая ему весьма большое число тэгов (что может быть полезно при детальном исследовании архива).

В настоящее время в базе данных файлам назначены следующие ключевые слова:

1) ключевые слова, описывающие единицы базы, которые не относятся к собственно содержанию фотографий;

Ключевое слово (сюжет фото)	Описание	Количество
!	тег, отмечающий самые интересные, с моей точки зрения, фотографии	273
armyalbumdesign	дизайн армейских альбомов, здесь в файле оцифрована не одна фотография, а альбомный лист или разворот	149
albumcover	обложки альбомов, фабричные и самодельные	52
albumdesign	образцы оформления альбомов	281
blowup	отдельные увеличенные фрагменты фотографий	102
Document	различные документы, находящиеся вместе с фотографиями	127
Misc	разное, объединяющее предыдущие теги в одну группу «не фотографии»	327
postcard	почтовые открытки (типографские)	140
Script	тексты, написанные от руки на оборотах фотографий	1415
script-date	написанные от руки на оборотах фотографий даты, отмечающие число съемки	215

2) ключевые слова, описывающие содержание фотографий. Слово используется в том случае, если обозначаемый объект есть в кадре;

Ключевое слово (сюжет фото)	Описание	Количество
animals	животные	72
army	армия, военнослужащие	735
armyalbum	армейский альбом	307
army-flot	военнослужащий военно-морского флота	184
art	фото, сделанное в подражание профессиональным фотохудожникам (встречается очень редко)	26
auto-moto	автомобили, велосипеды и разнообразный транспорт	278
baby	ребенок примерно до трех лет, младенец	468
cabinetcard	фотография, сделанная в ателье	2075

Ключевое слово (сюжет фото)	Описание	Количество
cabinetcardcolor	фотография, сделанная в ателье (цветная)	91
child-army	ребенок в военной форме	20
childrens	дети	3094
collage	коллаж из фотографий	51
collective	коллективное фото на память	262
color	цветные фотографии	1414
colorold	фотографии, раскрашенные вручную с помощью зеленки, марганца и прочих доступных средств (в основном 1950-х годов)	42
cut	фото с вырезанными деталями	29
dog	собака	62
family	семья	262
funeral	похороны	100
holiday on sea	отдых на море	173
hunters	охота, рыболовство	29
landscape+arc	ландшафт природный или архитектурный	188
memorial	памятник	200
memorialonly	памятник, сфотографированный без людей	9
newyear	Новый год	417
nopeople	фото, на которых нет людей	140
objects	объекты, предметы	23
org	фото, принадлежащие организациям (а не семьям)	783
passportphotos	фото на паспорт и документы	94
photocard	почтовые открытки (кустарные)	61
photocardpersonal	почтовые открытки (кустарные, с портретом адресанта)	120
photographer	фотограф в объективе	43
pionerslife	пионерская жизнь	344
portret	портрет одиночный	3125
portretclassic	портрет классический	1072
portretclassic 2	портрет двойной	2102
portretclassik 3++	портрет трех и более людей	2318
portretgroup	портрет групповой	2724
portret-child	портрет ребенка одиночный	1450
portret-m	портрет мужской одиночный	1242
portret-w	портрет женский одиночный	1281
religion	религиозные сюжеты (крещение и др.)	42
sovietdemonstration	демонстрация (1 Мая или 7 Ноября)	232
sovietlife	фото с элементами «советского» — плакатами, символами и пр.	372
soviet school — persons	портрет школьника	179
soviet school	школьные фото	718
sovietschoolalbum	школьный выпускной альбом	175

Ключевое слово (сюжет фото)	Описание	Количество
sovietsschoolgroup	школьные фото групповые	468
sport	спорт	59
students-universitets& +	студенты	246
tourism	туризм	354
two people — genre	двойной портрет жанровый	147
two people portret	двойной портрет	1849
wedding	свадьба	945
wedding color	свадьба цветное фото	110
weddingtraditional	свадьба традиционная (2-й и 3-й дни)	82
working	работа	226
yasli-sad	ясли, детский сад	254
zarnica	зарница	29
zastolye	застолье	471

Конечно, это не точная классификация фотографических жанров, это попытка описать их содержание. Такая цель служит как созданию приемлемой классификации, так и возможностям ориентироваться в массиве визуальных данных.

Возможности базы данных позволяют делать перекрестные запросы, т. е. получать выборку файлов (фотографий), которые соответствуют одновременно нескольким параметрам. Например, фото раскрашенное, на котором запечатлен мужчина, или фото свадьбы с участием детей. Количество ключевых слов не ограничено, их можно ставить сколько угодно, соответственно, улучшая свойства базы данных.

Планы на последующую работу с базой данных таковы:

- изучение географии снимков (расстановка тегов с указанием мест фотосъемки, выделение мест туризма и рабочих перемещений, составление карты связей владельца альбома со своими фотографическими адресатами);
- создание временной шкалы (расстановка тегов с точными, если они известны, и примерными датами для каждой единицы базы);
- тегирование лиц для формирования историй жизни конкретных людей;
- создание городских карт со старыми снимками.

Возможно представить фотоархив и в виде социальной сети для понимания связей, интересов и предпочтений людей того времени.

* * *

Что же локального можно увидеть в этих фотографиях, отличающих представленный регион от прочих таких же советских, промышленных, провинциальных? Только уникальные пейзажи или же налет национальной украинской культуры, чаще всего в скромном, почти стыдливом выражении посреди всего советского.

Например, в фотографиях свадебного обряда совершенно четко виден местный сюжет, связанный с украинским обычаем, в ходе которого под ноги молодых поверх общераспространенного ковра кладут полотенце, рушник. Продолжение свадьбы — третий день, хорошо известный фольклористам, — когда наступает время карнавала с переодеваниями. Во многих случаях в советских праздниках участвуют люди с элементами национальной одежды. Еще это могут быть какие-то особенности быта, профессий, деревенской архитектуры. Но меня в данном случае больше интересует не мой посторонний взгляд «другого», а «другой» в пространстве фотоальбома.

Здесь, на мой взгляд, встречаются и не конфликтуют между собой национальная политика СССР, поощряющая визуальное своеобразие «республик-сестер», и внутренняя потребность людей к выражению своей идентичности.

Как увидеть «другого» в пространстве семейного фотоальбома, если это пространство кажется замкнутым и состоящим исключительно из своих? В порядке постановки проблемы я назову следующие сюжеты, в которых любитель с фотоаппаратом оказывался в ситуации «другого».

Прежде всего, это ситуации выхода за пределы знакомого для фотолюбителя мира: командировка, отпуск или служба в армии за пределами СССР. Оказавшись в ситуации исследователя нового для него пространства, часто экзотического, фотолюбитель фиксирует то, что для него непривычно, нуждается в запоминании и показе в кругу своих. Исследуя архивы, можно увидеть, какие именно сюжеты наиболее привлекли фотолюбителя, оказавшегося в роли «другого». Из поездок привозят два противоположных по типу сюжета снимков: 1) сам участник поездки, которого фотографируют в клишированных туристических локациях, и 2) его собственные фотографии, сделанные в попытке увидеть что-то не совсем стандартное или, по крайней мере, интересное самому фотолюбителю. Здесь мы видим смену ролей и смену позиции «другого».

Но есть еще один сюжет фотографий, массовый, в которых позиция «другого» проявлена несколько неожиданно: это автопортреты.

Позволю себе длинную, но необходимую цитату из эссе Дмитрия Узланера «Под взглядом Другого: селфи сквозь призму лакановского психоанализа»:

С помощью своей теории Лакан... пытался показать, что ... «... я» и согласованность на уровне восприятия себя самого достигается путем признания своего собственного образа во внешнем мире и отождествления с ним.

Дело в том, что субъект изначально представляет собой хаотичную разнонаправленную совокупность импульсов, которая может быть превращена в нечто цельное, согласованное и последовательное лишь путем своего отождествления с неким внешним образом, в котором субъект узнает сам себя и начинает — ретроактивно — отождествлять со своим эго, обретающим за счет этого статус чего-то изначального и незыблемого. Но для того, чтобы этот внешний образ был идентифицирован субъектом в качестве

самого себя, необходимо вмешательство еще одной инстанции — Другого... который собственно и фиксирует образ, руководствуясь какими-то своими идеалами и параметрами. Без вмешательства данной инстанции трудно понять, почему именно этот образ был избран субъектом для отождествления с самим собой. Субъект должен сначала увидеть свой образ глазами Другого, и, только получив одобрение от этого Другого, он может узнать в этом образе самого себя, отождествить, идентифицировать себя с ним [Узланер 2016: 194].

Массив фотографий, одиночные портреты женщин, мужчин и детей (примерно треть всего массива собранных фотографий), большая часть которых сделана в ателье или в стиле ателье на однотонном фоне — все эти фотографии сделаны или для другого, или с позиции другого. Мастер в ателье выступал в роли посредника, зеркала, в которое смотрелись люди, пришедшие на фотосъемку — и практически всегда их взгляд обращен прямо в объектив, в глаза — не фотографа, а того, для кого была сделана фотография, того самого «другого», кому эта фотография потом дарилась, пересылалась. Фотографируемый получал визуальную субъектность через утверждения своего образа «другим», и не случайно ателье заменили автоматические кабинки для фотосъемок. Конечно, некоторые из них становились мастерами художественной фотографии, но это не было массово востребовано, и их роль сводилась к технически безупречной фиксации образа — для «другого». В случае фотосъемки детей, которые были лишены субъектности во время фотосъемок, таким «другим» были, безусловно, их родители и родственники, которым посылали фотографии.

Несмотря на герметичность семейного архива, в его пространстве можно обнаружить роль того «другого», которую принимает на себя в одном случае сам фотолобитель, в другом — тот, для кого он сам фотографируется в ателье. А современный зритель альбома — владелец в третьем или четвертом поколении, или мы, собиратели — таким «другим» являемся по умолчанию, и, наверное, поэтому вся сложноустроенная система семейного архива остается для нас скрытой.

Литература

- Бахтин, М. М. (1975). *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М.: Художественная литература.
- Бойцова, О. Ю. (2010). «Не смотри на них, они плохие»: фотографии похорон в русской культуре. *Антропологический форум*, 2010(12), 327–352.
- Бойцова, О. Ю. (2006). Поэтические инскрипты на фотографиях. *Живая старина*, 2006(3), 7–10.
- Голубинов, Я. А. (2019). Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых. *Genesis: исторические исследования*. 2019(12), 1–9. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.12.31568
- Лурье, В. Ф. (2019). Из семейных архивов жителей Донбасса. *Живая старина*, 2019(4), 46–50.
- Лурье, В. Ф. (2022). *Луганские*. СПб.: Свои книги.
- Саркисова, О., Шевченко, О. (2015). В поисках советского прошлого: Любительская фотография и семейная память. *Новое литературное обозрение*, 131(1). Режим до-

супа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11258/?sphrase_id=186822.

Узланер, Д. (2016). Под взглядом Другого: селфи сквозь призму лакановского психоанализа. *Логос*, 26(6), 189–218.

Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

Holmes, O. W. (1980). The Stereoscope and the Stereograph [1859]. In A. Trachtenberg (Ed.). *Classic Essays on Photography*, 71–82. New Haven: Leete's Island Books.

References

Bakhtin, M. (1975). *Problems of literature and aesthetics: Works of different times*. Moscow: Hu-dozhestvennaja literatura. (In Russian).

Bojцова, O. (2010). "Don't look at them, they are bad": Funeral photos in Russian culture. *Forum for Anthropology and Culture*, 2010(12), 327–352. (In Russian).

Bojцова, O. (2006). Poetic inscriptions on photographs. *Zhivaja starina*, 2006(3), 7–10. (In Russian).

Golubinov, Ya. A. (2019). Ego-documents as a way of constructing personal and family history: A case of Petr Gerasimov and Mikhail Gerasimov. *Genesis: Historical research*. 2019(12), 1–9. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.12.31568 (In Russian).

Lurie, V. (2019). From the family archives of Donbass inhabitants. *Zhivaj astarina*, 2019(4), 46–50. (In Russian).

Lurie, V. (2022). *Luganskije*. St. Petersburg: Svoi knigi. (In Russian).

Sarkisova, O., Shevchenko, O. (2015). In search of Soviet past: Amateur photographing and family memory. *New Literary Observer*, 131(1). Retrieved from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11258/?sphrase_id=186822. (In Russian).

Uzlaner, D. (2016). Under the Other's gaze: The selfie through the lens of Lacanian psychoanalysis. *Logos*, 26(6), 189–218. (In Russian).

Jurchak, A. (2014). *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Holmes, O. W. (1980). The Stereoscope and the Stereograph [1859]. In A. Trachtenberg (Ed.). *Classic Essays on Photography*, 71–82. New Haven: Leete's Island Books.

1. Брат и сестра. Надпись на обороте фотографии: «На добрую память дяде Коле от племянников Лены и Вити. 7 января 1960 г.». Из архива Л. Н. Ходыко (пгт Метёлкино)
1. Brother and Sister. Inscription on the back of the photograph: "A memento for Uncle Kolya from niblings Lena and Vitya. January 7, 1960". From the archive of L.N. Khodyko (Metelkino)

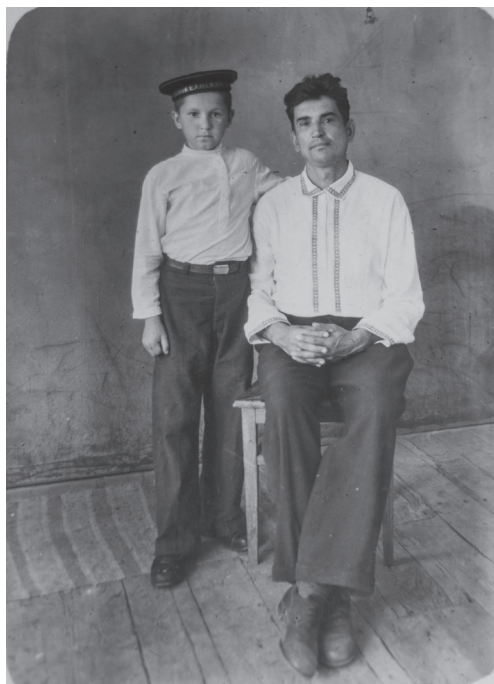
2. Регистрация новорожденного в загсе. 1980-е годы. Из архива Е. Винокуровой (Золотое)
2. Newborn Registration at the Registry Office. 1980s. From the archive of E. Vinokurova (Zolotoe)

3. Бабушка и внучка. 1970-е годы. Из архива М. И. Вороновой (Северодонецк)
3. Grandmother and Granddaughter. 1970s. From the archive of M.I. Voronova (Severodonetsk)

4. Девочка в фотоателье. 1960-е годы. Из архива Н. Троцкой (Рубежное)
4. Girl in a Photo Studio. 1960s. From the archive of N. Trotsky (Rubezhnoe)

5. Портрет отца и сына. 1951 год. Из архива А. Елизарова (Северодонецк)
5. Portrait of Father and Son. 1951. From the archive of A. Elizarov (Severodonetsk)

6. Девочка с венком. 1980-е годы. Из архива Е. В. Сирик (Луганск/Северодонецк)
6. Girl with a Flower Crown. 1980s. From the archive of E.V. Sirik (Lugansk/Severodonetsk)

7. Дети, выступающие на школьном празднике. 1980-е годы. Из архива Н. Троцкой (Рубежное)
7. Children Performing at a School Celebration. 1980s. From the archive of N. Trotsky (Rubezhnoe)

8. Девочка в фотоателье. 1980-е годы. Из архива Н. Троцкой (Рубежное)
8. Girl in a Photo Studio. 1980s. From the archive of N. Trotsky (Rubezhnoe)

9. Праздник в детском саду. 1970-е годы. Из архива Е. Нижельской (Северодонецк)
9. Celebration at the Kindergarten. 1970s. From the archive of E. Nizhelskaya (Severodonetsk)

10. Новогоднее застолье. 1980-е годы. Из архива Ю. Печёного (Золотое)
10. New Year's Feast. 1980s. From the archive of Y. Pechyoniy (Zolotoe)

11. Надпись на обороте: «Моя первая группа» (детского сада). Лето 1963 года. Из архива семьи Дружбиных (Золотое)

11. Inscription on the back: "My First (Kindergarten) Group". Summer 1963. From the archive of the Druzhbin family (Zolotoe)

12. 2 «а» класс средней школы № 3 (Северодонецк). 1955/1956 учебный год. Из архива семьи Черновых (Северодонецк)

12. Second "A" Grade of Secondary School No. 3 (Severodonetsk). Academic year 1955/1956. From the archive of the Chernov family (Severodonetsk)

13. Свадьба. Расстилание рушника перед новобрачными. 1980-е годы. Из архива Ю. Печёного (Золотое)

13. Wedding. Spreading of the Rushnyk before the Newlyweds. 1980s. From the archive of Yu. Pechyoniy (Zolotoe)

14. Свадебный портрет в ателье. 1970-е годы. Из архива М. Данилкиной (Счастье)

14. Wedding Portrait in the Studio. 1970s. From the archive of M. Danilkina (Schastye)

15. Свадьба. Элемент народного обряда — омовение ног тещи. 1980-е годы. Из архива В. Н. Бордюковой (Павлоград)

15. Wedding. Folk Ritual Element — Washing the Mother-in-law's Feet. 1980s. From the archive of V.N. Bordyukova (Pavlograd)

16. Новобрачные возлагают цветы к памятнику Ленину. 1970-е годы. Из архива Л. Кропцовой (пгт Метёлкино)

16. Newlyweds Laying Flowers at Lenin's Monument. 1970s. From the archive of L. Kroptsavaya (Metelkino)

17. Второй день свадьбы. Мужчины, ряженные женщинами. 1970-е годы. Из архива С. Рудько (пгт Метёлкино)

17. Second Day of the Wedding. Men Dressed as Women. 1970s. From the archive of S. Rudko (Metelkino)

18. Похороны. 1960-е годы. Из архива С. Рудько (пгт Метёлкино)

18. Funeral. 1960s. From the archive of S. Rudko (Metelkino)

19. Похороны. 1970-е годы. Из архива М. Метёлкина (пгт Метёлкино)

19. Funeral. 1970s. From the archive of M. Metelkina (Metelkino)

20. Семейный портрет с поздравительной надписью. 1950 год. Из архива Е. Винокуровой (Золотое)
20. Family Portrait with a Congratulatory Inscription. 1950. From the archive of E. Vinokurova (Zolotoe)

21. Фото на память. 1950-е годы. Из архива семьи Солдатовых (Северодонецк)
21. Commemorative Photo. 1950s. From the archive of the Soldatov family (Severodonetsk)

22. Фото на память. 1950-е годы. Из архива семьи Солдатовых (Северодонецк)
22. Commemorative Photo. 1950s. From the archive of the Soldatov family (Severodonetsk)

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Санкт-Петербург, 2006

РЕЦЕНЗИИ

Почему работает то, что не должно работать

Рец. на: Мохов, С. (2020). Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common place.

Дмитрий Вячеславович Громов ^[1]

✉ gromovdv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0443-8718

^[1] Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Громов, Д. В. (2024). Почему работает то, что не должно работать. Рец. на: Мохов, С. В. (2020). Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common place. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 188–194. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-188-194.

Why works what shouldn't work

A review of: Mokhov, S. (2020). The Archaeology of Russian death. Ethnography of funeral business in modern Russia. Moscow: Foundation for support of social research "Khamovniki"; Common place.

Dmitry V. Gromov ^[1]

✉ gromovdv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0443-8718

^[1] Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

To cite this article:

Gromov, D. (2024). Why works what shouldn't work. A review of: Mokhov, S. (2020). The Archaeology of Russian death. Ethnography of funeral business in modern Russia. Moscow: Foundation for support of social research "Khamovniki"; Common place. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1–2), 188–194. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-188-194.

«Археология русской смерти» стала заключительной частью трилогии Сергея Мохова об умирании и похоронном деле (хотя концепция этого трехтомника, кажется, нигде Моховым не сформулирована; по крайней мере, на страницах книг ее найти не удалось).

Книга первая [Мохов 2018] представляет собой историческое описание отношения человеческого общества к мертвому телу, процессу похорон и практикам памяти об умерших. Повествование начинается со Средних веков; затем охватывает Новое время — развитие похоронного дела, его переход из сферы компетенции церкви в руки государства и предпринимательства; рассматривается формирование коммеморативных практик в их нынешнем состоянии (автор называет соответствующую главу «Золотой век похоронной индустрии: 1914–1990»); отдельный раздел посвящен развитию похоронного дела в России. Исторический подход дополняется антропологическим: изменение похоронной обрядности рассматривается в контексте изменения отношения к телесности. Мохов заканчивает книгу «футурологической» главой, обрисовывая текущие тенденции изменения практик умирания и памяти и экстраполируя их в будущее (если коротко, смерть будет все более осмысленной, а похороны — не унифицированными, а индивидуализированными, чаще будут проводиться кремации и утилизация праха необычными способами).

За первой книгой следует вторая [Мохов 2020]. Здесь речь идет об истории осмысления человеком смерти; о том, как в зависимости от религиозных и философских воззрений, идеологических, экономических и социальных факторов изменяются представления людей об умирании, затрагиваются вопросы бессмертия, эвтаназии, права человека распоряжаться своей жизнью, паллиативной помощи, уделено внимание репрезентациям смерти в популярной культуре.

Наконец, третья книга, на которую и написана рецензия, посвящена конкретно «русской смерти» — практикам похорон и коммеморации в современной России. Автор отметил: «Прежде всего я старался описать и понять, что происходит с нами, когда мы сталкиваемся с необходимостью проститься с близким человеком. Что мы делаем, участвуя в похоронах? <...> Как, кто и почему организует сегодня похороны в России?» (с. 10).

За плечами автора полевое исследование: включенное наблюдение (в том числе работа с фирмой, организующей похороны), многочисленные интервью. Книгу открывает подробное этнографическое описание того, какой путь проходит мертвое тело после смерти: транспортировка (действия медиков, полиции, похоронных агентов; конкуренция ритуальных специалистов за тело; его перевозка от места смерти до места сохранения) — морг (вскрытие; обработка тела и подготовка его к похоронам; взаимодействие моргов с другими акторами похоронного процесса) — выдача тела и прощание (манипуляция родственниками при выдаче; отпевание и перевозка тела) — кладби-

ще (обеспечение места на кладбище; случаи неопределенности статуса кладбищ). Несомненным успехом книги являются иллюстрирующие цитаты из интервью и полевых записей, равномерно вставленные в текст («Кто первый приехал — того и тело. За его нарушение имеешь полное право по лицу дать» (с. 22)). Эти цитаты создают эмоциональный фон этнографического описания, наполняют его голосами; настрой на эмоциональное восприятие текста, заданный с самого начала, получит развитие в заключительной главе.

В книге формулируется проблема, системная для России: различные акторы, обеспечивающие похоронный процесс, не сведены в единые кластеры, работают не слаженно, инфраструктурные проблемы видны потребителю. Проблемы существуют на фоне несовершенства нормативно-правовой базы, регулирующей похоронное дело.

Эмпирическое описание похоронного дела в России продолжается в главе 2, но здесь фокус внимания сосредоточен на акторах процесса похорон. При анализе используются категории «инфраструктура», «поломка», «ремонт». Говоря упрощенно, под инфраструктурой понимается совокупность организационных, материальных и нормативно-правовых ресурсов, обеспечивающих процесс похорон или других способов утилизации мертвых тел; «похороны — это процесс транспортировки усопшего через все инфраструктурные барьеры для того, чтобы он упокоился в могиле» (с. 93). При оптимальной работе инфраструктуры ее деятельность должна быть малозаметна, организационные вопросы решаются быстро, качество оказываемых услуг должно быть высоким. Однако недостатки инфраструктуры (например, территориальная удаленность узлов технологической цепочки, слабость материальной базы, юридическая неразбериха, конфликты интересов бизнес-акторов и проч.) ведут к сбоям ее работы (иначе говоря, к «поломкам»). Возникновение «поломок» приводит к действиям, компенсирующим их; иначе говоря, к «ремонту». Например, инфраструктурные проблемы заставляют российские похоронные агентства прибегать к «ремонту» в форме действий, основанных на личных связях. Более того, вся деятельность похоронных агентств, по Мохову, растворяется в «поломках», сводясь к операциям внутри коммуникативной сети; «ритуальный бизнес нельзя купить или рейдерски захватить; его фактически не существует: он то появляется, то исчезает, следуя за своими неформальными связями и сетями, то есть, за личными знакомствами в моргах, на кладбищах, в крематориях и трупохранилищах, среди полицейских и работников скорой помощи» (с. 75).

В главе 3 описывается, как исторически сформировалась существующая ныне система, основанная на непрерывных «поломках» и «ремонтах» похоронной инфраструктуры. В конце XIX века похороны в России представляли собой «слабо развитое городское ремесло, когда граждане, по сути, справлялись со всем самостоятельно, обращаясь за помощью к плотникам и многочисленным небольшим по-

хоронным бюро» (с. 104), а некоторый модернизационный прогресс в начале XX века был перечеркнут событиями Октябрьской революции. В декабре 1918 года похоронное дело со всей его инфраструктурой было национализировано советским государством, и частный бизнес в этой сфере был запрещен. Религиозные институты были отстранены от похоронных дел. Незначительные попытки создать в 1920–1930-х годах новую советскую похоронную обрядность (например, через развитие кремации) привели к тому, что «к началу Великой Отечественной войны частное похоронное дело на территории СССР было уничтожено, инфраструктура перешла в сферу ответственности государства, однако на ее поддержание и развитие не хватало средств, что быстро привело к упадку. Например, большое количество кладбищ было физически уничтожено или перешло в бесхозное состояние, похоронные бюро переводились в ведомство коммунальных служб; производство гробов и похоронных аксессуаров не было налажено. <...> Похоронная инфраструктура оказалась в системном дисфункциональном состоянии» (с. 113). Не поспособствовала развитию похоронного дела и послевоенная разруха. Сформировалась практика бриколажа — изготовления похоронных принадлежностей и могильных памятников из отходов — обрезков труб, бросовых досок, старых надгробий и т. д. Производство шло полукустарным способом — в слесарных и столярных мастерских. Большую роль в похоронах играли организации, в которых работали покойные; часто именно их администрация способствовала подготовке всех этапов похорон: изготовлению креста, гроба и оградки, предоставлению служебного транспорта, организации поминок. В 1960–1970-х годах похоронное дело упорядочивалось и развивалось, однако в условиях дефицита товаров и затрудненности предпринимательской деятельности это не привело к серьезному прогрессу. Поэтому в конце 1980-х годов, когда появились первые кооперативы, занимающиеся ритуальными услугами, «материальной базой для создания и развития подобных кооперативов стала ранее описанная система бриколажа и теневого/кустарного производства похоронных принадлежностей» (с. 127).

Интересна высказанная С. В. Моховым мысль о том, что многочисленные «сбои и поломки» российской похоронной инфраструктуры наполняются дополнительными ритуальными смыслами. Именно «ремонт» сбоев и поломок становится сутью ритуала. В частности, в советское время отсутствие системы похоронных услуг и хронический дефицит товаров стимулировали взаимодействие родственников, друзей, сослуживцев покойного, которые объединялись для обеспечения похорон; это совместное действие и было поминальным ритуалом — тратя свое время и усилия, окружение покойного воздавало ему честь; организация похорон предприятиями, на которых работали покойные, была как бы признанием их жизненных заслуг. В настоящее время ритуал поминовения усопшего также во многом основан на уxo-

де за захоронением: родственники очищают могилу от нападавшей листвы и сорной травы, красят оградку, обновляют памятник — это и есть акт поминовения. В данном случае «похоронно-поминальный обряд предполагает особый режим взаимодействия с материальным миром — постоянный его ремонт» (с. 97).

Отсутствие надежной инфраструктуры, позволяющей осуществлять коммеморативные действия, приводило и к трансформации материальной части коммеморации. Например, распространение в послевоенные годы могильных оград было обусловлено тем, что «кладбища, пребывающие в бесхозяйственном виде, никем не обслуживались, и поэтому место на погосте не было закреплено никаким правом. Для его сохранности и в качестве материального свидетельства своих прав на могилу люди начали устанавливать ограды» (с. 119). Возникновение ритуальных практик как компенсации инфраструктурных сбоев явление не только российское; так, в первой книге трилогии Мохов писал, что во Франции отсутствие необходимого оборудования в больницах и моргах привело к появлению специальных комнат долгого прощания — гостиничных номеров, в которых тело хранится в присутствии проживающих здесь же родственников.

При чтении книги возникают замечания теоретического плана. К сожалению, автор недостаточно полно обосновывает правомерность использования концептов «инфраструктура», «поломка», «ремонт». В научной литературе, посвященной исследованию социокультурных и технологических процессов, эти понятия используются довольно широко и в разных контекстах [Graham 2007; Henke 2000; Jackson, Pompe, Krieshok 2012; Orr 1996; Suchman 1987], стоило бы сделать обзор теоретических подходов к данным темам и вписать собственное исследование в их контекст.

Видимо, из-за недостаточного внимания к теоретическому осмыслению ускользает из зоны внимания такой важный момент: в России речь идет не столько о «поломках» в похоронном деле, сколько об общей несформированности похоронного бизнеса.

«Поломки» инфраструктуры, ведущие к «ремонту», вполне логично видеть в тех случаях, когда можно выделить какую-либо изначально существующую «правильно» работающую инфраструктуру, в результате сбоев которой нарушается «правильное» течение процесса. Такой подход можно видеть, например, в недавно вышедшей книге Ольги Пинчук, рассказывающей о нарушениях технологического процесса из-за изношенности оборудования [Пинчук 2021]. Но в российском похоронном деле «правильного положения дел» исторически никогда не существовало. В работах Мохова показано, что в Европе и Америке похоронный бизнес как отрасль сформировался ближе к концу XIX века. Россия, несколько отстававшая от развития новаций вообще, отставала и в практиках захоронения; в начале XX века новый подход к похоронному делу можно было увидеть только в крупных городах. Семьдесят лет советской власти не способствовали

прогрессу в похоронной сфере, поэтому к началу 1990-х годов развитие ритуального бизнеса началось чуть ли не с нуля. Можно ли говорить о «ремонте» того, чего не было, или это все-таки не «ремонт», а создание и последовательное развитие инфраструктуры, основанное на существующих практиках и совершенствовании сервиса?

К слову, культура похорон в России постепенно развивается; если лет тридцать назад сервис в похоронной сфере почти отсутствовал, то сейчас сформировались и практики сопровождения мертвого тела, и рынок сопутствующих товаров, и сфера похоронно-поминальных услуг. Конечно, в первую очередь улучшение происходит в крупных городах, но прогресс очевиден и в целом. Заметим: автор, сосредоточившись на описании «поломок», упускает этот прогресс из виду. Надо отметить и общее снижение важности неформальных связей в процессе похорон; эти связи все чаще оказываются ненужными. Развитие ритуальных служб приводит к тому, что работу, связанную с похоронами, берут на себя уже они, а близким покойного остается выражать скорбь только через личное присутствие на похоронах и соболезнования. Таким образом, описанная в книге схема, при которой «процесс связан с необходимостью согласований, поддержания норм традиционных практик и принципов коммуникации, которые сформировались в локальном социальном порядке» (с. 100), со временем теряет свою актуальность.

Продвигаясь в изложении своей темы, автор на протяжении трех томов принимает на себя самые разные роли: он и историк, и социальный антрополог, и социолог, и выступает с футурологическими прогнозами. Последняя глава третьей книги неожиданно (но при этом вполне оправданно) выполнена в жанре автоэтнографии. Мохов рассказывает о том, какое значение тема смерти играла в лично его жизни. Сначала описывается жизнь и смерть ближайших родственников — дедушек и бабушек, отца, рефлексировается личное отношение к этим смертям; затем описывается личная жизнь автора в смертном контексте: от детских переживаний, связанных с осмыслением неживого, до рефлексий по поводу издания первых собственных книг о смерти, взаимодействия с информантами, журналистами и участниками похоронного бизнеса. Местами это практически мемуары.

Не каждый антрополог и не для каждой темы может осуществить такую автоэтнографическую рефлексию. Но смерть — антропологическая константа, о которой каждому человеку есть что рассказать, и с которой каждый выстраивает отношения в течение всей жизни. Поэтому последняя глава обеспечивает книге (и всей трилогии) особое эмоциональное воздействие на читателя: она как бы приглашает вспомнить, осмыслить и сопоставить с написанным свой, личный опыт смерти близких, посещения и организации похорон, страха конца жизни, памяти об усопших и ощущения умирания в самых разных аспектах — от выбрасывания старых вещей до старения человеческих тел и предположений о жизни после жизни.

Но, несмотря на то что книга оказывает эмоциональное воздействие на читателя (и это прекрасно), она остается научным произведением, отвечающим на ряд исследовательских вопросов; в частности, на вопрос, вынесенный в заголовок данной рецензии: почему при рассмотрении ритуального бизнеса в России «работает то, что не должно работать».

Литература

- Мохов, С. В. (2000). *История смерти. Как мы боролись и принимали*. М.: Individuum.
- Мохов, С. В. (2018). *Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия*. М.: Common place.
- Пинчук, О. В. (2021). *Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих*. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place.
- Graham, S., Thrift, N. (2007). Out of Order: Understanding repair and maintenance. *Theory, Culture & Society*, 24(3), 1–25. DOI: 10.1177/0263276407075954
- Henke, Ch. (2000). The mechanics of workplace order: Toward a sociology of repair. *Berkeley Journal of Sociology*, 44(1999–2000), 55–81.
- Jackson, S. J., Pompe, A., Krieschok, G. (2012). Repair worlds: Maintenance, repair, and ICT for development in rural Namibia. In *CSCW'12: Proceedings of the ACM 2012 conference on Computer Supported Cooperative Work. February 2012*, 107–116. Seattle, WA. DOI: 10.1145/2145204.2145224
- Orr, J. E. (1996). *Talking about machines: An ethnography of a modern job*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Suchman, L. (1987). *Plans and situated actions: The problem of machine-human communication*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

References

- Graham, S., Thrift, N. (2007). Out of Order: Understanding repair and maintenance. *Theory, Culture & Society*, 24(3), 1–25. DOI: 10.1177/0263276407075954
- Henke, Ch. (2000). The mechanics of workplace order: Toward a sociology of repair. *Berkeley Journal of Sociology*, 44(1999–2000), 55–81.
- Jackson, S. J., Pompe, A., Krieschok, G. (2012). Repair worlds: Maintenance, repair, and ICT for development in rural Namibia. In *CSCW'12: Proceedings of the ACM 2012 conference on Computer Supported Cooperative Work. February 2012*, 107–116. Seattle, WA. DOI: 10.1145/2145204.2145224
- Mokhov, S. (2000). *The History of Death. How We Fight and Accept*. Moscow: Individual. (In Russian).
- Mokhov, S. (2018). *The birth and death of the funeral industry: from medieval cemeteries to digital immortality*. Moscow: Common place. (In Russian).
- Orr, J. E. (1996). *Talking about machines: An ethnography of a modern job*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Pinchuk, O. (2021). *Crashes and breakdowns. The ethnographic study of factory workers' labor*. Moscow: "Khamovniki"; Common Place. (In Russian).
- Suchman, L. (1987). *Plans and situated actions: The problem of machine-human communication*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Научный журнал
Academic journal

Фольклор и антропология города
Urban Folklore & Anthropology

2024, 1-2, Т. VI

Основан в мае 2018 года
Established in May, 2018

Научный редактор

Е. Ф. Левочская

Редактор английского текста

Д. А. Трынкина

Корректурa

В. А. Комарова

Верстка, дизайн

В. Ф. Лурье

Academic Editor

Yelena Levochskaya

English Language Editor

Daria Trynkina

Proofreader

Vera Komarova

Art Editor, Designer

Vadim Lurie

ISSN: 2658-3895

Адрес редакции: 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 9
Postal address: 82 bldg. 9, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119606

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 1

The journal is published by The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
82 bldg. 1, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119606

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
In case of reprinting, reference to the journal is obligatory.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
All articles published in the journal have been peer-reviewed.

Подписано в печать 25.06.2024. Формат 70×100/16

Тираж 500 экз. (первый завод — 200 экз.)

Цена свободная

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 9

Номер Свидетельства о регистрации СМИ в Роскомнадзоре: ПИ № ФС77-73157 от 22.06.2018

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
макет, дизайн, 2024

© Авторы, статьи, 2024

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, layout, design,
2024

© Authors, articles, 2024